

НАШЕ ПОСЛЕДНЕЕ "ПРИВЕТ"

КРИСТИ МАРИ ПОПЛИН
Книжный червь Переводы книг

Уиллоу Монро и Кеннеди Дэйнс — лучшие друзья с первого класса. Они неразлучны, любят вместе кататься на велосипедах, улыбаться жизни и смеяться. В конце последнего года учебы в школе Кеннеди узнает, что неизлечимо болен. Однако он не отчаивается, а пытается найти способ сказать Уиллоу, что ему осталось жить полгода. Уиллоу и Кеннеди не могут сказать друг другу «прощай». Они договариваются, что будут всегда говорить только «привет» до самого конца. 16 августа 1997 года Уиллоу и Кеннеди последний раз говорят друг другу «Привет!». Прошло девять лет. Уиллоу работает медицинской сестрой в небольшом госпитале в Чикаго. Там она встречает Уайатта – ворчливого пациента, под внешностью которого прячутся чистое сердце и глубокая мудрость. Когда они, наконец, заключают перемирие и договариваются быть вежливыми и больше не грубить друг другу, Уайатт признается, что видит в Уиллоу свет, который никогда не погаснет. Все меняется, когда Уайатт решает раскрыть Уиллоу свой страшный секрет. Уиллоу разрывается, она должна решить, стоит ли подавить чувства, которых она так боится, или, может, открыть свое сердце...

- [Кристи Мари Поплин](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)

- [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
-

Кристи Мари Поплин

Наше последнее "Привет"

Перевод: Кристина Руснак

Редактор: Юлия Андреева

Вычитка: Дарья Курапова

Русификация обложки: Анастасия Токарева

Переведено специально для группы: Книжный червь / Переводы книг

Любое копирование без ссылки на переводчиков и группу ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

16 августа 1997 года, 23:08

Уиллоу

Мы были слишком пьяны. Перепили дешевого вина, которое он украл в том маленьком магазинчике. Ничего из того, что мы сделали в том состоянии, не было ошибкой. Он был моим лучшим другом. Я любила его, и он хотел, чтоб так было всегда. И это убивало меня.

Помню, как смотрела в большое окно, нервно колотя ногой по стене, и наблюдала, как мой лучший друг делал то, на что мне никогда не хватило бы духу. Он старался жить легко, пока мог. Я пыталась убедить его, что это разрушит наши планы. Хотя планов у нас было немного. Да и времени у нас было мало, раз уж на то пошло.

Он небрежно спрятал бутылку во внутренний карман джинсовой куртки, которая была ему великовата. Купив небольшую упаковку жевательной резинки, он вышел из магазина, насвистывая на ходу до боли знакомую мне мелодию. Его не поймали.

— *Итак*, ты сказала, что я не сделаю этого, но я сделал. Ты мой должник, Уилл, — сказал он мне.

Кеннеди стоял рядом и победно улыбался. Даже его брови выражали радость.

Ему всегда нравилось называть меня Уилл. Хотя я и не любила прозвища, ему это позволяла. Он имел власть надо мной, и я любила его больше жизни. Собственное имя я точно любила меньше. Мы играли и притворялись.

Я тяжело вздохнула при виде бутылки вина, которую он неумело прятал под джинсовой курткой, тем самым выдавая себя.

Безуспешно пытаясь скрыть свое отчаяние, я схватила его за полы куртки и стала быстро ее застегивать.

Он смотрел на меня сверху вниз, и я прикусила губу, пытаясь сосредоточиться. Он внимательно наблюдал за моими движениями, затем опустил подбородок, мешая мне застегнуть верхнюю пуговицу. Я рассердилась и пробормотала:

— Дай мне застегнуть последнюю пуговицу, Кеннеди.

— *Нет*, — он решил подурачиться.

— Мне нужно застегнуть последнюю пуговицу, — запротестовала я.

Он улыбнулся, как умеет только он, и перехватил мои руки. Стоило Кеннеди поймать мой взгляд, и я успокоилась, не чувствуя больше бешеной пульсации в висках. Отпустив меня, он натянул воротник и расстегнул одну пуговицу.

— Ты готова пойти домой, Уиллоу? — спросил он ласково.

— Я была готова еще до того, как мы пришли сюда, — пробормотала я.

Он слегка наклонился, чтобы поцеловать меня в висок, и обнял за плечи. Я покорно прильнула к нему, и услышала, как он прошептал:

— Тогда пойдём домой.

Мои замерзшие ладони постепенно согревались исходящим от него теплом. Мы шли к велосипедам, которые бросили на тротуаре в нескольких кварталах от магазина.

Мне никогда не удавалось подстроиться под его настроение. Не знаю, как он это делал. Он был добродушным и мягким. Я была словно натянутая струна. Мы с Кеннеди были слишком

молоды и ненормально близки, чтобы хорошо понимать, что значит прощаться.

Мы не осознавали, что означает сказать «*Прощай*». Я переезжала в Чикаго. Он умирал.

Мы пообещали друг другу, что никогда не будем прощаться. Мы будем рядом до тех пор, пока в один прекрасный день не скажем друг другу последний раз «Привет!».

Просто нам было страшно, и это казалось единственным выходом.

Мы сели на велосипеды и поехали вниз по улице. Я старалась не замечать дрожь в ногах, потому что мы были уже близко. Мы были почти дома.

У нас не было домика на дереве, да и дерева не было. Мы не строили крепость из стульев и пледов. У нас был домик из бревен, *некоторые* называют такие дома хижинами. Мы называли его своим домом.

Когда нам с Кеннеди было по пятнадцать, мы построили свой дом из крупных бревен в небольшой роще, расстилающейся между нашими настоящими домами, в которых наши родители каждый вечер ждали нас к ужину. Эта роща будто разделяла нас, поэтому мы решили сделать ее своим убежищем – нашим *новым* домом.

В нем не было электричества и отопления, он даже не был утеплен, но нам было все равно. У нас были электрические фонари и запас батарей. Гора пледов. Два больших мягких пуфа, по одному для каждого. У нас было все, что нужно.

Мы привыкли носить клетчатые рубашки на пуговицах и кожаные ботинки. Нам это казалось забавным, и мы не переставали над этим смеяться.

Мы проезжали через лес, избегая веток и объезжая кучи пожелтевших листьев, нажимая на педали изо всех сил, чтобы не застрять в грязи. И я улыбалась. Это было мое любимое место.

— Бутылка натирает мне пузо, Уиллоу, — пропыхтел Кеннеди. — У меня появится сыпь, как у малыша.

Я усмехнулась. Кеннеди совсем не был толстым.

— Думаю, ты заблуждаешься. Нет у тебя пуза. Может, дряблая кожа, но уж точно не пузо, — ответила я ему, также задыхаясь на ходу. — И ты не ребенок.

— Ну, как бы там ни было, думаю, у меня сыпь, — он вздохнул с облегчением и резко притормозил. Наконец добрались.

Мы синхронно бросили велосипеды на землю и улыбнулись друг другу.

— Позволь, я позабочусь о тебе, *дорогой*, — поддразнила я, приближаясь к нему. Он привлек меня к себе и крепко обнял.

Мы направились в сторону дома. Он наклонился, прядка его темных волос пощекотала мне шею, и прошептал:

— Ты всегда заботишься обо мне, и я благодарен тебе, Уиллоу Рене Монро, очень благодарен. Я не заслуживаю тебя.

Своими словами Кеннеди вогнал меня в краску. Мы остановились, и, встав на носочки, я поцеловала его в щеку.

— *Как бы то ни было*, Кеннеди Аарон Дейнс, — прошептала я ехидно, — отдай мне бутылку. — Я указала на оттопыренный карман куртки, и он расстегнул ее одним движением.

— Забирай, — сказал он, бросая мне бутылку. Я поймала ее и ухмыльнулась.

— Я выбрал бутылку с откручивающейся крышкой, у нас же нет штопора, и ты бы расстроилась, — сказал он, услышав мой вздох облегчения.

— Ты меня знаешь, — сказала я, откручивая крышку и отбрасывая ее в сторону. Кеннеди нашел фонарь и осветил мне.

Одним быстрым движением я приложила бутылку к губам и замерла в ожидании, пока Кеннеди не кивнул:

— Можешь выпить все до капли.

Вино пахло медицинским спиртом, а на вкус было просто тошнотворным. Меня удивило, как люди могут любить такую *гадость*.

Я подавилась, пролив немного вина на подбородок и шею, сунула бутылку Кеннеди в протянутую руку, и вытерла стекавшую по коже каплю. Он охотно взял вино и выпил намного больше, чем смогла я.

Он прервался, чтобы перевести дух, и бутылка оказалась почти наполовину пустой.

— М-да, не очень-то вкусно, — согласился он.

— Дешевое вино, — ответила я равнодушно, слегка улыбаясь.

— Это верно, — хихикнул он. — Хочешь еще?

Я сморщила нос и подняла палец вверх:

— Э-э, дай мне минутку, нужно присесть, — я огляделась в поисках моего пуфа. Заметив его в самом углу, я подошла и плюхнулась вниз. Когда Кеннеди опустил на свой пуф рядом со мной, я глубоко вдохнула.

— Ты кружишься, — сказал он, наклонив голову в мою сторону, глаза его блестели.

— Ты тоже, — кивнула я, наклонив голову набок.

Он сделал еще глоток и нахмурился:

— Это действительно дешевое вино.

Я засмеялась и протянула руку:

— А я выпью.

Он передал мне бутылку, и я выпила. Немного встряхнувшись, я сделала еще один глоток, но омерзительный привкус не исчезал, поэтому я раздраженно вздохнула:

— Не думаю, что смогу когда-нибудь это полюбить, — и вернула бутылку Кеннеди.

Он не стал пить. Повертел бутылку в руках, на дне оставалось еще немного вина. Он посмотрел на меня и улыбнулся – но это была другая улыбка, которой я раньше никогда не видела. Я внимательно наблюдала за ним, ожидая, что он что-то скажет.

— Ты когда-нибудь задумывалась о вечности, Уиллоу? — наконец произнес он.

Я пожала плечами.

— Как-то сложно думать о вечности, — ответила я. — Особенно когда тебе восемнадцать, и ты ни в чем не уверен.

Я понимала, что не такой ответ он хотел услышать. Как бы я ни притворялась, с ним я всегда была искренна, и Кеннеди это знал.

Он кивнул и нахмурился.

— Последнее время я часто думаю о вечности, — он не смотрел в мою сторону, и я опустила глаза.

— Какого черта, Кеннеди... — прошептала я хмуро. — Почему?

Он слегка тряхнул головой, едва улыбнувшись.

— Потому что лучше думать об этом, чем не задумываться вообще, — пожал он плечами.

— Не знаю, — Я не была уверена, прав ли он на этот счет.

Затем он взглянул на меня. Мы смотрели друг на друга какое-то время. Я не хотела его отпускать. Я не хотела прожить и дня без него. Я не могла думать о вечности. Потому что мне хотелось, чтобы он был частью моей вечности – ведь Кеннеди был моим лучшим другом.

— Прости, мне не следовало этого говорить, — прошептал он, отложив бутылку на пол. — Иди ко мне.

Я дважды споткнулась, пытаясь пересечь к нему. Уткнувшись лицом в его грудь с едва наметившимися мускулами, я вздохнула и обняла его одной рукой. Он опустил подбородок мне на макушку и крепко сжал мою вторую руку, застрявшую между нами.

— Я буду держать тебя за руку, пока бьется мое сердце, Уилл, — сказал он тихо, целуя меня

в лоб. — Когда оно перестанет биться, все вокруг станет холодным. Я не хочу, чтобы в этот момент ты оказалась рядом.

Кеннеди посмотрел на меня сверху вниз, и наши глаза встретились. Мое дыхание участилось, я не хотела слышать что-то подобное. Он говорил правду, и эта правда пугала меня.

— Ты же не хочешь умереть один, Кеннеди. Ты не можешь. Я не позволю, — шептала я.

Он вытер мои льющиеся ручьем слезы.

— Я хочу, чтобы ты запомнила меня *таким*. Крепко обнимающим и согревающим тебя. Ты не должна быть рядом, когда я буду чувствовать, как *умираю*, Уиллоу. Я безоговорочно влюблен в тебя, и у меня осталось слишком мало времени, чтобы тебе это показать.

Я возразила, шмыгнув:

— Ты просто пьян.

Он покачал головой и улыбнулся:

— Я безоговорочно влюблен в тебя, даже когда трезвый.

Я не хотела это слышать. Я злилась.

— Зачем ты мне это говоришь? Я и так это знаю. *Мы* это знаем. Зачем ты *сейчас* говоришь это вслух? — в моем голосе звучало отчаяние. — Это несправедливо.

Он притянул меня к себе и обнял еще крепче, потому что пока мог сделать это. Сейчас он был достаточно силен, чтобы обнять меня. Потом уже не сможет.

— Лучше я скажу *сейчас*, как сильно люблю тебя, чем не скажу этого никогда. Это и есть моя вечность, Уиллоу. Понимаешь? Ты моя вечность. Моя. Навсегда, — сказал он, слегка встряхнув меня, и посмотрев мне в глаза так, что я не выдержала его взгляда и отвернулась.

Я сделала это. Я впервые поцеловала лучшего друга в губы. Он впервые ответил на мой поцелуй. Мы впервые прикасались друг к другу так, как никогда прежде.

— Я люблю тебя, — сказала я Кеннеди в первый раз. Наши губы соприкасались, мы оба тяжело дышали.

Мне следовало думать о том, как он счастлив сейчас, а не о том, что мое сердце разобьется, когда Кеннеди не станет. У него останутся воспоминания обо мне, и я навсегда буду его. Я хотела быть его вечностью. Больше всего на свете.

Мы растворились в его вечности, и вместе со мной он нашел свой покой. Он заслужил это. Я была разбита.

Но я любила его больше жизни.

— Ты моя первая, — сказал он мне.

Я кивнула:

— Я знаю, — и улыбнулась, прильнув к его шее. Это было правдой. В тот момент я была счастлива. — Ты тоже мой первый, — и он знал, что это так.

В доме было много пледов, но почему-то нам не удалось найти ни одного. Мы лежали на полу, согреваясь в объятиях друг друга.

— Я бы спросил, в порядке ли ты, но, боюсь, это прозвучит глупо, учитывая твоё признание, — засмеялся он.

— Я в порядке, Кеннеди.

— Я знал, что так и будет.

Я поцеловала его, и нам было *не просто хорошо*, было прекрасно. Его руки были мягкими и теплыми. Он был теплым, и я любила его. Я прижалась ухом к его обнаженной груди, прислушиваясь к биению его сердца.

Как же я любила этот звук. Моя рука покоилась на его груди, и я могла насладиться звуком биения его сердца.

— Рано или поздно нам придется это сказать, Уиллоу, — произнес он.

— Не сейчас, — возразила я.

Он все равно собирался настоять на своем. По-другому быть не могло. Я ничего не могла изменить. Он дал мне еще один час, потому что хотел этого. Он был сильнее меня.

— Привет, — сказал он.

Я не была готова. И никогда не буду. Я сказала это лишь потому, что он хотел это услышать.

— Привет, — прошептала я. После нескольких секунд тишины я заплакала, потому что мне стало мучительно больно.

Не было слышно ничего, кроме тишины. И после ухода Кеннеди везде и всегда будет только тишина. Мысли об этом нагоняли на меня тоску.

Кеннеди обнимал меня, я все еще лежала на его груди. Я разрыдалась, когда его сердце учащенно забилося, и не могла остановиться.

Он гладил меня по спине, и постепенно я успокоилась. К тому моменту слезы почти иссякли.

Он ничего не сказал.

Я ничего не сказала.

Я залезла на ближайший пуф, пока он одевался, затем он не спеша подошел и помог одеться мне. Застежка бюстгалтера ему не поддавалась, и после пары неудачных попыток я просто отбросила бюстгалтер в сторону. Он был мне не нужен, и Кеннеди с облегчением согласился, вздохнув, но промолчал.

Когда я была полностью одета, Кеннеди последний раз поцеловал меня в губы, затем в лоб, и вышел из нашего дома, так ничего и не сказав.

Тогда мы последний раз сказали друг другу «Привет!».

Я не могла встать и убедить его остаться. Если он останется еще хоть ненадолго, то никогда не захочет уйти. Ему не хватит сил уйти.

Я знала Кеннеди лучше, чем кого-либо.

Он хотел, чтобы я запомнила его как Кеннеди, а не как умирающего в своей постели, изможденного восемнадцатилетнего мальчика. Я понимала и уважала его решение.

В любом случае мое сердце будет разбито.

Лучше видеть, как он легко уходит сейчас, чем наблюдать, как душа будет постепенно покидать его.

Я должна была быть сильной, как он, и не поддаваться слабости.

Просто я любила его, и это было нелегко.

Мне понадобится время, чтобы найти свою цель, и он это знал. Его вера в меня помогала мне идти дальше. Когда-нибудь я буду в порядке.

16 августа 2006 года, 23:08

Уиллоу

Я провела пальцами по его груди, проложив дорожку вниз и обведя сосок. Он издал глухой стон, отчего моя кожа покрылась мурашками.

Я нырнула к нему в постель, и он, казалось, был совсем не против.

Он лежал на спине, я поднялась и оседлала его. Я знала, что он обнажен. В темноте комнаты парень не видел меня, а я не знала, проснулся ли он. Я была готова разбудить его.

Опустившись на него, я почувствовала, что он обнажен, а он простонал мое имя:

— Уиллоу...

Он не ожидал, что я приду сегодня, но мне было плохо. Мне нужен был простой бессмысленный секс, и он был единственным, кто мог заполнить эту пустоту.

Наслаждаясь ощущением заполненности, я шевельнула бедрами, слова были не нужны.

Его руки скользнули по моей талии вверх, он гладил мою грудь, дразнил соски. Меня накрыло волной, я отдалась ощущениям, будучи с человеком, которого не любила.

Мы ускорились, я была уже близко, когда он сжал меня крепче. Толчки стали глубже и быстрее.

— Уиллоу, я сейчас кончу, — сказал он.

Я была на грани. Но, как и всегда, он пришел к финишу раньше, не оставив мне и шанса.

Я раздраженно вздохнула и слезла с него. Когда я легла на спину рядом с ним, он глубоко вздохнул, прижимая руку к груди.

— Черт, ты успела?

— Ага, — солгала я. Сегодня я не получила желаемой разрядки и собиралась уходить.

— Хорошо, — зевнул он. — Доброй ночи, Уиллоу, — сказал на прощание, укрываясь простыней и поворачиваясь ко мне спиной.

— Доброй ночи, Зейн.

Я тотчас вытащила свою задницу из его постели.

— Запри дверь, когда будешь уходить, — пробормотал он и уткнулся в подушку.

— Я всегда запираю, — пробубнила я, закатывая глаза.

У меня был ключ от его квартиры. Не то чтобы я гордилась этим. Зейн был случайным знакомым, ничего серьезного. Меня уже тошнило от него и его опытности, или, по правде говоря, отсутствия таковой. Он будто не чувствовал *момента*, и меня это бесило.

Я натянула трусики. Под медицинской формой на мне сегодня была футболка с длинными рукавами и спортивный бюстгальтер.

Одевшись в считанные секунды, я покинула квартиру Зейна, будучи раздраженной и злой. Меня выводило из себя, когда не удавалось достичь удовлетворения.

Глубоко вздохнув, я села в свою «джетту». Нужно было позвонить Кейтлин, меня слишком долго не было. Я приложила телефон к уху, ожидая услышать ее голос.

— Привет! — ответила она после пятого гудка.

— Это Уиллоу. Звоню сказать, что буду дома через пятнадцать минут.

— Хорошо, супер! — она была в хорошем настроении, и это меня успокаивало. — Аннетт

приехала пару часов назад, — добавила она.

В груди у меня все сжалось, но я улыбнулась:

— Это хорошо, я рада, что она немного отдохнет, — вздохнула я. — Скоро увидимся.

— Пока, до встречи.

Я положила трубку и завела машину. Ехать недалеко, но даже секунда тишины убивала меня, поэтому я включила радио, стараясь расслабиться. Из динамиков заорала музыка в стиле скримо, и я выключила радио быстрее, чем включила его, потерев висок свободной рукой.

Сегодня мне не хватало Кеннеди. *Сегодня* мне его особенно не хватало.

Я прикусила нижнюю губу, стараясь следить за каждым светофором по дороге.

Я переехала в Чикаго на следующий день после того, как мы последний раз сказали друг другу «Привет!». Здесь я и осталась. Когда мне было восемнадцать, я потеряла человека, которого сильно любила. И я дала жизнь человеку, которого полюбила еще сильнее. Мы с Кеннеди *оба* сделали это.

Я растила свою восьмилетнюю дочь Аннетт с помощью моей незаменимой соседки. Мы с Кейтлин жили вместе с колледжа. Конечно, она не могла заменить Аннетт отца, в котором девочка нуждалась, но во многом нам помогала. Она была тетей для Аннетт. Не представляю, что бы я без нее делала.

Беременная, напуганная, потерянная в свои восемнадцать, я сутками не выходила из комнаты в общежитии. Я не осознавала, насколько была разбита.

Когда я приехала на похороны Кеннеди с уже заметным животом, все, кто знал меня, поняли, что произошло. После службы ко мне подошла мама Кеннеди, взяла за руку и отвела в сторону. Она переживала, а я была совершенно разбита. Она сказала, что хочет защитить меня, раз уж ее сын не может больше.

Я ответила, что я в порядке, и что ребенок не от Кеннеди. Также сказала родителям, что не знаю, кто отец ребенка. Они были очень разочарованы.

Я не могла. Я не была готова. Трейс напоминала мне Кеннеди, и это причиняло сильную боль. Я не хотела больше грустить. Мне хотелось спрятаться.

Я была слишком замкнутой и не могла допустить, чтобы они узнали о моей лжи. Трейс Дэйнс не знала, что стала бабушкой. Мои родители не знали, что Аннетт никогда не увидит своего отца.

Аннетт росла, и каждый день все сильнее напоминала мне *его*. Порой мне становилось очень грустно, и я не знала, что делать. Однажды она спросит меня про отца, и я не знала, что ей сказать.

Ее отец погиб еще до ее рождения. Его нельзя было спасти. Он умирал, когда я впервые призналась ему в любви. Я поступила безрассудно и впустила ее в мир, где у нее не будет отца. Я сделала это не нарочно, но это не было ошибкой.

Я любила свою малышку и была счастлива, что она у меня есть. Но она всегда будет отличаться от других детей. У нее не будет отца, а я больше никогда не полюблю мужчину настолько сильно. Мы каждый день будем чувствовать утрату, потому что его нет с нами.

Ей трудно будет смириться с этим, когда она вырастет и поймет все сама. Я боялась, что этот день скоро наступит, что мой ребенок отвернется от меня, поймет, кого нужно винить.

Я снова глубоко вздохнула и подъехала к своему парковочному месту возле дома.

Я получила диплом медсестры, работала неполный рабочий день в маленьком госпитале недалеко от дома. Аннетт сказала бы, что я спасаю жизни, но это было не совсем так. Я помогала больным, старалась сделать каждый их день лучше, общаясь с ними. Но я никого не *спасала*. Некоторые умирали, а некоторые выздоравливали, иногда дольше, чем ожидалось. Как правило, процесс выздоровления шел, как и предписывал врач. Моя помощь никак на это не

влияла

Пациенты шли своей дорогой, независимо от того, была я рядом или нет. Я была лишь помощником на пути к выздоровлению, но не была лекарством.

Мне нравилась моя работа, и она мне помогала в какой-то степени. Я знала, что никогда не оправлюсь от смерти Кеннеди, но работа медсестры и борьба со смертью пациентов помогали мне справляться с моими собственными демонами. Постепенно, я приходила в себя, но бывали и трудные дни.

Сегодня был такой день. Шестнадцатое августа всегда был тяжелым днем.

Я вышла из машины, закинув на плечо рабочую сумку. Направившись к дому, увидела курящую Кейтлин на балконе. Должно быть, она совсем не спала сегодня. Увидев меня, она затушила сигарету в пепельнице и скрылась в комнате.

Войдя, я заперла дверь и поднялась по лестнице. Наверху располагалась наша скромная гостиная, кухня находилась слева от нее. Наши три небольшие спальни и две ваннные комнаты располагались с правой стороны от кухни, в глубине дома. Самая большая спальня была моей, но мы с Аннетт делили одну ванную комнату на двоих.

Ванная Кейтлин находилась по левую сторону коридора, напротив тех двух спален, что были ближе к кухне.

Наш дом был скромно обставлен, но у нас было много репродукций известных картин, и даже несколько семейных портретов. *Де-факто* мы были семьей.

У нас была хорошая мебель и большой телевизор. Мне нравилось смотреть кабельное после работы.

Мне хотелось усесться на наш черный кожаный диван и вытянуть ноги на кофейный столик, укрыться мягким пледом и смотреть какой-нибудь случайный фильм, который наверняка уже не раз видела.

Так проходил каждый выходной день, пока не просыпалась Аннетт. Но я только закончила свою смену, и был уже почти четверг. Я доверяла соседке заботиться о моем ребенке еще и тогда, когда я не чувствовала себя в порядке. Я теряла ощущение реальности.

Была почти полночь, а в восемь утра нужно было везти Аннетт в школу, завтра ее первый день в статусе третьеклассницы. К девяти я должна быть на работе, так что уже действительно поздно смотреть телевизор.

Кейтлин вышла из кухни и подошла ко мне. Я собиралась опустить сумку на пол, когда она откашлялась, привлекая мое внимание. Она смотрела на меня, вопросительно изогнув рыжую бровь.

— Почему ты выглядишь так, будто у тебя была бурная ночь? — спросила она шепотом.

— Потому что так и было.

Она не сразу поняла, какой сегодня день, но тотчас вспомнила и вздохнула.

Я кивнула, поставив сумку на пол рядом с диваном, и опустила свою задницу на подушки. Мне хотелось расслабиться.

Она стала принюхиваться, приближаясь ко мне, будто учуяв неприятный запах.

— Чем это пахнет?

Я прищурилась, закинув руки на подлокотники, и наблюдала, как Кейтлин хмурит брови.

— Я заехала к Зейну, прежде чем приехать домой. Кажется, мне нужно в душ.

— Фу, — простонала она.

— *Что?* — возмутилась я.

— Он горячий парень, не спорю. Но он не знает, как с тобой обращаться, — вздохнула она, посмотрев на меня своими темно-зелеными глазами. — И я думаю, он даже не знает, как мыть свой член. Прости, Уиллоу, но ты пахнешь худшим в мире сексом. Меня так и тянет закинуть

твою задницу в душ.

Ее волосы были собраны в пучок и заколоты китайскими палочками, она уже смыла макияж на ночь, надела свою серую в крапинку ночную сорочку, и чем дольше она смотрела на меня этим разочарованным взглядом, тем более грязной я себя ощущала. Кейтлин была помещена на чистоте, но мне не нравилось слышать, что от меня плохо пахнет. Я встала, закатив глаза.

— Я тебя услышала. Пойду в душ, в любом случае мне нужно освежиться, — сказала я ей, направляясь в ванную.

— Я люблю тебя, Уиллоу. Прости за грубость, — извинилась она.

Я оглянулась и пробубнила:

— Я тоже тебя люблю.

В душе я долго смывала с себя неудавшийся вечер.

4 мая 1997 года, 15:47

Уиллоу

— Ты идешь на выпускной со мной, — сказал он.

— Я не хочу туда идти, — проворчала я в ответ.

— Давай, Уилл, ради *меня!* — Кеннеди надул губы, поддразнивая меня.

Я доела чизбургер и смотрела на Кеннеди с любопытством. Размышляя, почему он вдруг захотел пойти на выпускной. Мы годами смеялись над тем, как же глупо устраивать такие балы.

— В чем подвох? — спросила я, легко пнув его по голени.

Он улыбнулся своей улыбкой — той *самой*, моей любимой.

— Может, хотя бы на один вечер мы будем как все, — пожал он плечами. — Думаю, будет весело.

— Но *зачем?* — спросила я, все еще не улавливая скрытый смысл. — Я как бы держусь в стороне, если ты не заметил.

Он вздохнул, наклонив голову, и с серьезным видом поставил свой молочный коктейль на стол. Это меня смутило.

— *Ради меня, Уиллоу*, ну же. Выпускной бывает лишь раз, и я не хочу потом полжизни гадать, каково же это. Давай просто сходим, и если все будет ужасно, мы уйдем. Я *обещаю*, — он протянул руку через стол, за которым мы сидели, оттопырив мизинец и смотря на меня глазами, полными надежды.

Я не могла отказать ему, особенно под таким взглядом. Даже когда я не видела смысла, я делала вид, что понимаю. Только ради Кеннеди.

Я улыбнулась, протянув в ответ свой мизинец.

— Ну хорошо, — тихо вздохнула я. Мы пожали пальчики, и я убрала руку. — Не знаю, почему ты так сильно хочешь пойти на этот выпускной, но это неважно. Я пойду с тобой, красавчик, если ты этого хочешь.

Он ухмыльнулся и снова принялся за свой коктейль. Меня всегда веселили его шоколадные усы после коктейля.

Кеннеди не любил соломинки, он считал, что это не мужественно. Я убеждала его, что из-за какой-то соломинки люди не будут считать его геєм, но каждый раз, как мы приходили обедать в кафе «У Кейпа», он все равно вынимал красно-белую соломинку из своего молочного коктейля и опускал ее в мой. Так я привыкла пить с двумя соломинками.

Было практически невозможно заставить Кеннеди изменить свою точку зрения. У него редко случались моменты слабости, и иногда это пугало меня.

Но я знала, что мне никогда не нужно будет стараться впечатлить Кеннеди. Он был моим лучшим другом с шести лет и никогда не интересовался другими людьми. Он всегда заставлял меня чувствовать себя особенной, и, надеюсь, я отвечала ему тем же.

— Ты наденешь миленькое розовое платье, Уилл? — поддразнил он.

— О нет, только не это, не заставляй меня! — простонала я, и сделала большой глоток коктейля, используя обе соломинки.

Он усмехнулся, блеснув голубыми глазами, подмигнул и сказал:

— Можешь надеть, что захочешь, Уиллоу. Но обещай, что каждый танец будет мой.

Я кивнула и слегка улыбнулась, поерзав в кресле:

— Без проблем, Кеннеди. Все равно больше никто не захочет танцевать со мной.

Люди в нашей школе не знали меня. Страшилой я не была, но у меня была незапоминающаяся внешность. Мои русые волосы, тонкие и неровно подстриженные, едва доходили до плеч, а челка была почти до самых глаз. Я собирала их в небрежный хвост, чтобы не приходилось с ними возиться. Кожа слегка загорелая, но не *слишком*, и лишь благодаря тому, что я много времени проводила на улице. Практически плоская грудь, лицо, покрытое бледными веснушками и светло-карие глаза.

У Кеннеди были большие голубые глаза, люди такое обычно помнят. Он был очень высоким, почти шесть с половиной футов, в то время как я была ровно на один фут ниже.

— Все захотят с тобой общаться, Уиллоу. Они встанут в очередь, чтобы потанцевать с тобой, особенно если ты наденешь миленькое розовое платье.

Он всегда был милым со мной, но он был всего лишь лучшим другом для меня. Иногда на долю секунды я забывала об этом, но быстро приходила в себя и прислушивалась к голосу разума. Я могла потерять Кеннеди, если бы позволила здравому смыслу ускользнуть.

— Может, я и надену розовое платье, — улыбнулась я ему.

По каким-то непонятным причинам у Кеннеди было больше знакомых, чем у меня. Все знали, что ему пришлось пережить нелегкие времена. В коридорах нашей школы он был самым высоким, его было невозможно не заметить. И как бы ни было тяжело признавать, не я одна была без ума от его улыбки.

Но я была единственной, кому он улыбался, учитывая, что мы почти никогда не расставались. Может прозвучать эгоистично, но мне нравилось, что он уделял почти все свое внимание мне. Я позволяла себе быть эгоистичной, только если дело касалось Кеннеди, потому что мне не нравилось, когда другие люди отбирали его у меня, даже ненадолго. Мне хотелось владеть всем его вниманием. Я была почти уверена, что это взаимно. Так было много лет, и вот мы уже в выпускном классе. И теперь мы планировали пойти вместе на выпускной, а я собиралась надеть розовое платье.

— Я надену розовый галстук-бабочку к смокингу, так тебе будет комфортнее, — сказал он.

Это меня воодушевило. Вскоре мы закончили обедать. Наши огромные пластиковые стаканы из-под молочных коктейлей были пусты, и я вертела пальцами оставшиеся две соломинки.

— Ты готова пойти домой, Уиллоу? — спросил он.

Я кивнула и широко улыбнулась:

— Я была готова еще до того, как мы пришли сюда.

Взяв меня за руку, Кеннеди помог мне встать. Я захихикала, когда он притянул меня к себе, и почувствовала его теплое дыхание:

— Тогда пойдём домой.

17 августа 2006 года, 09:03

Уиллоу

— Сегодня в воздухе витает какое-то напряжение, тебе не кажется? — спросила я, наклонившись к стойке регистратуры и стараясь завязать разговор с сидящей там старшей-и-более-опытной медсестрой.

Дениз выглядела не старше сорока, но ей наверняка было больше. И она, очевидно, следила за собой. Ее гладкая кожа была слегка загорелой, черные волосы выглядели ухоженными. Она была не худышкой, но в отличной физической форме. Мне хотелось сблизиться с коллегами, раз уж мне предстояло видеться с ними каждый день. Дениз была дерзкой, но при этом оставалась милой. Вполне достойный кандидат в друзья.

Она тепло улыбнулась и вздохнула:

— Думаю, ты все еще не привыкла к запаху больницы. На это нужно время.

Я кивнула, соглашаясь с ней. Мне не очень нравился запах пластика и больных людей, но я привыкну. Утром, отвозя Аннетт в школу, я почувствовала легкий приступ клаустрофобии. Я никак не могла заставить себя выйти из машины и проводить дочь до класса, мне было некомфортно в обществе других родителей и снующей повсюду детворы, и от этого я потела сильнее обычного. Конечно, я проводила свою малышку до класса, просто мне очень не хотелось делать это. Я всегда умудрялась облажаться, но ради любимых и близких я старалась быть лучше. Аннетт была первой в этом списке.

Пришла другая медсестра с нашего этажа, повесила пальто в шкаф, и неторопливой походкой направилась к нам. Она широко улыбнулась мне, словно мы были лучшими друзьями, хотя мы всего лишь дежурили на одном этаже. У нас просто были одинаковые обязанности. Она была такой милой, потому что не хотела делать предстоящую нам грязную работу. Ее улыбка была почти убедительной, но все же слишком притворной.

— О мой бог! — воскликнула Тесса, осматривая меня с ног до головы, словно никогда не видела никого прекраснее. Я прикусила язык, чтобы не нагрубить, и приготовилась выслушивать ее ежедневные комплименты.

— Мне нравится твоя форма, — воскликнула она, будто ожидая, что я закружусь перед ней. — Где ты ее купила?

Я едва сдержала смех, стараясь быть вежливой, и натянуто улыбнулась:

— В «Волмарте».

Она кивнула, соглашаясь:

— Я люблю зайчиков, они *такие* милые.

Она чем-то напоминала героиню фильма «Дрянные девчонки» Реджину Джордж. У нее тоже были длинные светлые волосы, и если бы Реджина обладала такими же пухлыми щеками, то совпадение было бы полным.

Моя форма бледно-лилового цвета радовала глаз нарисованными зайчиками. Она сочеталась со стетоскопом, который я носила на шее, другой такой лиловой формы у меня не было. Мне она казалась весьма милой до тех пор, пока Реджина не назвала ее таковой. Каким-то образом ей удалось все испортить.

— Спасибо.

— Да без проблем, — махнула она рукой, затем повернулась к Дениз, и ее улыбка медленно погасла. — Похоже, ты очень загружена сегодня, Дениз.

Женщина ухмыльнулась ей в ответ:

— Да уж, я закончила играть в «Руки Плейс». И теперь мамочке пора взять перерыв.

Я едва подавила смех, слегка прокашлявшись, но Тесса меня раскусила. Она повернулась ко мне, приподняв брови, взяла папки со стойки регистрации, прижала их к груди и посмотрела на меня. Я знала, что это значит.

— Этим утром нас ждут двое пациентов: семидесятидвухлетний мужчина, который не может ходить, и какой-то парень лет тридцати... — Она прервалась и, не отрывая глаз от папки, указала на меня пальцем.

— О Боже, только не это. — Она перевернула страницу и покачала головой. — Что? О, нет! — она перевернула еще одну страницу и вздохнула так, что мне захотелось закрыть уши.

— Снова он, — пробубнила она под нос. Тесса хмуро изучала документы в руках и теребила пальцами листы. — *Тот* самый осел, не могу поверить... — она тут же замолчала, вздохнула и прикусила губу, понимая, что сказала достаточно.

Я поняла, к чему она клонит, и добровольно вытянула руку:

— Возьму тридцатилетнего на себя.

Она драматично вздохнула:

— Я тебе *так* благодарна, — Тесса захлопнула папку и протянула ее мне. — Он в палате двести девять, — сказала она и отвернулась, всем своим видом выражая такое облегчение, будто только что сбросила *гору с плеч*.

Вместо того чтобы сказать «Не за что!», я сморщила нос при виде ее идеальных светлых волос. Наблюдая, как она спешно направилась в палату двести семь, где ей предстояло обмыть голого старика и помочь ему с утренними процедурами, я подумала, что она, должно быть, потеряла рассудок.

Или я недооценила того, кто ждет меня в двести девятой.

Я застонала и заметила небрежную улыбку Дениз.

— Девчонка любит драматизировать, Уиллоу. Не позволяй ей изводить тебя.

Ее слова подействовали на меня успокаивающе.

Постучав в дверь палаты, я зашла, не дождавшись ответа. Такова была политика больницы - постучать и в любом случае войти, если ответа не будет более пяти секунд.

— Доброе утро! — поздоровалась я жизнерадостно.

Заходя в палату, я просматривала медицинскую карту пациента. Его звали Уайатт Бланкетт, двадцать восемь лет. Прошлой ночью у него случился сердечный приступ и... причина сердечного приступа не указана.

Я подняла глаза от бумаг и увидела его. Пациент лежал на больничной койке, опираясь спиной на две подушки, и безучастно смотрел телевизор. Меня он даже не заметил.

— Как вы себя чувствуете, мистер Бланкетт? — спросила я осторожно.

— Как если бы вчера у меня случился сердечный приступ, — сухо ответил он, не отрывая глаз от телевизора. Его ноги торчали из-под одеяла, парень был высоким и мускулистым. Он совсем не выглядел больным или перенесшим сердечный приступ. Его мягкие черные волосы были коротко пострижены по бокам, а на лоб свисала густая челка.

У этого человека вчера случился сердечный приступ, но каким-то образом ему удалось уложить волосы, или кто-то уложил ему волосы до прихода медсестры. До моего прихода.

Я удивилась, но постаралась не подавать виду.

— У вас что-нибудь болит?

Ожидая ответа, я проверила его капельницу.

Он ненадолго замолчал, переключая каналы.

— Во-первых, колет в груди. И болит локоть, так как я упал на него, когда сердце остановилось. Вполне возможно, рука сломана. Мне нужно *хорошее* обезболивающее, а не это дерьмо, которое отпускают без рецепта, — он посмотрел на меня, и я поймала взгляд его серо-карих глаз. Сглотнув, я кивнула в ответ.

— Ну конечно, — ответила я, делая записи в его карточке. — Я запишу вас на рентгенографию, а доктор Венис вас осмотрит. Мы учтем ваши пожелания, — закончила я уверенным кивком.

— Спасибо, — и он снова повернулся к телевизору.

— Вы готовы позавтракать, мистер Бланкетт?

— Да.

— Молоко или апельсиновый сок?

Он не смотрел на меня и даже не улыбался.

— Апельсиновый сок.

— Хорошо, я сейчас вернусь, — ответила я, покидая палату.

Разогрев завтрак в микроволновке, я поставила тарелку на поднос, рядом с пакетиком апельсинового сока и упаковкой одноразовых столовых приборов, и вернулась в двести девяную палату.

Я постучала, сосчитала до пяти и медленно открыла дверь свободной рукой, держа поднос перед собой.

На этот раз я удостоилась взгляда. Он сел повыше, и я поставила поднос примерно на уровне его бедер, очертания которых угадывались под одеялом.

— Вам нужно что-нибудь еще? — спросила я, пока он открывал упаковку и доставал вилку.

Он задумался на мгновение.

— Еще одна подушка не помешала бы.

— Хорошо, я скоро вернусь, — кивнула я.

Я принесла ему подушку, и он подоткнул ее под спину в дополнение к остальным подушкам.

— Что-нибудь еще? — снова спросила я.

Он приподнял пакет апельсинового сока и встряхнул его, искоса посмотрев на меня.

— Еще апельсинового сока не помешало бы.

Я отправилась за соком, и Дениз заметила мой хмурый взгляд, когда я выходила из его палаты. Она понимающе мне улыбнулась.

Неискренно улыбаясь, я протянула ему пакетик сока, мельком заметив, что поднос пуст.

— Вы закончили завтракать?

— Да, — бесстрастно ответил он и убрал руки, чтобы я смогла забрать поднос. Я накрыла его ноги одеялом, и повернулась было уйти, как он резко остановил меня:

— Подождите.

Я обернулась, и он спросил:

— Разве вы не должны спросить, не нужно ли мне что-нибудь еще?

Мне хотелось бросить поднос мистериу *Ворчливому* в лицо, но я сдержалась, потому что лицо, по-видимому, было единственной приятной деталью в нем.

У него было больное сердце и дерьмовая манера общения, и он ни разу не улыбнулся. Но я ко всем испытывала определенное сочувствие.

— Вам что-нибудь еще нужно, мистер Бланкетт?

Он отрицательно покачал головой, затем сказал:

— Примерно через час, возможно, мне что-нибудь понадобится.

— Тогда я зайду к вам примерно через час.

Я вышла из палаты, проклиная тот факт, что работаю в самой маленькой больнице Чикаго.

На медсестер здесь взваливали почти все, потому что пациентов было мало. Больница состояла всего из двух этажей. Пятнадцать палат на втором и тридцать на первом этаже. За утро мы с Тессой осматривали не более тринадцати пациентов, или даже не более *пяти*, если мы обе дежурили на втором этаже. Сначала заполнялся первый этаж, и только потом могли положить кого-то на второй. Каждое утро кого-то из пациентов выписывали, и они отправлялись домой, за исключением случаев, когда те жили одни и нуждались в более длительном лечении в больнице. По утрам никогда не бывало чрезмерно много работы, разве что неподалеку от нас могла случиться какая-нибудь трагедия. В противном случае этим утром больше пациентов нам не видать.

Зато по выходным больница была переполнена, но никто не оставался дольше, чем на ночь или две.

Уайатт Бланкетт пережил сердечный приступ вчера, и по одному взгляду на его локоть можно было понять, что что-то не так.

Ни прошлым вечером, ни сегодня утром к нему никто не приходил. Неужели у этого человека не было семьи или друзей в Иллинойсе? Может, он потому и был таким замкнутым?

Меня беспокоила мысль, что мне, возможно, придется ухаживать за этим человеком несколько недель и общаться с ним потому, что ему больше не с кем поговорить.

Я надеялась, у него все же есть родственники или друзья в этом штате.

И очень надеялась, что его выпишут через несколько дней.

16 мая 1997 года, 15:51

Уиллоу

На мне было розовое платье без бретелек, *даже* слишком розовое, цвета фуксии. Кому вообще идет такой цвет? Уж точно не мне.

Кеннеди выглядел довольным, в то время как я еле сдерживалась, чтобы не сорвать это платье с себя и не сжечь.

— Как ты узнал мой размер? — спросила я.

Он купил мне розовое платье для выпускного бала, который должен был состояться уже завтра. Не могу сказать, что я была в предвкушении, но мне нравилось, как Кеннеди смотрел на меня. Он улыбался радостнее, чем в тот вечер, когда я согласилась пойти с ним на бал. Он стал улыбаться *чаще*. С трудом верится, что причиной тому был выпускной вечер.

— Предположим, что я незаметно заглянул в твой шкаф, и с трудом нашел там твое единственное платье, — вздохнул он с улыбкой. — Ты носишь второй размер.

Это самое платье я надевала лишь по особым случаям, и каждый раз маме приходилось силой натягивать его на меня. Кеннеди повезло, что я его так любила, ведь платье было просто ужасным.

Мы стояли в центре комнаты и смотрели на мое отражение в огромном зеркале, расположенном напротив широкой кровати.

— По-моему, на подоле слишком много оборок, но они мягкие. Спасибо, что не выбрал платье, в котором я бы замучилась чесаться, — я повернулась и улыбнулась Кеннеди, подняв голову. Он обнял меня за плечи, а я его за талию.

— Смокинг я взял напрокат, но тебе придется помочь мне выбрать розовый галстук-бабочку к нему. И обувь, Уилл. У нас нет обуви для выпускного бала, — сказал он, прищурившись и глядя меня сверху вниз. Я улыбнулась:

— Мы можем пойти в кроссовках.

— Нет, мы сейчас же пойдем искать туфли, — видимо, он не хотел быть даже чуточку оригинальным на выпускном. Во всяком случае, я чувствовала себя ненастоящей и *фальшивой*, такой же как это банальное, отвратительное платье цвета фуксии.

— Эй, — я отступила на пару шагов. У меня появилась мысль, но почему-то я была уверена, что Кеннеди именно это и задумал.

— На твоём смокинге ведь есть оборки? Я была бы счастлива, если бы они на нем были.

Он улыбнулся краешком губ, и я потеряла дар речи, когда он кивнул. Теперь я была в восторге от идеи пойти на выпускной бал.

— Я все поняла! Вот *поэтому* ты мой лучший друг.

Он засмеялся.

— А еще мы будем фотографироваться на балу, Уилл. Мы будем танцевать медленные танцы, и ты положишь голову мне на плечо, хоть мне и придется немного присесть, чтобы ты смогла достать мне до плеч. И мы точно не будем спать друг с другом. Мы просто будем как все.

Мы пойдем на бал, чтобы веселиться и делать то, что принято делать на выпускных балах. Жаль, что я не додумалась до этого первой.

— Как думаешь, Кеннеди, может мне стоит слегка завить волосы, или даже вплести ленту? Будет настоящая безвкусица. И... — Я призадумалась. — Ох, пожалуйста, скажи, что ты купил мне огромный браслет из цветов. Было бы так чудесно.

Он усмехнулся:

— Это должен был быть сюрприз, Уилл, но ты слишком умна для моих сюрпризов. Ты меня разоблачила.

— А теперь пойдем искать нам обувь, — я потянула его за руку, и он поддался.

Мы доехали на велосипедах до ближайшего магазина обуви в нашем городишке, в самом захолустье штата Теннесси. Я даже не сняла платье, но надела кроссовки. На Кеннеди были бриджи цвета хаки, футболка с надписью «Beatles» и кеды.

Мы прислонили велосипеды к стене магазина, Кеннеди взял меня под руку, мы улыбнулись друг другу и зашли внутрь.

— Мне придется купить туфли на шпильках, — прошептала я ему.

— И они должны быть блестящими, — поддержал он.

— А тебе нужно купить мужские туфли цвета фуксии. Нечестно, что у тебя розовой будет только бабочка. Ты должен выглядеть также *нелепо*, как и я.

Я была так взволнована, потому что знала, что Кеннеди позволит мне одеть его. Даже если он будет выглядеть глупо. Мы оба будем выглядеть *глупо*.

— Было бы здорово. Только при условии, что тебе удастся найти розовые туфли в мужском отделе, — усмехнулся он.

А я не сомневалась, что найду.

Я отыскала пару туфель на шпильке, достаточно блестящих, чтобы ослепить кого угодно, Кеннеди одобрительно кивнул.

Мы сидели на скамье, вытянув ноги, и вместе рассматривали мои туфли.

— Как в этом ходить, Кеннеди?

— Молча, — пожал он плечами в ответ. — И, возможно, передвигая ногами.

Я возмущенно запротестовала:

— Но я же упаду! — мне никогда раньше не приходилось носить туфли на каблуках. Я даже не думала об этом.

— Подожди минутку, — улыбнулся он, вставая со скамьи и становясь на колени, чтобы рассмотреть другие туфли. Он схватил одну коробку с туфлями тринадцатого размера и, посмотрев на меня, вздохнул.

— Понятия не имею, какой размер женской обуви мне подходит, но это самый большой, что я смог найти.

Я довольно улыбнулась.

Он снял кеды и носки и положил их на пол рядом с моими.

— Мы можем *вместе* научиться ходить на каблуках, — сказал он, ловко натягивая одну из желтых туфель.

Я засмеялась, когда Кеннеди удалось, наконец, надеть вторую туфлю, и он вытянул ноги вперед, как я.

— *Очень* мило, — оценил он.

Кеннеди не стал бы пить молочный коктейль через соломинку, но он мог надеть туфли на шпильках и вышагивать в них посреди магазина ради меня. Вот же дурачок. Но он *мой* дурачок.

Мы вместе встали со скамьи и взялись за руки. Локоть одной руки я отставила в сторону, а другой рукой держалась за Кеннеди, чтобы мы оба могли устоять на ногах. Удивительно, что мы не упали носом вперед.

— Готова? — спросил он.

Я кивнула:

— Думаю, да.

— Это значит, что ты не готова, Уилл.

— Да, Кеннеди, я готова, — отчеканила я, закатывая глаза.

Оставалось пройти всего пару метров, когда он сказал:

— Теперь иди сама, а я буду сзади и поймаю тебя, если упадешь.

Я отпустила его руку, а он стоял позади меня. Глубоко вздохнув, я шагнула вперед.

— Держи ноги прямо, Уилл.

Я ехидно ухмыльнулась:

— Это тебе нужно держать ноги прямыми, Кеннеди.

Он откашлялся, но мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что он тут же выпрямил спину.

Когда впереди оставалось всего ничего, я остановилась, обернулась и увидела, как Кеннеди размахивает в воздухе руками, пытаясь устоять на ногах.

С широко раскрытыми глазами я помчалась ему навстречу, чтобы поймать за руки.

Но не успела. Кеннеди упал на спину, а я упала на него. Мои руки оказались под его головой, так что вряд ли он бы расшибся, но я приземлилась на него всем весом своего тела.

Он издал мученический стон, обхватив мою талию руками и поправляя мне платье, чтобы никто ничего лишнего не увидел.

— Ау, — промямлил он.

— Упс, — выдавила я, уткнувшись лицом ему в шею.

Он хихикнул. Наши глаза встретились.

Мы смеялись в голос, ситуация была забавной, и мы были в порядке.

21 августа 2006 года, 15:51

Уиллоу

— Собери волосы, и я покачаю тебя на качелях.

Аннетт надула губки:

— Почему я должна собирать волосы? — заныла она. Я улыбнулась:

— Потому что на ветру волосы могут попасть тебе в рот, милая. Ты же не хочешь испробовать вкус шампуня?

Она скривила лицо и покачала головой:

— Нет, мамочка. Можно тетя Кейти соберет мне волосы своими палочками? Мне они так нравятся, — улыбнулась девочка.

Я увидела, как Кейтлин, сидящая за стиком для пикника буквально в нескольких шагах от качелей и работающая над очередной статьей за компьютером, усмехнулась.

— Иди ко мне, малышка, — вздохнула Кейтлин, похлопывая по коленке и выдвигаясь из-за стола.

Аннетт восторженно вскрикнула и бросилась к ней. Я не смогла сдержать улыбку, наблюдая, как дочь вскочила на колени к тете.

— Если хочешь, чтобы волосы держались, не трогай палочки, хорошо, малышка?

Аннетт кивнула, и Кейтлин вытащила палочки, распустив свои блестящие рыжие волосы.

— Сиди спокойно, чтобы я смогла сделать тебе прическу.

Аннетт ответила:

— Хорошо. — И замерла.

Кейти с легкостью завернула длинные светлые волосы моей дочери в тугий пучок на макушке, и воткнула в него обе палочки, чтобы не распался.

— Вот и все, — подруга улыбнулась, похлопывая Аннетт по бедру, чтобы она слезла. Девочка сделала, как ей велели.

— Спасибо, тетя Кейти! — ответила Аннетт, и звонко чмокнула Кейтлин в щеку, привстав на цыпочки...

— Всегда пожалуйста, моя хорошая, — тепло улыбнулась подруга.

Аннетт повернулась на пятках и побежала ко мне. Я опустилась на одно колено, и она обняла меня. Нежно погладив ее по спине, я почувствовала, как ее маленькие ручки легли на мои плечи.

— Правда красиво, мама? — она слегка отстранилась, жизнерадостно улыбаясь, ее голубые глаза светились радостью.

Я кивнула, соглашаясь:

— *Очень* красиво, милая.

Она снова обняла меня, и побежала на качели. Я раскачивала ее, а она все время просила выше и выше.

На дочке был желтый сарафан и ботиночки в цвет — она *очень* любила платья. Мне это казалось забавным, ведь я никогда не носила платья в детстве. Никогда я не любила носить платья или что-нибудь *миленькое*, пока не повзрослела.

Я была тем еще сорванцом, а вот моя Аннетт совсем не такая, и меня это радовало, если честно. Она была намного более открытой, чем я, и считала себя хорошенькой. Она и правда была прекрасна.

Я любила каждую черточку в своей дочери, потому что она была похожа совсем не на меня.

Она была жизнерадостной и уверенной в себе малышкой. Ей нравилось ходить в школу и быть девочкой. У нее были длинные волнистые волосы, и она любила их распускать. Я была уверена, что придет время, и она разобьет немало сердец.

Что мы обе любили, так это проводить время на улице, нас нельзя было назвать домоседками. По вечерам после работы, если Аннетт еще не спала, мы садились на велосипеды и ехали в парк в нескольких кварталах от нашего дома. Кейтлин иногда присоединялась к нам в поисках вдохновения и новых сюжетов. Иногда она просто не могла больше оставаться взаперти, хотя проводила много времени за написанием статей. Она работала внештатным журналистом. Кейтлин зарабатывала заметно больше меня, потому что точно была уверена, чего хочет от жизни. До парка подруга обычно добиралась на машине, так как никуда не выходила без своего ноутбука.

Я еще немного пораскачивала Аннетт, после чего мы отправились на горку, откуда девочка съезжала прямо в мои объятия, каждый раз весело смеясь.

— Дамы, вы готовы вернуться домой, или я уйду одна? — позвала нас Кейтлин.

Я взглянула на Аннетт, но она, казалось, сомневалась. У нас был еще примерно час до заката.

— Готова идти домой, милая, или хочешь еще немного поиграть? — спросила я ее. Встав на колени, я подождала, пока она скатится с горки прямо ко мне в руки.

— Мне надо сделать домашнее задание, мам, помнишь? Наверное, лучше вернуться домой, — ответила она, чмокая меня в нос.

Я подняла дочь на руки, позволив ей обхватить меня ногами. Затем крепко прижала ее к себе и поцеловала в висок.

— Хорошо, милая. Хочешь поехать с тетей Кейти на машине, или на велосипеде с мамой?

Я слегка отодвинулась, чтобы посмотреть на нее. Она склонила голову и ответила:

— Я хочу поехать на своем велосипеде с тобой, мамочка, а в следующий раз поеду с тетей Кейти, — улыбнулась она, когда я опустила ее на землю и поставила на ноги.

Я очень любила кататься с дочкой на велосипедах, и меня порадовало, что она не слишком устала, чтобы прокатиться еще.

Мы направились вместе с Кейтлин к ее машине. Подруга уехала, а мы с дочкой направились к нашим велосипедам, припаркованным у забора. Улыбнувшись друг другу, мы сели и покатались в сторону дома.

Аннетт всегда ехала впереди меня, чтобы я могла ее видеть. От парка до дома было не больше пяти минут езды в умеренном темпе. Мы никогда не ездили быстро, а просто наслаждались дорогой. Ноги начинали болеть уже на подъезде к дому, но эта была приятная боль. Я наслаждалась движением. Мне всегда нравилось ехать с кем-то рядом.

В детстве моим лучшим другом был Кеннеди, и мы каждый день катались на велосипедах. Мы вместе учились кататься. Мы многому научились вместе.

Сейчас я училась новому вместе с Аннетт, и мы делились опытом. Это одно из главных достоинств материнства. Мне нравилось быть мамой. В день, когда Аннетт научилась кататься на велосипеде, я плакала. Не было ничего прекраснее, чем видеть, как она счастлива. Ей не нужны были дополнительные колесики к велосипеду. Она была такой талантливой.

Моя девочка быстро выросла, и это пугало меня до смерти по многим причинам, как по очевидным, так и по необъяснимым.

Я была матерью, и хотела оставаться ей вечно.

17 мая 1997 года, 17:14

Уиллоу

Благодаря завивке и огромному количеству лака мои волосы легли в пышную прическу, а справа на уровне челки красовался мамин старый бант. Розовое платье после стирки пахло чем-то вроде ванили. Немного попрактиковавшись, я приспособилась ходить на шпильках так, чтобы не вывихнуть лодыжку. Кеннеди купил их вчера для меня, и они идеально сочетались с бантом в моих волосах. И, конечно, я нанесла яркий макияж.

Мама недоуменно смотрела на меня, пока я спускалась по лестнице в гостиную. Я выглядела глупо, но улыбалась.

— Дорогая, ты накрасилась, — нахмурилась она.

— Мне семнадцать, *Аннабель*, и сегодня выпускной вечер, — вздохнула я.

Это ее не убедило, к тому же мама не любила, когда я называла ее по имени. Я же просто дразнила ее. Она, как всегда, собрала свои светлые волосы в пучок на макушке и ходила по дому босой. Ее темные глаза выражали *беспокойство*, на самом деле ничем не обоснованное. Обняв ее, я дала ей понять, что не стоит переживать.

— Ты крутая мама, знаешь об этом? — шепнула я ей. Она обняла меня еще крепче, хоть ей и не нравилось мое платье цвета фуксии. И от этого я улыбнулась шире.

— Уиллоу, ты в порядке? — спросила она медленно.

Уже предвкушая выпускной вечер, я дурашливо погладила ее по голове.

— Мам, ты знаешь, что я думаю насчет выпускных балов. И мое отношение не изменилось. Балы — это просто смешно.

Мама посмотрела на меня, слегка отстранившись и прищурившись. С минуту она молча изучала меня.

— Что ты *делаешь*, Уиллоу? К чему все это?

Я нетерпеливо вздохнула:

— Кеннеди попросил меня пойти с ним на выпускной, — пожала я плечами. — Так что, я просто иду на выпускной, *мам*. А это платье — мой наряд.

Она слегка покачала головой.

— Но Уиллоу, ты выглядишь смеш... — Она резко замолчала и неожиданно улыбнулась, а затем засмеялась. — Ты определенно мой ребенок. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, мам.

Я снова обняла маму и вышла на улицу. Положив туфли в корзину, я села на велосипед и поехала к нашему с Кеннеди домику в лесу. Он уже ждал меня там. Увидев его в смокинге, с бабочкой и в туфлях цвета фуксии, в тон моему платью, я едва подавила смех.

Спрыгнув с велосипеда, я направилась к нему. Мы не могли сдержать улыбок.

— Выглядите восхитительно, мисс Монро. Позвольте взять вашу левую руку.

Я хихикнула и ответила:

— Конечно, мистер Дэйнс.

Робко вложив свою левую ладонь в его руку, я почувствовала, как он крепко ее сжал, будто хотел подготовить меня к чему-то непредвиденному. Так оно и было.

Я так резко выдохнула, что сдула волосы Кеннеди с его лица:

— Мать божья, он *просто* огромен!

— Мне так и говорили.

— Заткнись и застегни эту нелепость на моем запястье.

Что он и сделал. Мой наряд был завершен, и я в ужасе взглянула на огромный браслет из цветов.

Мы сели на велосипеды и поехали к школе. Выпускной вечер начинался в семь. Как и планировали, мы приехали минут пятнадцать спустя. Слегка опаздывать считалось *модным*, и нам это было на руку.

Мы припарковали велосипеды за школой. На каблуках я была почти одного роста с Кеннеди, но для полного равенства ему пришлось бы слегка согнуть колени.

— Я собираюсь кое-что сделать, но сначала ты должен дать свое согласие.

Он посмотрел на меня широко раскрытыми глазами и медленно кивнул:

— Хорошо, согласен.

Я поцеловала его в лоб, затем в обе щеки. Взглянув ему в глаза, поняла, что этого недостаточно. Поцеловала его нос и подбородок, после чего отстранилась и улыбнулась ему.

— Этого должно хватить, — ухмыльнулась я. Кеннеди выглядел смущенным.

— Что?

— Я лишь сделала наш выпускной вечер еще немного нелепее, — прошептала я.

Он моргнул, задумался, но затем встряхнул головой, решив опустить эту тему.

— Нам пора идти на бал, Уилл.

Он обнял меня за плечи, а моя рука легла ему на бедро. Я широко улыбалась, когда мы зашли внутрь, ловя на себе чужие взгляды.

Кто-то улыбался, кто-то еле сдерживал смех. Когда мы прошли через весь зал и оказались на танцполе, Кеннеди наклонился ко мне и спросил:

— У меня что-то в зубах застряло? — он так *широко* улыбался, что я могла увидеть все его зубы.

— Нет, ничего, — подыграла я, вставая на носочки, чтобы лучше разглядеть.

Он выпрямился, задрал нос:

— Тогда что, козявки в носу?

Я обхватила Кеннеди за шею, притянув его голову ближе к себе. Посмотрев ему в глаза, я улыбнулась:

— Нет, все в порядке.

Он взглянул на меня и улыбнулся.

— Между прочим, ты по-настоящему восхитительна. Это миленькое розовое платье сегодня принесет мне еще немало проблем, — сказал он, снова обнимая меня за плечи.

Я обняла его в ответ за талию и вздохнула, снова натянув на лицо улыбку, соответствующую окружающей нелепости.

Спортзал освещала лишь кружащая светомызыка, было темновато. На сцене на колесах играла какая-то музыкальная группа из студентов, которые раньше учились в нашей школе, но играли они неплохо. В центре зала танцевали люди, но большая часть еще сидела на скамейках. В стороне стояли столы с едой и напитками.

Я оглядывалась вокруг, пока не остановила свой взгляд на фотографе. «*Фотографии с выпускного*», — промелькнуло у меня в голове. Я стала подталкивать Кеннеди в ту сторону. Мы встали в очередь, обсуждая музыку и *все такое*, пока не настал наш черед. Фотографом был наш лысый учитель по социологии, мистер Ланкастер. При виде лица Кеннеди его глаза расширились в удивлении.

— Оу, эм-м. — Мистер Ланкастер сделал паузу, и я жестом попросила его молчать. Я могла бы нахмуриться, угрожающе проведя пальцем поперек шеи. Все, что угодно. Я лишь знала, что мне нужно сделать эти фотографии прямо сейчас.

— Вы двое вместе? — спросил нас учитель, и мы оба утвердительно кивнули.

— Как друзья, — в унисон уточнили мы.

— Сколько стоят фотографии? — спросил Кеннеди.

Мистер Ланкастер заботливо похлопал по фотоаппарату «Полароид», лежащему на столе рядом с ним.

— Один доллар за фото, доллар и семьдесят пять центов за два, и три доллара за четыре фото, — ответил наш фотограф.

Кеннеди подмигнул мне:

— Мы должны сделать одно фото тебе, одно мне, одно для твоих родителей и одно для моей мамы. Что скажешь?

Я кивнула в ответ:

— Звучит неплохо.

— Мы возьмем на три доллара.

Кеннеди порылся в кармане своих черных брюк, и шлепнул три смятые купюры в протянутую руку мистера Ланкастера.

Мы встали на фоне белого холста. Руки Кеннеди обнимали меня за талию, я стояла перед ним, положив свои руки поверх его, и мы улыбались в камеру.

Мистер Ланкастер щелкнул один раз:

— Это фото останется для ежегодника.

Я услышала веселую нотку в его голосе и улыбнулась по-настоящему.

Положив свою камеру на стол, он взял «Полароид». Ему не пришлось просить нас улыбаться, мы и так были счастливы, даже в этот выпускной вечер.

Мистер Ланкастер сделал четыре фотографии для нас, и они по очереди выпадали из камеры. Он быстро взмахивал ими в воздухе и складывал на стол одну за другой.

Он грустно вздохнул и опустил камеру на стол.

— Зная тебя, Кеннеди, уверен, тебе понравятся эти фотографии.

На секунду Кеннеди нахмурился в замешательстве, но продолжал улыбаться, беря фотографии в руки.

— Через пару секунд они полностью проявятся, — подмигнул нам мистер Ланкастер. Мы поблагодарили его, и отошли в сторону.

Кеннеди убрал в карман три фотографии, а оставшейся взмахивал в воздухе, пока она проявлялась.

— Что он хотел этим сказать, Уилл? — спросил он меня на ухо, нагнувшись и продолжая махать фотографией. Я пожала плечами:

— Понятия не имею.

Кеннеди снова посмотрел на фото. Наконец, до него дошло, и он широко улыбнулся:

— Так вот что ты наделала! — он протянул мне фотографию, и я взяла ее, засмеявшись:

— Не могла же я пойти с тобой на выпускной, не дав понять всем вокруг, что у тебя свидание, — я легко толкнула его, и он посмотрел на меня сверху вниз.

— Тебе идет розовый цвет, Кеннеди. Я серьезно, — улыбнулась я ему.

Он выглядел задумчивым, затем ответил:

— Я не буду это смывать.

— Я была бы счастлива, — кивнула ему, и он улыбнулся в ответ, приподнимая брови.

— Не могу поверить, что не заметил твои накрашенные губы, — тряхнул он головой, будто

ругая себя.

— На улице было темно, — пожалала я плечами, — рада, что мне удалось удивить тебя.

Я заметила, как он закатил глаза, затем нагнулся и прошептал мне на ухо, как раз в тот момент, когда началась новая песня:

— Мисс Монро, могу я пригласить вас на танец?

Я ответила ему «да», и мы закружились в танце. Мы танцевали много, а сели лишь, чтобы выпить колы и поесть чипсов.

У нас не было того неловкого *момента*, когда люди во время танца близки к поцелую. Мы смотрели друг на друга и смеялись. Мы были просто Уиллоу и Кеннеди, даже в выпускной вечер.

Мама была рада, что я пошла на бал, особенно когда я подарила ей фотографию, которую купил Кеннеди.

— Ты любишь его, не так ли? — спросила меня мама.

Я ответила ей, что люблю, и мы ели ванильное мороженое, сидя на диване, и смотрели «Золотых девочек».

Я уснула на диване под горой пледов в объятиях мамы, так и не сняв розовое платье.

22 августа 2006 года, 09:07

Уиллоу

Он выкрикивал мое имя. И похоже это было не на брачный зов, а на худший способ попросить о помощи.

Поначалу он звал меня тихо, и я не восприняла это всерьез. Но затем, он неожиданно начал громко кричать на весь второй этаж так, что люди в коридорах закрывали уши руками и скрючивались на полу в позе эмбриона.

Это было нелегко. Тот факт, что пациент громко и яростно выкрикивал мое имя, вызывал у меня беспокойство.

Уайатт Бланкетт все еще занимал койку в палате двести девять. Ему только сейчас наложили шину на левую руку до самого запястья, шевелить ей он не мог совершенно. К сожалению для меня, он оказался левшой. Капельницы ему больше не подключали.

Я быстро поняла, что Уайатт Бланкетт очень настойчивый человек, и привык, что все идет так, как он сказал. Мне пришлось в буквальном смысле быть у него на побегушках. Ему всегда было что-то нужно, и он был чертовски упрям. Он был далеко не самым вежливым пациентом, и превратился для меня в ночной кошмар. По любому незначительному поводу парень сразу же вызывал меня, и я бы подумала, что он притворяется, если бы он не был каждый раз таким шумным и взволнованным. Он выглядел как мальчишка, поднимающий ложную тревогу по каждому пустяку, например, когда пульт от телевизора, как назло лежащий с левой стороны кровати, падал на пол. Тогда он громко выкрикивал мое имя.

Очень часто он просил меня делать некоторые вещи, которые я делать совершенно не хотела. Моя работа была прекрасной, пока в палате номер двести девять не появился Уайатт Бланкетт.

— *Боже, дай мне терпения,* — просила я про себя, — оно мне так необходимо.

Сегодня понедельник. Дениз в отчаянии посмотрела на меня, как только я вышла из лифта.

— Он звал тебя больше часа, Уиллоу, — прошептала она с широко раскрытыми глазами. — Будто он бедная тудяга-мамочка, а ты бездельник папаша. Я пыталась зайти к нему и спросить, могу ли я помочь, но он сказал мне выметаться, — вспыхнула она, трясая головой. — Мне очень жаль, подруга.

— Обещай считать меня красоткой, даже когда я повыдергиваю себе все волосы, — простонала я, грубо впиваясь пальцами в свои короткие волосы. Меня не волновало, что с одной стороны они слегка оттопыривались — Дениз это рассмешило, но я оставалась серьезной. Мне казалось, я сойду с ума.

— Удачи, — ей удалось выдавить улыбку.

Я неловко кивнула:

— Спасибо, — и направилась в палату двести девять.

— Что случилось, Уайатт? — прикрыв за собой дверь палаты, я скрестила руки на груди. Он жалобно посмотрел на меня.

Это не был взгляд, умоляющий о помощи, это был взгляд, утверждающий, что этот пациент собирается превратить мою жизнь в ад. Вот таким был его взгляд.

Я больше не сочувствовала ему. Он лишился тех крупиц моей симпатии еще в первое утро нашего знакомства.

Он облизнул губы.

— Чешется, — сказал он, указывая здоровой рукой на загипсованную.

Я раздраженно нахмурилась:

— Так бывает, Уайатт. Ничем не могу помочь.

Теперь нахмурился он.

— Уиллоу, не могли бы вы принести мне палочку или что-то вроде того? У меня из-за этого уже глаз дергается, — и поманил меня подойти ближе. Я подошла, и он раскрыл глаза шире.

— Видите? — настаивал он.

— Ваш глаз не дергается, Уайатт, — вздохнула я.

Он покачал головой:

— Если не можете помочь, тогда позовите доктора Венис, — продолжил настаивать он.

— Вытяните руку, Уайатт.

Он нахмурился и спросил:

— Зачем?

— Просто вытяните, — попросила я.

Он повиновался, и я быстро ударила его по руке своей ладонью. Он злобно на меня посмотрел и отдернул руку.

— Больно? — спросила я, не дав ему начать жаловаться.

— Да, какого черта это было?

— Я знаю, в чем дело, — прервала я его.

Он прищурился, глядя на меня:

— И в чем же?..

— Вы ребенок, — вздохнула я. — Просто ребенок. Возможно, с годами вам полегчает.

Он уставился на меня, качая головой.

— Принесите мне уже мой завтрак, пожалуйста. Вам придется кормить меня, так как я не в состоянии есть сам.

— Молоко или апельсиновый сок? — выдавила я подобие улыбки.

Он моргнул и невозмутимо произнес:

— Апельсиновый сок. Я уже говорил вам, что у меня непереносимость лактозы.

— Хорошо, я скоро вернусь, — ответила я, резко повернувшись на каблуках, и вышла из палаты.

Я никогда не спрашивала, приходил ли кто-нибудь навестить его - ответ на этот вопрос был очевиден. Уайатт Бланкетт был одиноким и злым, и компенсировал недостаток общения тем, что изливал свой гнев на невинных медсестер (в том числе и на меня). Просто потому, что Уайатт был несчастен и хотел, чтобы все вокруг чувствовали себя так же, как он (особенно я). Но моя конфликтная сторона лишь добавила масла в огонь и разбудила его сарказм. У нас было множество язвительных перепалок, в основном из-за того, что чем-то недовольный Уайатт желал поменять подушку или одеяло без видимых на то причин.

А когда он однажды попросил меня сменить ему простынь на чистую, я действительно испугалась - как это его простынь так быстро испачкалась?

Но он просто хотел новые простыни. Нет, он не хотел сменить старые, просто хотел еще одну простынь. Поэтому, к счастью, меня не ждали неловкие сюрпризы. Мне просто нужно вытерпеть Уайатта Бланкетта.

Честно говоря, Уайатт был довольно привлекательным парнем. В первый день нашего знакомства он даже показался мне *сексуальным*.

Но он был обычной брызгой все то время, что я заботилась о нем, и это разрушало любые возможные фантазии. Мне хотелось бросить в него чем-нибудь.

15:35

Я получила сообщение от Зейна, но в *этом* раз решила отказаться от секса с ним. Я была не в том настроении, что означало полный провал, одна мысль об этом заставила меня поморщиться. Если Зейн наконец от меня отстанет, мне нужно подыскать себе что-то посексуальней.

Зейн: Заглянешь сегодня?

Я: Не сегодня, что ж, но ты был хорош.

Мне было стыдно за свое поведение. Я приходила к нему слишком часто, а когда злилась, то старалась отстраниться от всего этого жалкой рифмой. Отказывать и так не просто, а подобные рифмовки были еще более оскорбительными для нас обоих. Нужно было встретиться и положить *этому* конец, но я разнервничалась и все пошло кувырком, в итоге я отправила ему это сообщение. Я стучала пальцем по экрану телефона, отчитывая себя и пытаюсь прогнать эти мысли прочь. На самом деле, он даже не был хорош.

Зейн: Ты бросаешь меня?

Я: Мы хорошо повеселились, но забавы прекратились.

Но это было совсем не весело. Я вела себя так, будто меня переполнял *тестостерон*, пытаюсь свести в шутку то, что для него не было шуткой. Но, вопреки своим мыслям, я отправила ему еще одно сообщение в рифму.

Я запугалась, и все пошло не так.

Разбила ли я ему сердце? Поранила ли его чувства? У нас был секс, мы как-то раз вышли вместе выпить кофе, хотя я даже не люблю кофе, от него я становлюсь еще более нервной, чем сейчас, если честно.

Зейн: Для тебя все это шутка?

Мне было не смешно. Я сидела в машине и ждала Аннетт, надеясь, что она спасет меня от этого. Я бы бросила все, как только она пришла. Мы с Зейном даже близко не были парой, и мне казалось, он знал об этом и больше всех был сторонником таких отношений. В его реакции не было никакого смысла, или же он просто морочил мне голову. Я думала, он скажет: «*Доброй ночи, Уиллоу*», как всегда после секса, и на этом все будет кончено. Но он казался озадаченным и разочарованным.

Я: Это конец, хватит за мной гоняться, мы не можем больше притворяться.

Я и в этот раз не собиралась отвечать ему в рифму, но все получилось само собой. Все написанное правда, и сообщение уже не вернуть назад. Мне было грустно от того, что приходилось играть в любовь с человеком, к которому я не испытывала чувств. Я была реалисткой, и решила больше не обманывать Зейна. Он этого не заслужил.

Зейн: Это твоё расставание в рифму бесит еще сильнее, Уиллоу.

Я его бесила – это уже хорошо, поэтому я решила продолжать в том же духе.

Я: Зейн, другая девушка придет, и вся боль пройдет.

Я хихикала, отправляя это сообщение, потому что придумывала его не меньше нескольких минут. Вероятно, он сейчас злится, и меня это радовало. В конце концов, он это он, а я это я. До сих пор Зейн не мог разобраться, кем я была для него. Мы были временным решением друг для друга, так сказать, и то, что он не отпускал меня, усложняло дело.

Зейн: Ты мне всерьез нравилась, но, думаю, ты права. Можешь прекратить эту игру.

Мне нравилась моя манера отвечать ему, хоть это и получилось случайно, и лишь потому, что я жутко нервничала в тот момент. Он сказал, что я ему нравилась, но в *прошедшем* времени,

и я не знала, как это воспринимать. Пожав плечами, я на секунду задумалась и начала писать ответ.

Я: О чем еще нам говорить, чтобы тебя не злить?

Зейн: У тебя ключ от моей квартиры, лицемерка.

— *Черт!*

Я выругалась громче, чем рассчитывала, забыв, что припарковалась возле школы на стоянке для родителей, а окно в моей двери было разбито. Совсем вылетело из головы, что у меня был ключ от его квартиры, а встречаться с ним совершенно не хотелось. О боже, почему я?

Я: Я брошу его в твой почтовый ящик как-нибудь на днях, мой мальчик.

Я не собиралась назначать определенное время, потому что он наверняка попытался бы встретиться. Мне придется надеть все черное и дождаться темноты. И попросить Кейтлин подвезти меня. Аннетт будет в восторге от идеи прокатиться. Может, попросить Кейтлин выручить меня? Она бы не отказалась, ведь завершение наших с Зейном отношений будет праздником для нее.

Зейн: Не возражаю, красотка.

Скоро все закончится. В любом случае, человек, заслуживающий секса со мной, не стал бы называть меня красоткой. Расстаться с Зейном было хорошей идеей.

Вскоре из школы повыскакивала детвора, заполняя автобусы, развозившие детей по домам. Я заметила дочь в толпе, и улыбнулась ей, когда она открыла дверь и села на заднее сиденье.

— Привет, мамочка! Ты снова приехала раньше, — просияла она от радости.

Я всегда приезжала раньше, иначе мне пришлось бы стоять в пробке на подъезде к школе. Обычно я приезжала минут за тридцать до окончания уроков. Мне бы не хотелось, чтобы моя дочь вглядывалась в машины в поисках своей мамы, напротив, я подъезжала ближе, туда, где она всегда ждала меня.

— Каждый день, милая, я буду ждать тебя здесь.

Она была счастлива услышать это.

Мне бы хотелось, чтобы она навсегда осталась моей четырехлетней девочкой, и я бы могла проводить с ней дома дни напролет. Сейчас ей было восемь, и она училась в третьем классе. Она училась чему-то новому без меня, и все реже задавала разные вопросы. Я хотела быть нужной ей.

Все шло не так, каждая минута каждого дня. Мне казалось, будто время ускользает от меня.

По дороге домой Аннетт напевала любимую попсовую песню, от которой у меня кровоточили уши. Но ей нравилась эта песня, так что я делала вид, что мне она тоже нравится.

— Мы не сможем пойти сегодня в парк, мамочка, у меня много домашнего задания. Я узнала, что наш учитель сейчас заменяющий, а постоянный учитель еще долгое время не сможет нам преподавать, — она насупилась, и мне захотелось встретиться лицом к лицу с виновником и накостылять ему.

— О, милая, мама всегда может помочь тебе с домашним заданием, хорошо? Я всегда и во всем буду помогать тебе. Всегда.

Она улыбнулась, и все встало на свои места. Хотя мне все равно хотелось наказать того, кто заставил мою девочку хмуриться.

— Посмотрим телевизор, если быстро закончим с уроками?

— Все, что захочешь, малышка, пока не придет время ложиться спать.

Паркуясь во дворе возле дома, я увидела в зеркале, как она улыбалась.

— Давай быстрее, мам!

Она ерзала на заднем сиденье до тех пор, пока я не заглушила мотор. Мы одновременно отстегнули ремни и сосчитали до трех.

— Вперед! — закричали мы, выпрыгивая из машины, и побежали к входной двери. Аннетт

тащила за собой свой рюкзак, а я одним движением закинула рабочую сумку через плечо. Я успела заметить Кейтлин, удивленно наблюдавшую за нами с балкона и в спешке тушившую сигарету. Она не хотела, чтобы Аннетт видела ее курящей, конечно, а еще не хотела, чтобы я ругала ее.

Аннетт шлепала меня по бедру, чтобы я поскорее отперла дверь, и мне это казалось таким милым. Она была не очень высокой для своего возраста.

Открыв дверь, я пропустила ее внутрь, и она побежала по лестнице наверх.

— Мама поможет мне с домашним заданием, — поспешила поделиться с Кейтлин Аннетт.

Я зашла в гостиную, когда Кейтлин уже распыляла свой токсичный парфюм, и я молча одобрила это, так как в любом случае его аромат был лучше, чем запах сигарет, а я не хотела, чтобы дочка знала, как пахнут сигареты.

— Что, правда? — спросила Кейтлин у Аннетт, затем повернулась ко мне. — Я буду в своей комнате, Уиллоу, собираюсь пообщаться с Брайаном по видеочату. Не стану мешать вам играть в «дочки-матери» своими отношениями.

Я кивнула в ответ, затем поставила сумку, как всегда, на пол рядом с креслом.

— Собираюсь помочь Аннетт сделать хотя бы половину уроков, а потом поедем прокатимся.

Я небрежно подмигнула ей, и каким-то образом она поняла, о чем я.

Подруга улыбнулась в ответ:

— Ясно.

— А еще мы будем смотреть телевизор, когда вернемся, — сказала я, кивая в сторону Аннетт, наклонившуюся за своими вещами.

— Я буду у себя. Постучи, когда будешь готова ехать, — сказала она, и направилась через кухню в свою комнату.

Я наблюдала, как Аннетт аккуратно расставляла на столе, расположенном у стены рядом с балконной дверью, вещи из рюкзака. Я приготовила нам пару сэндвичей с ветчиной, и мы принялись за дело. Ее домашнее задание было в основном по математике, остальное по естествознанию. Мне повезло — эти два предмета давались мне легко.

— Странно, что вы до сих пор изучаете дроби, — саркастически пробормотала я. Они собирались погубить мою дочь этим собачьим бредом. Ей нужно было учить что-то новое, иначе она беспричинно становилась дерзкой.

— Но ведь это легко, так? — улыбнулась она. — Одна вторая – это половина, один поделить на три – это одна треть. Это легко, мам.

Я мысленно сказала себе не забыть дать под дых новому учителю, если этот ублюдок попадется мне на глаза.

— Я думала, ты будешь учить умножение или что-то наподобие, милая, это было бы разумно. Они относятся к тебе как к... — я вовремя остановилась. Я не буду ругаться в присутствии дочери, даже если новый учитель преподавал ей неправильный материал.

— Ну, это мы будем проходить с нашим постоянным учителем, — сказала она. Разумно, в какой-то степени. Что за тупые домашние задания по математике? Новый учитель точно был ослом.

— Ты быстро закончишь это задание, милая, ты права. Покажи маме, как быстро ты справляешься.

Я положила подбородок на руки, расставив локти на столе, и наблюдала, как Аннетт схватила карандаш и стала решать примеры.

— Как пишется «одиннадцать»? — спросила она тихо.

Я объяснила ей. Она размышляла, сколько букв «н» нужно писать, одну или две, но в итоге сдалась и спросила. Она знала, как писать «двенадцать» и «тринадцать», но всегда забывала, как

писать «одиннадцать».

Пока Аннетт писала, ее длинные волосы, обрамляющие лицо, легли на стол.

— Готово, — сказала она тихим голосом.

— А теперь естествознание, — объявила я, и дочь застонала. Она совсем не любила этот предмет, в отличие от меня. Я была дипломированной медсестрой, а до этого два года младшей медсестрой. Именно поэтому я любила естествознание, но мне пришлось изучать его много лет, прежде чем полюбить. Я помнила почти каждый учебник наизусть.

Она быстро справилась с заданиями. В одном нужно было разбить названия животных на плотоядных и травоядных. Она только на двух из четырнадцати, и я ей с ними помогла. У нее получалось, когда она того хотела. Другое задание было о растениях, и в помощь ей давались описания. С этим она сама легко разобралась.

— Все? — спросила она с надеждой.

Я просматривала ее ответы, хотя понимала, что она все выполнила верно.

— Да, юная леди, — улыбнулась я, возвращая ей листок.

Дочка завизжала от радости, убрала тетради в папку, и положила ее в рюкзак. Застегнув его, она посмотрела на меня.

— Мы недолго покатаемся на машине вместе с тетей Кейти, а потом вернемся домой и будем смотреть телевизор, хорошо?

— Как скажешь, мамочка, — она улыбалась, а значит, была довольна.

— Сходи и переоденься во что-нибудь черное, — попросила я ее. И задумалась о том, *есть ли у нее черное платье*. Ну конечно, есть. У нее есть платья всех цветов. Она согласно кивнула и побежала в свою комнату, а я постучала к Кейтлин.

Я собиралась сказать ей, что пришло время *ехать*, но, когда она открыла дверь, я поняла, что подруга плакала.

— Какого чер... — я прикрыла рот ладонью и прошла в комнату, закрыв за собой дверь. — Что он натворил? Что он сказал? — спросила я сквозь зубы.

Она глубоко вздохнула:

— Он сказал, что женится. Он женится на какой-то девушке, но эта девушка – не я.

Никто не мог понять отношения Кейтлин и Брайана, но я понимала. Кейтлин была влюблена в него, она верила, что они всегда будут вместе, и мне казалось, что это возможно. Но я не знала, почему Брайан решил пойти другим путем, когда казалось, что они созданы друг для друга.

— Должна быть какая-то причина, — прошептала я.

— Нет, Уиллоу, в этом нет никакого смысла, — покачала она головой.

— Но он любит именно *тебя*. Этого должно быть достаточно, чтобы во всем разобраться, — настаивала я.

Я не пыталась обнять Кейти, потому что знала, что она этого не хотела. Ей сейчас не нужен был никто, кроме Брайана.

Она села на край кровати и закрыла лицо руками:

— У нее есть деньги, и она там же, где он. Он хорошо устроился. Это и логично, но не укладывается у меня в голове.

— Если ты намекаешь на ваши *трудности*, то ты *права*. Но, Кейтлин, трудности не делают отношения невозможными. Он ведет себя как трус, и ты должна сказать ему об этом. Или кто-то другой скажет вместо тебя.

Она бросила в меня своей бежевой подушкой, но я проигнорировала этот выпад.

— Надеюсь, до этого не дойдет.

— Чушь! – пробормотала я.

— Уиллоу, я устала. Я действительно устала все время впустую ждать чего-то от него.

Она всхлипнула, а я поморщилась, так как не знала, что сказать. Я далеко не эксперт в отношениях.

— Мне однозначно нужно поговорить с Брайаном, — сказала я, поджав губы. — Если ты устала, я сама сверну ему шею...

— Уиллоу...

— Я серьезно. Кого он называет невестой? На ком он женится? Она что, супермодель? У нее бедра, как у Шакиры, и сиськи с две дыни? Или он просто тормоз? — я ударила рукой по изголовью кровати, потому что мне нужно было на чем-то выместить злость. Я подумала о том, чтобы купить билет на самолет в Аргентину, где он предположительно проживал, и надрать ему задницу.

— У нас разное представление о будущем, — вздохнула она. — Это не сработает. Он бы разозлился, если бы я поехала за ним, и я бы злилась, если бы он бегал за мной.

Она пожала плечами:

— По крайней мере, он так утверждает. Я сказала ему, что была бы счастлива просто быть рядом, а он ответил, что его оттолкнет, если я поеду за ним, но я не вижу в этом ни капли правды. Было бы глупо ему приезжать сюда. Я потеряна здесь. Я не хочу оставлять тебя и Аннетт, но рано или поздно мне придется уехать. Он отказывается даже попытаться. Любит ли он меня вообще?

— Он любит тебя, — коротко ответила я.

— Но женится на ней.

Она повторила это дважды, но все равно я не видела смысла в сказанном.

— Более того, Кейтлин, женившись на ком-то другом, он поступает совершенно нелогично, разве что его шантажируют. Но я сомневаюсь, что кто-то будет насильно заставлять его жениться, потому что в реальной жизни такого не бывает. Да и внешне он не так уж и шикарен, обычный тощий барабанщик. Скорее всего, Брайан просто выдумал все это, посчитав, что ты слишком хороша для него, а это так и есть. Да он просто тормоз! — объясняла я свои доводы в надежде, что она прислушается.

— Слишком хороша для него? Ну да, конечно, — простионала Кейти. — Это бессмысленно!

Она с глухим звуком плюхнулась на кровать, а я услышала за спиной тихий стук в дверь и замерла.

— Да, милая? — спросила я громко в ответ.

— Я надела черное платье, мам, — ответила она звонким голосом.

Я задалась вопросом, не слышала ли она наш с Кейтлин разговор, и пришла к выводу, что нет.

Дочка была готова ехать, а вот Кейтлин, очевидно, нет. Я так и не сняла больничную форму и подумала, что, наверно, нет смысла переодеваться.

— Ты готова прокатиться, Кейтлин? — спросила я весело.

Она привстала в кровати с невозмутимым видом.

Мне повезло иметь подругу и соседку в одном лице, да еще и в меру чувствительную. Она всегда любила меня, и это было замечательно во всех отношениях.

— Да какого черта, — пробормотала она спустя несколько секунд, вставая с кровати.

И мы поехали кататься.

24 мая 1997 года, 00:00

Уиллоу

Я трясла его. И он этого заслуживал.

Это был день рождения Кеннеди, ему исполнилось восемнадцать. Целых восемнадцать лет, а он сейчас спал.

Я решила изменить ситуацию, и пролезла в окно его спальни на втором этаже. Я знала, что смогу пробраться внутрь, потому что его комната была на первом этаже, и он никогда не запирает окно. Мама Кеннеди спала беспробудным сном на верхнем этаже. Когда мы были детьми, я могла оставаться у Кеннеди на ночь, мы смотрели фильмы, ели и играли в разные детские игры, но больше всего нам нравилось выбираться на улицу и кататься на велосипедах, после того, как Трэйс засыпала. Пока мы оба не узнали, что такое секс. Так было еще до того, как мы построили наш дом, так что сейчас мы не очень расстраивались из-за того, что не могли оставаться на ночь друг у друга. У нас были свои планы. Мне хотелось сделать ему сюрприз в его день рождения, поэтому я воспользовалась случаем и забралась к нему в комнату. Позвать его я не могла, так что другого выбора не было.

Сев на край его кровати, я наблюдала, как он застонал и повернулся ко мне спиной. На нем были клетчатые пижамные штаны и однотонная футболка.

Я слегка ударила его по левой ноге, и он еле слышно ойкнул.

Я хихикнула.

— Кеннеди, у тебя день рождения, это надо *отпраздновать*.

— И чем же мы займемся, Уилл? — спросил он хриплым голосом.

— Ой, даже не знаю... — поддразнивала его я, ложась рядом с ним и перекидывая ногу через его бедро.

— Забирай свой эстроген и держись подальше от моей задницы.

Он все еще был сонным и говорил низким голосом, но я не придавала этому значения, продолжая дразнить его. Я села на кровати и прислушалась, затем опустила ноги на пол и повернулась снова взглянуть на него. Увидев, как он, улыбаясь, повернулся ко мне, я испытала огромное облегчение.

— Отпраздновать мой день рождения, говоришь? — прошептал он, явно что-то замышляя.

Я вскинула брови и кивнула в ответ. Он улыбнулся шире:

— А что, если я надену свой праздничный костюм, если ты понимаешь, о чем я? В котором все мои восемнадцать *будут* на виду?

— Кеннеди...

— Я буду не один, — прервал он меня, — ты будешь рядом со мной.

Он ухмыльнулся, но я не совсем понимала, что он имел в виду. Он казался захваченным какой-то идеей.

— О чем ты, Кеннеди?

— Мы должны пробежаться нагишом.

— Кеннеди, нет.

— Выслушай меня, Уилл, — убеждал он.

Я вздохнула:

— Я не хочу, чтобы ты видел *меня* обнаженной, и я не хочу видеть обнаженным *тебя*.

Он сморщился, театрально прикладывая руку к груди.

— Ах, а я-то думал, ты будешь *умолять* меня раздеться для тебя, — съязвил он и засмеялся.

Я закатила глаза:

— Ты просил выслушать тебя, так вот, я слушаю.

Он вздохнул с облегчением и продолжил:

— Наденем повязки на глаза, так мы не сможем увидеть наготу друг друга.

Я не знала, как закрыть эту тему.

— Но мы не сможем видеть, куда бежим, и зачем мне раздеваться, если мы все равно ничего не сможем увидеть? Это не мой день рождения, а твой.

Он в нетерпении заерзал на кровати, издавая рычащий звук.

— Вот именно, это мой день рождения, и я хочу, чтобы мы оба прогулялись по улице голыми. Если ты не хочешь видеть меня голым, мы можем надеть повязки. Мы все делаем вместе, помнишь? Это запомнится навсегда! — продолжал он, и уверенность в его голосе еще больше расстроила меня. Я вздохнула, не зная, как отказать ему, когда он так настроен.

— Но так мы не сможем видеть, куда идти! Как мы вернемся домой? — Я реагировала как мамочка, но я всегда волновалась по малейшему поводу.

Он склонил голову набок и сказал, пожимая плечами:

— А что, если мы будем связаны вместе, и я буду бежать за тобой? Тебе не придется надевать повязку на глаза, и ты сможешь выбирать, куда нам идти.

— Откуда у тебя только берутся такие идеи? — проворчала я. Только он мог предложить нечто подобное. — Но люди все равно будут видеть нас голыми, проезжая мимо, городок-то у нас маленький.

— Прекрати отпираться, мы все равно это сделаем, — улыбнулся он. — Мы будем вместе бегать по улице в чем мать родила.

Я еле сдержалась, чтобы не возразить ему.

— У меня есть почти четыре метра веревки на верхней полке в шкафу, и пара галстуков на случай, если приспичит выглядеть элегантно. Давай просто сделаем это, не думая о последствиях. Будет весело, — неловко улыбнулся он, и я захихикала против воли.

— Зачем у тебя в шкафу лежит веревка? Ты что-то скрываешь от меня? — я вопросительно подняла бровь и скрестила руки на груди.

— Это та самая веревка, которую мы использовали, когда были детьми и играли в перетягивание каната. Она как трофей, ведь я всегда побеждал.

— Но ты же парень, — возразила я.

— Нам было по семь лет, Уиллоу.

Я удивилась, потому что он явно хранил ее не просто так.

— Дай-ка мне поразмыслить.

Спустя несколько секунд он поднялся с кровати и встал передо мной на одно колено. Я вздохнула, когда он посмотрел мне в глаза и взял меня за руки:

— Уиллоу Рене Монро, не окажете ли честь стать моим партнером в мой восемнадцатый день рождения и отпраздновать его, в чем мать родила?

Я прищурилась:

— А ты видишь тут кого-то еще?

Он подыграл:

— Ни с кем другим этот день не будет таким особенным.

Все это казалось странным, но я любила Кеннеди больше жизни. Я буду переживать из-за

того, что кто-то увидит меня, бегущей голой по улицам с привязанным ко мне Кеннеди, но позже. В конце концов, это его день рождения.

— Тащи веревку, — пробормотала я, отталкивая его в сторону рукой. Я не могла поверить, что действительно собиралась сделать это, в то время как он, сияя от счастья, направился к шкафу, чтобы достать все, чтобы можно использовать для воплощения его замысла.

Хорошая ли это идея? Я мысленно убеждала себя жить настоящим, ради Кеннеди.

00:46

Я завязала Кеннеди глаза галстуком и обвязала веревку вокруг его обнаженной талии, чуть выше пояса штанов, затем отвернулась, чтобы он мог раздеться. Наши вещи лежали двумя кучками во дворе под его окном. Я подняла второй конец веревки, лежащий у моих ног, и обвязала вокруг своей талии.

— Мы будем бежать? — спросила я, затягивая узел.

— Да, трусцой, — ответил он заметно *громче*, чем я ожидала. Кажется, он не собирался прятаться.

— Почему ты разговариваешь так громко? — зашипела я на него.

Он усмехнулся:

— Может, из-за того, что я ничего не вижу, хоть это и звучит глупо.

На этот раз он говорил тише. Я подалась плечами вперед, огляделась и сделала глубокий вздох. Затем схватила веревку и сказала:

— Я потяну за веревку, если ты будешь бежать слишком близко, ладно?

— А как ты поймешь, что я слишком близко?

В глубине души я знала, что Кеннеди стеснялся предстать передо мной обнаженным. Но я не собиралась смотреть на него, во всяком случае, не *специально*.

— Если веревка коснется земли, это будет значить, что ты слишком близко, — ответила я в надежде, что нам удастся избежать любых случайностей, даже забавных.

Он согласился, и я двинулась вперед.

Странно, но это оказалось совсем не тем, что я ожидала. Когда мы бежали по тротуарам при бледном свете уличных фонарей, нас переполняло чувство... *свободы*. Кеннеди шумел и кричал, но я не боялась этого шума, ведь он был таким счастливым. Я сама тоже была счастлива. Он бежал по улице обнаженный, с одной лишь повязкой на глазах, ведомый мной, тоже обнаженной.

Было весело, и я *смеялась*. Когда мимо проезжала машина, я смеялась еще *громче* и говорила Кеннеди, что мимо нас только что проехала машина.

А затем, когда он предложил вернуться домой, до меня кое-что дошло. Как же нам повернуть назад так, чтобы я не увидела его голым?

Я остановилась и зажмурилась. Потянула за веревку, дав Кеннеди понять, что нужно притормозить.

— Я остановилась, — сказала я на всякий случай вслух, и вздохнула, услышав, как он остановился позади меня.

— Кеннеди, как мне развернуть нас и при этом не увидеть тебя голого? — спросила я тихо. Я не могла ничего придумать, поэтому искать выход пришлось ему.

— Хм, — задумался он, — тебе придется закрыть глаза и надеяться, что не столкнешься со мной.

Черт, у меня было предчувствие, что этого не избежать. Он даже не узнал бы, если бы я что-то увидела. Я надеялась, что неотреагирую слишком громко. Но сначала я собиралась попробовать пройти с закрытыми глазами.

Повернувшись и зажмурив глаза, я уверенно вытянула руки вперед. Я рассчитывала, что если и столкнусь с ним, то задену его живот или руку, что было бы не так плохо. На третьем шаге я споткнулась и в растерянности открыла глаза. Моему взгляду предстала его торжествующая улыбка, руками он прикрывал свое достоинство, но глаза не были завязаны галстуком.

Я посмотрела на него, интуитивно закрывая руками свои интимные места.

— *Кеннеди*, какого!..

— Я могу все объяснить, — прервал он меня. — Она упала, Уилл, буквально пару секунд назад повязка слетела с глаз.

— Почему же ты не закрыл глаза? Зачем сказал мне повернуться? — громко простонала я, топнув ногой. Теперь я ничего не могла поделать. Кеннеди видел меня обнаженной.

— Я запаниковал, а ты повернулась, не предупредив, — ответил он непринужденно.

Я убеждала себя, что ничего страшного не произошло.

— Я согласилась сделать это, так что, думаю, нужно было спросить наверняка, — насупилась я. — Тебе там что, жмет? Зачем ты прикрываешься?

Я уперла руки в боки, ведь он все равно уже видел меня голой. Забавным было то, что мы все еще оставались связаны вместе. Кеннеди смотрел на меня широко открытыми глазами.

— Это... — остановился он, заикаясь. — Просто... ты никогда не видела мужского достоинства раньше, а сейчас мы говорим о *моем* достоинстве.

Я не испугалась и стала разглядывать его прищуренным взглядом.

— Моя задница — это первая женская задница, которую ты увидел голой, пока я бежала по улице, — ответила я в гневе. — И вот я во всей красе.

Я стояла перед ним, в чем мать родила. Он видел все. Я не была уверена, что действительно хочу видеть его голым, я думала лишь о справедливости.

— Сегодня мой день рождения, и я могу прикрыться, если захочу, — ухмыльнулся он, и я решила не настаивать. Мне незачем было видеть его полностью обнаженным. Тот факт, что я чувствовала себя немного разочарованной, заставил меня устыдиться.

Я закатила глаза и жестом попросила отвернуться.

— Теперь ты поведешь.

— Хорошо, но только потому, что я так хочу, — парировал он, а затем подмигнул мне.

Сбегая вниз по улице, привязанная к нему веревкой, я думала о том, какой я ужасный лучший друг, потому что я не могла оторвать *взгляд* от его задницы. Это была отличная задница, но это была задница Кеннеди. Я не ожидала, что мне понравится на нее смотреть.

Я не собиралась терять Кеннеди только потому, что он увидел меня голой, а я увидела его задницу. Такого никогда не случится.

Мы *навсегда останемся* просто Уиллоу и Кеннеди.

24 августа 2006 года, 09:46

Уиллоу

Сегодня я не боялась идти на работу, так как меня ждали двое новых пациентов, и это должно было отвлечь меня от Уайатта. С ними я не буду сильно нервничать и, наконец, почувствую себя медсестрой, а не рабыней. У Тессы было всего четыре пациента, и она предложила взять на себя Уайатта, так как раньше за ним ухаживала и знает, как с ним обращаться. Но я ответила ей, что слишком поздно, потому что теперь он не хотел видеть никого, кроме меня. Я не знала, почему он выбрал именно меня. Может, потому, что по какой-то причине ненавидел меня, хотел довести до белого каления и свести с ума. В любом случае, ему это почти удалось. К концу каждой смены я была готова на убийство.

Сегодня я собрала волосы в высокий хвостик, за исключением нескольких прядей, которые были коротковаты и не влезали в общий пучок, но я не придавала этому значения. Я уже не носила челку, как в юности, вместо этого у меня была стрижка лесенкой, и поэтому собрать все волосы в один хвост было почти невозможно. От недостатка сна я выглядела бледной. Напрягаться я сегодня не собиралась, и Уайатту придется с этим смириться.

Первой моей пациенткой оказалась Кэрри Тиммонс, которую привезли вчера ночью. Ей было всего двадцать два, и у нее сидел посетитель, не то парень, не то муж. Ей сделали промывание желудка, так как она переборщила с болеутоляющими, при этом выпив алкоголя. Она настаивала, что это случайность, но я склонялась к тому, что она подумывала о самоубийстве, но не стала говорить об этом в присутствии ее посетителя. Я хотела побеседовать с ней позже наедине, когда она захочет поделиться со мной. Ее могли бы выписать к полудню, но это зависит от того, что она мне расскажет.

Фарра Олбрукс была моей второй пациенткой, ее доставили сегодня утром, за пару часов до моего приезда. Ей было тридцать четыре, и она была на четвертом месяце беременности. С ней был муж, и я не могла не заметить горечь в их глазах. Она жаловалась на частые неприятные судороги и обильное кровотечение. Женщина сказала, что раньше такого не было. Я поняла, что произошло, как только услышала про судороги и кровотечение - у нее случился выкидыш. Я сообщила доктору Венис, что пациенткой нужно незамедлительно заняться. Я была уверена, что она потеряла ребенка, и сочувствовала бедной женщине. Печально и ужасно, что женщины часто обращались к нам с такими проблемами. Для каждой из них это было *настоящей* трагедией. Я бы сошла с ума, если бы потеряла свою Аннетт.

Когда настало время проверить Уайатта, меня удивило, что он ни разу не звал меня сегодня. *Может, к нему наконец кто-то пришел.* Это бы меня спасло. Я не могла дождаться, чтобы кто-нибудь забрал его отсюда. Кто-то, кто любил бы его настолько, чтобы заботиться о нем, я убеждала себя, что такой человек все-таки существует. Если у него была мать, я надеялась, что она жила где-то недалеко и, узнав, что с ним приключилось несчастье, забрала бы его домой, подальше от меня. Я была уверена, что только материнская любовь сильна настолько, чтобы стерпеть Уайатта Бланкетта.

Я постучала и вошла в палату двести девять, в надежде увидеть кого-нибудь в кресле рядом с кроватью Уайатта. Но меня ждало нечто совсем другое. Нечто невероятное.

— Привет, Уиллоу.

Он улыбался мне. Он поздоровался со мной, при этом улыбаясь. Я потеряла дар речи. Это шутка, или он и правда был рад меня видеть? Почему он не прокричал мое имя, как всегда, когда я приходила в больницу? Я медленно подошла к его кровати, ожидая объяснений. Чем ближе я подходила, тем более странным мне все это казалось.

— Уайатт, — спросила я подозрительным тоном, остановившись, — вы готовы позавтракать? Что-нибудь болит сегодня?

Он коснулся моей руки, и я вздрогнула. Я неотрывно смотрела на него, пока он убирал свою руку.

Уайатт нахмурился, и его лоб пересекла морщинка.

— Я лишь хотел извиниться за свое поведение. У меня есть личные причины, но я не должен был так с вами обращаться. Вы сможете простить меня?

Я была ошеломлена и не знала, что ответить. Извинений от него я ждала в последнюю очередь.

— Вы просите прощения и больше не будете себя так вести, или просите прощения потому, что мне придется и дальше это терпеть? — спросила я.

Мне казалось, что сейчас вернется прежний Уайатт и бросит какую-нибудь колкость, но вместо этого он смотрел на меня *виноватым* взглядом.

— Я буду вести себя... разумно.

Он будет вести себя разумно. Если это было правдой, то я была бы довольна.

— То есть вы будете милым и перестанете дергать меня по ненужным мелочам? — спросила я с жаром, скрестив руки на груди. Он смотрел на меня, и я чувствовала себя неловко, потому что таким видеала его впервые. Мне нравился цвет его глаз, но я и подумать не могла, что мне может понравиться в нем что-то еще. Уайатт Бланкетт был моим злейшим врагом. Он впился в меня взглядом, целиком затягивая меня в какую-то черную дыру. Как глаза вообще могли быть серо-карими? С темным оттенком коричневого, серебристый отблеск которых завораживал и сбивал с толку.

Я очень давно не смотрела мужчине в глаза так долго. Я потеряла ощущение реальности, и меня злило, что это был именно Уайатт Бланкетт. Я помнила, что на дворе август, а значит, это не первоапрельская шутка. Неужели он извинялся искренне?

— Да, — ответил он, откашлявшись. — Но вы тоже должны быть милой со мной.

Я усмехнулась, потому что он был единственным пациентом, с которым я не всегда была вежливой, и в этом была целиком его вина.

— Я сержусь, только когда вы выводите меня из себя, мистер Бланкетт.

— Могу я попросить вас не звать меня мистер Бланкетт? — простонал он. — Звучит как-то странно.

Я улыбнулась, качая головой:

— Так значит, вас раздражает, когда вас называют мистер Блан?..

— Да, — прервал он меня, вздыхая, и потер рукой щетину на лице, немного отросшую за последние пару дней.

— Извините, я слегка капризный, потому что мне здесь совсем не с кем поговорить. Я скучаю по своим ученикам, — сказал он и, махнув рукой в мою сторону и осознав, что я не понимала, о чем он, объяснил. — Я учитель.

Я кивнула:

— Вы всегда можете поговорить со мной, Уайатт. Это ведь часть моей работы. Вы можете не любить меня, но все же я кто-то, с кем можно пообщаться, — мягко сказала я.

Он выдохнул, все еще смотря на меня.

— Дело не в том, что вы мне не нравитесь, Уиллоу.

— Тогда почему вы так грубы?

— Чтобы избежать привязанности, — пожал он плечами. — Я могу провести здесь больше времени, чем хотелось бы. У меня уже было два сердечных приступа, и в один прекрасный день я отдам концы, возможно, даже в ближайшем будущем. Я бы не хотел, чтобы кто-нибудь видел, насколько я уязвим.

Я прищурилась:

— Вы грубы со всеми, или я просто оказалась легкой мишенью?

— Со всеми, но, как вы видите, я стараюсь быть вежливым сейчас, — пояснил он. — А с вами, потому что был уверен, что вы возненавидите меня из-за этого.

— Да уж, — кивнула я. — Вы наблюдательны, — вздохнула, кусая губы и не отрывая глаз от его лица. — И как мы все это изменим? Что нужно сделать, чтобы я не ненавидела вас, а вы не влюблились в меня? — постучала я задумчиво по подбородку. Я все еще не могла сдержать сарказм, хоть и не была уверена, стоит ли. Он мог разозлиться из-за того, что я продолжаю его дразнить, а это было бы не очень хорошо.

— Вы не ненавидите меня, а я никогда в вас не влюблюсь, — ухмыльнулся он. — Вам придется быть страстной и убедительной, чтобы добиться моей любви. Но мне кажется, вы не жаждите этого, так что не думаю, что у нас возникнут проблемы.

Я улыбнулась, потому что технически он назвал меня красоткой. Было похоже, будто Уайатт сделал мне своего рода комплимент, но я не собиралась спрашивать его, так ли это.

— Я убеждена, что любовь ускользает от нас прежде, чем мы успеем за нее ухватиться. По крайней мере, так было в моем случае, — пробормотала я. — Я не собираюсь гоняться за тем, чего нет, так что не думаю, что это будет проблемой.

Он сглотнул и отвел глаза, и я была благодарна ему за то, что он сделал это первым, тем самым подтвердив невозможность возникновения чего-то более глубокого и серьезного между нами. Я уже ненавидела его меньше, для начала этого достаточно.

— Если захочется нагрубить, нужно будет постараться сказать что-то приятное. А если мы скажем что-то неприятное или дерзкое, то придется сделать комплимент *дважды*. Это послужит нам руководством, как оставаться милыми и вежливыми, — слегка пожал он плечами. — Я не делал ничего такого раньше, так что считайте, вам повезло.

— Вы странный, — проворчала я.

— Это не очень-то приятно слышать, Уиллоу, — он снова посмотрел мне в глаза, слегка задрвав подбородок. Я сглотнула, подумав, что будет нелегко, ведь я уже привыкла оскорблять его.

— У вас красивые волосы, — пробормотала я. — Такие вьющиеся и густые.

— О, правда? Что еще? — он улыбнулся краешком губ. Мне хотелось зарычать на него, лишь бы он прекратил так улыбаться.

— Сегодня от вас пахнет дерьмом. Вы, должно быть, *каждый день* так пахнете, потому что этот запах вам подходит, — сказала я немного громче, чем хотелось. И от него определенно не воняло дерьмом.

Он вздохнул:

— Вам следовало бы сделать татуировку на лбу с надписью «сука», вам бы подошло, — он смотрел на меня искоса, все еще улыбаясь. Такое ощущение, будто он передразнивал меня одной своей улыбкой, и это вывело меня из себя.

— У вас прелестные голые ноги, как у пещерного человека, — сказала я, скользнув взглядом по его ногам, которые каждый день видела торчащими из-под пледа.

Он опустил глаза и посмотрел на *мои* ноги, тем самым будто оскорбив их одним своим взглядом, чем еще больше разозлил меня.

— Эти кроссовки неплохо подчеркивают ваши... лодыжки. У вас милые лодыжки, Уиллоу.

Я почувствовала, будто ветер скользнул по моим лодыжкам, и у меня перехватило дыхание. На мне были укороченные брюки. Остатки ненависти, от которых удалось избавиться, вернулись.

Я сжала зубы и заставила себя улыбнуться:

— Да, а у вас и бедра неплохие. Как два окорока индейки на День благодарения.

— Неужели вы завидуете, что у меня такие пышные бедра? — широко улыбнулся он, и земля будто ушла у меня из-под ног.

Я закашлялась, прикрыв рот кулаком.

— Предпочитаю более четко очерченные силуэты, — ответила я приглушенным голосом.

Наступила длинная и неловкая пауза, мы просто смотрели друг на друга.

Я приоткрыла губы, он тоже.

Мы оба пытались сдержать смех, но затем синхронно рассмеялись в голос, будто поняв, что никогда не сможем искренне любезничать друг с другом.

— Все могло быть проще, — сказал Уайатт. — Может, принесете мне мой завтрак с двумя упаковками апельсинового сока, как и каждое утро, примерно в это же время. Что думаете?

— Я думаю, что надо взять ту палочку, что вы просили пару дней назад, и засунуть ее вам...

— В задницу? Вы хотели сказать в задницу, не так ли? — покачал он головой, улыбаясь.

Я издала возмущенный смешок.

— Нет, под ваш *гипс*, помните? Зачем вам *вторая* палка в заднице?

Из его груди вырвался громкий смех, но лицо оставалось серьезным, пока он не ответил:

— Туше, Уиллоу, туше.

17:02

— Выглядишь так, будто у тебя был... *неплохой день*, Уиллоу, — изучала меня Кейтлин. — Чем же он отличился от предыдущих?

— Не понимаю, о чем ты.

Было уже пять часов вечера, Аннетт только что закончила делать домашнее задание. Сейчас она сидела на табурете за столом и ела макароны с сыром. Кейтлин вышла из своей комнаты, неспешно подошла и села рядом на диван, вплотную ко мне. Она изучала мое лицо, пока я смотрела какую-то рекламу по телевизору.

— Выглядишь, будто влюбленная до безумия или увлеченная, как бы смешно это ни звучало, — прошептала она. — Ты что, влюбилась в кого-то?

Я сморщила нос, взглянув на нее краем глаза.

— На работе сегодня было не так уж и паршиво. Мое настроение не имеет ничего общего с противоположным полом, только идиотки влюбляются. А я умница, Кейтлин. Должна сказать, что несколько оскорблена твоим предположением, — усмехнулась я.

— Тогда в чем же дело? — она смотрела на меня сощурившись. — Нашла нового любовника?

— Я не потаскушка, ты, засранка!

Она фыркнула, хихикнув.

— Всем нужен секс, Уиллоу. Особенно нам, ведь мы знаем, каково это.

Я кинула на нее сердитый взгляд.

— Моя восьмилетняя дочь сидит на кухне и ест макароны с сыром, — прошипела я на нее, — и обсуждать секс сейчас я бы хотела в последнюю очередь.

Она положила голову мне на плечо, вздыхая:

— Я рада, что вы с Зейном больше не встречаетесь, не пойми меня неправильно. Ничего не могу с собой поделать, но уверена, что за этим твоим настроением стоит что-то или даже *кто-*

то.

Я погладила ее по голове трижды, а затем решительно хлопнула ладонью по бедру, настаивая на своем:

— Нет никого, Кейтлин.

— Ладно, хорошо. Как прошел твой день?

Я драматично вздохнула:

— Тот пациент, который *сущее наказание*, пытался сегодня извиниться за свое отвратительное поведение, — пожалала я плечами. — Этим он застал меня врасплох, но я все равно ненавижу его. Он старается быть менее приставучим, и это уже облегчает мне задачу.

Она буквально пожирала меня взглядом, мне не хотелось поворачиваться и смотреть ей в глаза. Я просто пялилась в телевизор, хоть и не обращала внимание, что там показывают.

— Тебе не понравится мое мнение относительно того, что ты мне только что рассказала, — пробормотала она.

— Давай закроем тему, Кейтлин, — вздохнула я.

Она повернула мое лицо к себе, сжимая мою руку. Я удивилась, когда она сжала ладонь со всей силы, тем самым показывая, как *сильно* беспокоится обо мне.

— Ты так сильно боишься жизни и перемен. Ты говоришь, что ненавидишь этого парня, своего пациента, но *это не так*, Уиллоу. Ты не можешь кого-то ненавидеть, и это наталкивает меня на мысль, что ты боишься его, и ненавидишь ты именно *страх*, а не парня, — ее голос звучал резко. Каждое слово будто пронзало меня насквозь, и я задрожала.

— Он груб и никогда не улыбается.

Он улыбнулся сегодня. Улыбкой, которую невозможно забыть, и эту мысль я ненавидела.

— Я знаю тебя, Уилл, ты не способна на ненависть. Черт возьми, ты медсестра, — сказала она сурово, но спокойно, помня, что Аннетт из кухни посматривает на телевизор. Она видела, что там показывают, а я видела, во что превратится моя жизнь, если рядом не будет любящего человека. Я думала о том, как Аннетт вырастет, выйдет замуж, и в один прекрасный день родит детей. Кейтлин любит Брайана, и обязательно найдет способ быть с ним, по крайней мере, мне так казалось, и я желала ей счастья. Но я совсем не могла представить, что станет со мной, когда все это произойдет. Я потеряла свою любовь, свою вечность, навсегда, и единственное мое гениальное творение однажды тоже оставит меня.

Кейтлин была права. Я боялась своей собственной жизни.

— Меня затягивает на темную сторону, — простонала я. — Помоги мне отступить. *Быстро*, — настаивала я.

Понимающе взглянув, подруга ударила меня ладонью по затылку, и я глубоко вздохнула, зажмурившись.

— Помогло, спасибо, — прошептала я.

Кейти обняла меня, опустив голову на мое плечо. Я наклонилась к ней, прильнув щекой к ее макушке, и мы обе громко вздохнули. Мы могли слышать дыхание друг друга, и обе сказали «*я люблю тебя*».

Аннетт помыла ручки и села к нам на диван, и мы все вместе, сгрудившись, смотрели какую-то комедию.

26 мая 1997 года, 12:04

Уиллоу

Единственным общим предметом у нас с Кеннеди была химия, она была последним уроком, и весь день я ждала его с нетерпением. Наши с Кеннеди обеденные перерывы были в разное время, что очень меня огорчало. Он должен был быть моим щитом, я нуждалась в нем.

Наконец наступило мое время обеда, и я села за маленьким столом в кафетерии – хоть и не рядом с мусорными баками, но «крутым» это место тоже нельзя было назвать. Я сидела одна. Я привыкла, что обычно люди не обращают на меня внимания, и так было до сегодняшнего дня. Я чувствовала на себе взгляды, и это казалось мне странным. Я решила, что у меня галлюцинации, когда Кельвин Стилтон, один из игроков футбольной команды, подошел ко мне так, словно это было в порядке вещей.

— Привет, — ухмыльнулся он, его улыбка сильно отличалась от улыбки Кеннеди.

Он с шумом уронил поднос на стол, от чего я вздрогнула, и сел напротив меня, вытянув ноги под столом. Носком ботинка он дотронулся до моей ноги, и вряд ли это получилось случайно.

— Привет, — промямлила я, в изумлении наблюдая за ним. Я отодвинула свои ноги подальше от него, чтобы он больше не мог таким образом заигрывать со мной. Мысленно я подготовилась к публичному унижению, ведь этот парень был популярным, а я уж точно нет.

— Почему сидишь одна? — спросил он меня, аккуратно поедая свои тако.

Сегодня был день тако, но я не собиралась есть, пока этот парень смотрел на меня. Я отодвинула свой поднос и вздохнула. Зеленые глаза, длинноватые светлые волосы и мускулистое телосложение — полюбоваться было чем, но это все немного пугало. Я сосчитала до трех, прежде чем отвечать.

— Мой единственный друг не пришел сегодня обедать, да и я как бы не пытаюсь в выпускном классе завести новых друзей, это бессмысленно.

Я сказала слишком много за раз, но он выслушал мой ответ полностью, хоть я и предполагала, что он уйдет.

— Кеннеди, да? Он твой парень?

Он будто провоцировал меня. Мне хотелось сказать ему, чтобы он не лез не в свое дело, но это лишь подзадорило бы его.

— Мы просто друзья, — сухо ответила я и глотнула сока, а он откусил еще от своего тако.

Я начинала нервничать.

Он прокашлялся.

— Такие красивые девушки не должны сидеть в одиночестве. На месте Кеннеди я бы не отходил от тебя.

Он снова откусил тако, от его слов у меня перехватило дыхание. Я ничего не понимала.

— Кельвин, — вздохнула я, — чего ты хочешь?

Я решила поговорить с этим парнем на чистоту, потому что все это было уж чересчур необычным.

— Ты должна поесть, — сказал он. — Время обеда подходит к концу, и я бы не хотел, чтобы из-за меня ты осталась голодной.

Я задумчиво прикусила нижнюю губу. Он не ответил на мой вопрос. Он вел себя так, будто проявлял ко мне заботу, хотя впервые за все школьные годы обратил на меня внимание.

— Если ответишь на мой вопрос, может, я и смогу поесть, пока ты тут.

Он смотрел на мои губы, пока я разговаривала, отчего мне стало еще больше не по себе. На меня никогда так не смотрели.

— Я бы очень, *очень*, очень хотел пригласить тебя куда-нибудь, Уиллоу, вот чего я хочу, — ответил он, стараясь поймать мой взгляд и опуская пачку с молоком на поднос. Он был *слишком крутым*, чтобы носить молочные усы. Я была не уверена, что справилась бы с ним. И меня удивило, что он знал, как меня зовут.

— Ты правда думаешь, что это хорошая идея? — спросила я, в изумлении поднимая брови. Я не верила в происходящее.

— Вообще-то я думаю, что это замечательная идея, — быстро ответил он, подвинув мой поднос ближе ко мне. — Серьезно, ты должна поесть. Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя неловко со мной.

Я не понимала, как он мог чувствовать меня и то, что мне неловко в его присутствии. Мне нравилось смотреть на него, но я не была уверена, что справлюсь с ситуацией, пока он сидит так близко и разговаривает со мной. Я будто общалась с очень сексуальным инопланетянином.

— Ты проиграл пари? — невнятно спросила я, в замешательстве сощурившись на него. Казалось, его удивил мой вопрос.

Он покачал головой, после чего быстро облизнул верхнюю губу.

— Судя по всему, ты не осознаешь, насколько ты желанна, и это печально, — сказал он. — И я никогда не проигрываю. Но если ты сейчас откажешь мне, то я впервые стану неудачником.

Я не могла просто взять и заявить, что единственный человек, которого я могу любить, это мой друг, ведь нам с Кеннеди никогда не стать парой. Также я не знала, смогла бы я проводить время с Кельвином Стилтоном. Мы учились в одной школе с первого класса, но никогда не общались до сих пор. Я не доверяла ему, но если уж я собиралась довериться кому-либо, кроме Кеннеди, то это был отличный повод. Но стоило ли давать этот шанс Кельвину? Я не была уверена, но ведь все идет на это вслепую.

— Что я получу взамен? — спросила я, откусив кусочек тако и прикрывая рот салфеткой.

Он прокашлялся, от чего моя кожа снова покрылась мурашками.

— Ты получишь меня, *целиком и полностью*. Как тебе это?

Он был дерзким, но не таким, как Кеннеди. Он смотрел на меня, как на свою добычу, будто его победой было бы съесть меня за один укус.

— Звучит, будто ты лжешь мне, — честно ответила я. Может, я и была банальной, но имела на это право, учитывая его поведение. Он посылал мне довольно определенные сигналы и во всей этой ситуации казался стопроцентным *высокомерным выскочкой*. Не думаю, что смогла бы это принять.

— Все эти годы я думал, что ты встречаешься с тем парнем, ведь ты все время была с ним, но вот ты сидишь здесь одна, и, очевидно, одинока. Я бы хотел быть тем парнем, Уиллоу, с кем ты проводила время все эти годы. Нет большей правды.

Его слова достигли цели, и в конце концов мне показалось, что я не столь уж невидима для других людей, кроме Кеннеди. Но разве он подошел бы ко мне вот так, если бы не какой-нибудь спор? Я не могла убедить себя в том, что Кельвин Стилтон действительно мной заинтересовался.

— Почему же ты так хочешь быть на месте Кеннеди? — выстреливала я свои вопросы. Он словно повернул выключатель моей машины вопросов, мне стало любопытно как никогда.

— Все просто, — улыбнулся он. — Внимание. Ты уделяла ему все свое внимание, поэтому я

ему завидовал. Я хотел бы стать тем, кто заставит тебя улыбаться, но этот парень он. Позволь мне стать этим парнем хотя бы на один день.

Ему бы стать поэтом. И это мне в нем нравилось, даже слишком.

— Видишь? Я бы хотел делать это чаще, — ухмыльнулся он.

Я улыбалась, как идиотка, потому что мне нравилось, как он со мной разговаривал, и мне хотелось, чтобы он не останавливался, а обеденный перерыв не заканчивался.

Звонок прозвенел неожиданно, однако ни один из нас не встал, в отличие от остальных.

— Я провожу тебя до класса, — сказал он.

Он слегка приобнял меня, и мне хотелось, чтобы коридор не заканчивался, чтобы он снова и снова провожал меня до класса.

25 августа 2006 года, 08:07

Уиллоу

Сегодня утром я успела увидеть затылок человека, заменяющего постоянного учителя Аннетт. Я репетировала свою материнскую отповедь, но мы разминулись, ничего не вышло. Я вовсе не стеснялась, по крайней мере, старалась не стесняться. Я понимала необходимость что-то предпринять, должна была попытаться. В любом случае, жертва уже была принесена.

Вчерашняя домашняя работа была последней каплей, я решила, что нужно встретиться с человеком, ответственным за это. Я не могла позволить Аннет лишиться детства из-за уроков. Она была слишком честна чтобы пропускать занятия или позволять своей маме делать за нее домашние задания... или вовсе не делать их. Она была хорошей ученицей при учителе, который не заслуживал ее.

— Иди присядь, милая, а я пойду поговорю с твоим новым учителем, — сказала я Аннетт, и она кивнула в ответ.

Дочка улыбнулась мне, уходя, потому что знала, как трудно мне бывало иногда общаться с незнакомыми людьми или находиться в толпе. Она знала, что я делаю это ради нее. Я делала это и для себя, конечно, ведь мне нравилось проводить с ней время в парке.

В начальной школе было слишком много людей. Но в этот раз я не собиралась сдаваться. Я нашла глазами временного учителя Аннетт, он повернулся ко мне, и я вздохнула.

Он был хмурый, с пузом и странной лысиной. Все признаки мужской депрессии на лицо. Типичный неудачник в роли учителя на замену. Удивило меня не это, а то, как он *установился* на меня, когда я встала перед входом в класс.

Он направился ко мне, и мне показалось, что его поведение будто изменилось, он выглядел более решительным и взволнованным, отчего я почувствовала себя некомфортно.

Я подумала, *что меня вырвет, если от него будет пахнуть старыми записными книжками и немытой задницей*. Я пришла к выводу, что чем ближе он подходит, тем сложнее мне скрывать свое отвращение.

— Вы мать Аннетт? — спросил он, не подходя слишком близко, за что я мысленно была ему благодарна.

В его голосе нотки мужественности были едва слышны. Он был одет в брюки цвета хаки и классическую рубашку *в крапинку*, и я мысленно отметила, что он относился к разряду чудаковатых учителей.

— Да, и я пришла сказать, что пора прекращать давать детям такие большие объемы домашнего задания. Аннетт в третьем классе, а вы даже не постоянный учитель. Восемилетний ребенок — тоже человек, поймите.

Я скрестила руки на груди, разговаривая с ним в мягком тоне, стараясь не казаться стервой.

— Но она неплохо справляется, — он резко замолчал.

Я и так это уже знала, ведь мы обсуждали Аннетт.

— Конечно, справляется, но какое это имеет значение? Ваши задания бессмысленны, вы даете их, чтобы скоротать детям время, пока не вернется их постоянный учитель, — сощурилась я на него.

Я застала его врасплох, а потому дала пару секунд на размышления. Вообще-то я не была грубой, но этот человек мешал мне проводить время с моей девочкой, и это меня сильно расстраивало.

Меня стали окружать детишки, спешащие зайти в класс и занять свои места.

— Я следую указаниям учителя, мисс Монро. Я делаю лишь то, о чем меня просил мистер Бланкетт, — сказал он, нахмутив лоб и уперев руки в бедра.

Подождите секунду, он только что сказал *мистер Бланкетт*?

Никто больше не носил такую фамилию, она была не особо распространенной. Уайатт *говорил*, что работал учителем... Господи, этому человеку удавалось быть ослом даже там, где физически его и не было.

— Так значит Уайатт в ответе за все это? — спросила я раздраженно. — Вы серьезно говорите, что... — я замолчала, вздыхая. Я не собиралась сейчас вести себя как Тесса, я лишь ждала, чтобы он подтвердил мои догадки.

— Да, Уайатт Бланкетт и есть тот учитель, которого я заменяю с первого учебного дня, — ответил мужчина слегка растерянно. Он оглянулся, чтобы проверить детей, но они все вели себя хорошо и сидели на своих местах. — Вы хотели бы обсудить что-то еще, мисс, или мы закончили? — вежливо поинтересовался он.

Я едва заметно кивнула.

— Да, это все, спасибо.

Я вымученно улыбнулась и махнула Аннетт на прощание, затем повернулась и направилась к выходу.

09:11

— Доброе утро, Уайатт, — улыбалась я, неся в руках его поднос с едой. Он выглядел удивленным моим неожиданным приходом, но слегка улыбнулся и кивнул, когда я поставила поднос ему на бедра.

— Доброе, Уиллоу. Выглядите радостнее, чем обычно, что-то произошло?

Выражение его лица подсказывало, что он пытается меня подколоть, но я проигнорировала его вопрос.

— Доктор Венис говорит, вы идете на поправку. Через день-два вы сможете выписаться, — произнесла я, скрестив руки на груди.

Я не разговаривала с доктором Венис, я лишь провоцировала Уайатта, будучи почти уверена, что он не останется в больнице. Мне казалось, он выглядел довольно хорошо, чтобы уйти отсюда. Уже прошла почти неделя, как ему прекратили ставить капельницы и наложили гипс на руку. Казалось, Уайатт хотел поиграть со мной, и в этой игре я была своего рода домашним питомцем для него, ведь у него не было других собеседников. Не то чтобы я подыграла ему, если бы он попросил. Это на него мне хотелось надеть поводок, и если бы мне выдался шанс намотать ему что-либо на шею, я бы тут же вытащила его задницу отсюда.

— Я все еще нетрудоспособен, Уиллоу, — вздохнул он. — Присядьте, — он похлопал ладонью по краю кровати, приглашая присесть рядом с ним.

Я замешкалась. Выполнив просьбу, я словно соглашусь с тем, что делаю все, как он скажет. Но мне больше не хотелось играть в эту игру, поэтому я выпрямилась, молча отказываясь присесть.

Он прищурился:

— Вы должны накормить меня, сестра. Пожалуйста, сядьте, — проворчал он, настойчивее похлопывая ладонью по одеялу.

Затем похлопал еще раз.

И еще раз.

Он в удивлении приподнял брови, когда я отрицательно покачала головой, словно капризный ребенок.

— Вам надо научиться справляться самому. Возьмите вилку *правой* рукой и ешьте свою яичницу самостоятельно. Больше не буду вас кормить, — сказала я, ухмыляясь, пока он обдумывал услышанное.

— Почему вы не накормите меня? — спросил он раздраженно, насупившись и раздув ноздри, сжимая простынь в кулаке правой руки.

Меня позабавило это его сопротивление, он действительно не хотел есть сам. Эта мелкая перепалка ему явно была не по душе.

— Уайатт, сколько вам лет?

Он *глубоко и громко* вздохнул.

— Вы снова за старое, серьезно? Раз уж я здесь, вы могли бы и помочь? — он задрал подбородок, выпятив нижнюю губу.

Этот мужчина надулся. Этот двадцативосьмилетний человек действительно обиделся на меня потому, что я не собиралась кормить его.

— Я каждый день задаюсь вопросом, почему Уайатт все еще здесь? — я постучала указательным пальцем по своему виску, он закатил глаза. — Я думала, вы прекратите быть таким капризным? — я замолчала, сделав шаг ближе к нему.

Бедром я едва касалась его кровати, и то, как он посмотрел на меня, позволило мне почувствовать, что я наконец-то взяла ситуацию под свой контроль.

— То есть, вы хотите, чтобы я ел сам? Выглядит немного жестоко с вашей стороны, ведь я уже привык к тому, что вы меня кормите, — пробурчал он.

Интересно, он хоть иногда слышит, что говорит? Надеюсь, он не ведет себя так в присутствии своих учеников. Мою Аннетт оскорбило бы такое поведение.

Мне захотелось, чтобы он больше никогда не указывал моей Аннетт, что она должна сделать.

— Вы желаете такой роскоши, как медсестра, которая выполняла бы все ваши капризы, Уайатт?

Он кивнул, выражая смущение. Он не знал, что думать, и мне это нравилось.

— Тогда позвольте спросить, — вздохнула я, садясь на краешек его кровати, куда он и приглашал меня присесть, похлопывая ладонью. — Вы учитель, так?

Он снова кивнул, с любопытством посмотрев на меня.

— Да, я уже вам об этом говорил.

— И у меня есть дочь, — сказала я, прищурившись. — Вы не говорили, что преподаете в третьем классе. Я бы никогда не догадалась, — пробормотала я.

Он вздохнул.

— Да, это так. Я так полагаю, ваша дочь учится в моем классе, и вы чем-то недовольны? — он в ожидании приподнял брови.

— Вы осел, — просто ответила я, качая головой.

— Не очень вежливо так говорить, — ухмыльнулся он.

Я вздохнула:

— У вас милые глаза и затылок тоже милый, — беспорядочно выпалила я, поднося руку к его лицу и выдергивая пальцами волосок из его подбородка.

Уайатт ойкнул, а я смахнула одинокий волосок на пол, не отрывая взгляда от его лица.

— Вы даете третьеклассникам слишком много домашнего задания, хотя вас даже нет рядом с ними, мистер Бланкетт.

Он вздохнул, потому что ему не нравилось, когда я обращалась к нему, как к учителю.

— И? — пожал он плечами.

— И это не очень мило с вашей стороны, — прошипела я. Он был очень расстроен.

— И вы станете моей добренькой медсестрой, если я перестану давать своим ученикам домашние задания? Будьте реалисткой, Уиллоу. Я придерживаюсь своего учебного плана, — он настойчиво пытался поймать мой взгляд.

Мне хотелось хорошенько его придушить. *Только раз*, пока он не сдастся и не сделает все, о чем я попрошу.

— Вы хотите *сказать*, что не можете снизить нагрузку? — медленно спросила я.

— Объясните, что вы имеете в виду, говоря «*снизить нагрузку*», — призвал он, смягчившись.

Возможно, у меня получится повлиять на него, я надеялась на это.

— Я не прошу вас не давать им заданий совсем, я лишь прошу не давать так много. Моей дочери не хватает времени ни на что другое, и все из-за проклятого бредового домашнего задания, которое вы им даете. Они в третьем классе, Уайатт, позвольте им быть детьми, — объясняла я.

— Вы, должно быть, очень любите свою дочь, — сказал он.

— Я люблю ее больше жизни, — грозно ответила я.

— Хорошо, — он замолчал. — Я снижу объем работ в два раза, но вы будете кормить меня и позволите иногда быть капризным.

— Может обойдемся без *капризности*? — укоряюще указала я на него.

Он ухмыльнулся, смущая меня.

— Мне нравится, что ли, когда вы заботитесь обо мне, — ответил он.

Технически, сейчас он играл роль питомца. Видимо, я неверно поняла намерения Уайатта, и ругала себя за это.

— Вам нравится, когда я о вас забочусь? — прошептала я в недоумении.

Это прозвучало так, как если бы порноактриса что-то сказала в порнофильме прямо перед самым половым актом.

Уайатт, секс и *порно* никак не умещались в моей голове, так что я отбросила эти мысли. Похоже, у него были проблемы с привыканием и расставанием.

Я убеждала себя, что дело именно в этом.

— Именно так я и сказал, — подтвердил он. — Я думал, вы в курсе. Особенно после того, как я громко выкрикивал ваше имя, отказываясь принимать помощь от других, — продолжил он.

Я изучала его пару секунд.

— Ваша яичница остынет, — сказала я еле слышно, разорвав пакет со столовыми приборами. Я достала вилку, зачерпнула яичницу и закинула ее ему в уже открытый в ожидании рот.

Я была несколько резка, и он заметил это.

— Осторожнее, — заметил он.

— Вот, — я протолкнула еще одну полную вилку ему в рот, и он закашлялся.

— Вы хотите, чтобы я подавился, — сказал он с полным ртом.

Если так, я бы добилась своего, но опять же, я бы оказалась единственной, кто смог бы ему помочь в такой ситуации. Пришлось отвечать честно.

— У меня нет таких намерений.

Я была просто раздражена.

— Я же сказал, что вдвое уменьшу объем домашних заданий. Вы не довольны таким компромиссом? — он дожевал остатки еды и проглотил.

Я наблюдала, как поднимается и опускается его кадык, мне это вроде нравилось, и за это я себя тоже ругала.

Я посмотрела ему в глаза, прежде чем ответить.

— Этим я довольна. Просто я не жажду заботиться о вас.

Он улыбнулся.

— Я по-прежнему буду вежлив с вами. Я не буду требовать чистых простыней без необходимости. Я лишь хочу вашего внимания. Ведь это и есть работа медсестер, верно? Они награждают своих пациентов вниманием.

— Да, но...

— Ничего, — прервал он меня. — Мы договоримся.

— Думаю, да, — ответила я мягко, отправляя еще один кусок яичницы ему в рот, в этот раз не принуждая себя.

— Вы не могли бы помассировать мне плечи после завтрака? Я очень напряжен сегодня, — сказал он.

Я покосилась на него, протягивая новый кусок яичницы.

— Вы слишком спешите, мистер Блан...

— Уайатт, — прервал он меня снова. — Просто Уайатт, — сказал он сухо.

— Хорошо, *просто Уайатт*. Думаю, я могу внести в свой график массаж ваших плеч, — я вздохнула. — Вам повезло, что моя дочь учится в вашем классе, очень повезло.

— Не могу дождаться встречи с ней. Готов поспорить, она такая же милая, как и вы, — прошептал он последние слова, поддразнивая меня.

— На самом деле я хороший человек, — сказала я ему, закатывая глаза. — Но Аннетт — мой ангел, я горжусь тем, что она моя дочь.

Я помогла Уайатту доесть остатки завтрака, открыла первый пакетик апельсинового сока для него, и дождалась, пока он его допьет.

Он громко вздохнул и посмотрел на меня.

— Расскажите мне о ней. Мне действительно интересно. Я могу быть не самым замечательным пациентом, за которым вам приходилось ухаживать, но когда речь идет о моих учениках, я лучший. Просто ужасно, что я не могу быть сейчас рядом с ними, и вы, возможно, сами видите, как на меня это влияет, — продолжил он.

— То есть вы считаете себя хорошим учителем?

— Определенно, — незамедлительно ответил он. — Мне нравится быть учителем, в этом смысл моей жизни. Мои ученики — это моя жизнь. На самом деле я рад, что ваша дочь оказалась моей ученицей.

— Хорошо... — замолчала я. — Тогда почему вы еще здесь, Уайатт? Вы могли бы преподавать даже в таком состоянии, — сказала я мягко.

Он выпил еще сока.

— Как зовут вашу дочь? — спросил он вместо того, чтобы ответить на мой вопрос.

К моему сожалению, он нашел мою слабость.

— Аннетт, — улыбнулась я, не сумев сдержать улыбку.

Он кивнул и широко улыбнулся, впервые за все это время. Впервые.

— Расскажите мне о ней, — попросил он, почти умоляя, и я не сдержалась.

Теперь я иначе смотрела на Уайатта, совсем иначе, потому что говорила с ним об Аннетт. И я очень себя за это корила.

27 мая 1997 года, 12:04

Уиллоу

На уроке химии Кеннеди сказал, что в полночь будет ждать меня у нашего домика. Сказал, что должен сообщить мне кое-что важное. *Что-то*, что он не мог рассказать во время урока.

Он выглядел немного грустным, и это напомнило мне о том, что у меня тоже есть новость для него.

Когда Кельвин Стилтон пригласил меня на свидание, я ответила «может быть». В тот момент, когда в классе я увидела Кеннеди, я не смогла рассказать ему об этом, и потом чувствовала себя из-за этого гадко. Я не знала, что Кеннеди подумает. Ответить «может быть» для меня было сумасбродством.

Но я знала, что Кеннеди никогда бы не назвал меня сумасшедшей, ведь это был Кеннеди, мой лучший друг. Он всегда поддерживал мои решения, а я его. Вот почему я так сильно любила его. Я понимала, что при следующей же встрече нужно все ему рассказать. Я не смогла бы здраво мыслить, если бы не излила ему душу.

Я сидела на своем пуфе, рядом с едва светящим фонарем, включенным для того, чтобы меня не окружала кромешная темнота.

Кеннеди не расстроится. Я никогда не ходила на свидания, так что он удивится, что я сказала Кельвину «может быть», но вряд ли расстроится. Надеюсь, он отнесется к этому *оптимистично*.

Кельвин мне действительно нравился. Он показался милым, забавным парнем, и мне нравилось, как он со мной разговаривал.

Чего я ждала, так это одобрения Кеннеди. Оно было мне необходимо. Если бы он сказал, что не считает это хорошей идеей, я бы тут же отказалась от свидания с Кельвином. Я бы не стала рисковать нашей с Кеннеди дружбой ради парня, с которым не планировала ничего серьезного.

Если же он скажет «да», что ж, я буду не готова к такому. Если он скажет «я же тебе говорил» и «да, ты должна пойти на свидание с Кельвином», тогда я не знаю, что отвечать на это.

Было страшно думать, что же в итоге получится. Мне нужно было знать, что думает Кеннеди. Он бы смог меня подбодрить. Я верила в это.

Услышав звук велосипедных колес, шелестящих по грязи, я подняла взгляд к открытой двери и ждала, когда он зайдет.

Но он не зашел.

Я встала, схватила фонарь и зашагала к выходу, будучи не в состоянии больше ждать. Это было пыткой.

— Кеннеди?

Подойдя ближе к дверному проходу, я услышала шаркающий звук и высунула голову, чтобы оглядеться.

— Кеннеди? — снова позвала я его.

— Уиллоу, — он произнес мое имя запыхавшимся голосом. Я не видела его. — Уилл, ты уже здесь? — спросил он тихо.

Я вышла наружу и сразу увидела его. Я заметила, что он переоделся.

Мне не нравится, во что он одет – первое, что пришло мне в голову. Он всегда называл эти вещи несчастливymi и крайне редко надевал их. Черная рубашка, темно-бежевые брюки и черные кроссовки «Рибок».

Я не могла вспомнить, когда последний раз видела его в этом.

Вместо того, чтобы спросить про одежду, я выпалила:

— Кельвин Стилтон пригласил меня на свидание, и я сказала ему «может быть».

Хотелось бы мне сначала спросить его про одежду, но я не смогла остановиться. Я уже запланировала рассказать ему все.

Он неловко сделал шаг назад:

— Подожди, что? Когда? — спросил он.

— Во время второго ланча, — вздохнула я. — Он просто сел за мой столик, он был таким славным, и я просто не знала, как сказать «нет», или хотела ли я вообще говорить ему «нет», — я остановилась, мысленно ругая себя.

Все должно было пойти не так. Я говорила, будто была в отчаянии, как идиотка.

— Успокойся, Уилл, — сказал он тихо, делая два шага вперед, становясь ближе. — Иди ко мне, — пробормотал он, раскрывая объятия.

Кеннеди понимал, когда мне нужны были его объятия.

Я уронила фонарь и обхватила его руками за талию, опустив голову ему на грудь, а он обнял меня за плечи.

Я сделала глубокий вздох.

— Я должна была сказать тебе раньше, — шепотом объяснила я.

— Нет ничего страшного в том, что не рассказала, — заверил он, распустив мои волосы и вытащив ленту, от чего они в беспорядке упали мне на плечи и лицо. Он провел руками по моему затылку. — Ты знаешь его? — спросил он небрежно, хоть и знал ответ на этот вопрос. Он старался облегчить мне задачу.

— Не особо, — честно ответила я.

Он вдохнул, затем громко выдохнул через нос.

— Ты хочешь узнать его получше? — просто спросил он.

Я колебалась, а затем подняла голову, чтобы встретить его взгляд.

— Кажется, да, — сказала я, смотря ему в глаза.

Он моргнул и *натянуто* улыбнулся.

Я была уверена, что он заставил себя улыбнуться, и ненавидела себя за это.

— Тогда, может, стоит сказать ему «да», — прошептал он.

Я была смущена. Сначала он пришел в своей несчастливой одежде, затем выдавил из себя эту *улыбку*, а теперь говорил, что мне стоит сказать Кельвину «да»?

Я не верила, что он действительно так считал, мне казалось, он предпочел настаивать на согласии, будто я предлагала ему ультиматум.

— Кеннеди, я уверена, ты не это хотел мне сказать, ты ведь не серьезно, — сказала я смущенно, по-прежнему будучи в отчаянии.

Он просто согласился, будто *должен* был так поступить. Он не дал мне того совета от Кеннеди, в котором я нуждалась.

— Да, мне не нравится мысль о том, чтобы делить тебя с кем-то, но я не могу быть таким эгоистом. Ты мой лучший друг и заслуживаешь пойти на свидание с парнем, которого хочешь узнать поближе. Я не могу стоять у тебя на пути, Уиллоу, — сказал он серьезно. Убрав прядь моих волос мне за ухо, он отстранился.

— Я прослежу за вашим свиданием, если ты скажешь ему «да». Я никому не позволю

обидеть тебя, так что, просто чтобы ты знала, я буду следить за ним, — он прокашлялся. — К тому же Кельвин Стилтон кажется кретином, — пробубнил он.

Я кивнула, улыбаясь:

— Да, ты прав.

— Ты понятия не имеешь, во что ввязываешься, как, в общем, и я. Я понимаю, ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что делать, но я не могу решать за тебя. В этом вся ты, Уилл, — сказал он.

Я кивнула.

— Теперь я понимаю это. Просто я не могу ничего утаивать от тебя ни на секунду, или не держать тебя в курсе. Ты все, что у меня есть, и знаешь об этом, — тихо ответила я.

— Ты можешь иметь больше, — улыбнулся он той самой улыбкой.

— Ты один такой особенный, — возразила я. И я действительно так считала.

Никто не был мне так близок, как Кеннеди. Никто, даже папа или мама. Никто.

Он покачал головой.

— Уже поздно, Уилл, завтра в школу, — глубоко вздохнул он. — Думаю, нам стоит возвращаться.

— Не сейчас, — возразила я.

— Почему?

— Ты сказал, что хотел о чем-то рассказать мне, помнишь? — подчеркнула я. — Ты надел свою несчастливую одежду, — добавила я тихим голосом.

Он на секунду закрыл глаза, глубоко вдыхая.

— Я уже не помню, что собирался сказать, — он остановился, медленно открывая глаза. — Я вспомню завтра. Расскажу тебе завтра, хорошо? — спросил он громче.

Кеннеди что-то скрывал, но я бы не смогла убедить его остаться, если он не был готов рассказать.

Я кивнула, вздыхая:

— Хорошо.

Он поднял свой велосипед и сел на него.

— Привет, — сказал он мне.

— Привет, — помахала я в ответ. Он уехал, растворяясь в темноте леса, оставляя следы на грязной тропе.

28 августа 2006 года, 06:27

Уиллоу

В пятницу домашнего задания не было. Как только я поговорила с Уайаттом, он тут же отменил запланированное задание на тот день. Вечером Аннетт забралась ко мне в машину, и, широко улыбаясь, сказала:

— Мамочка, у меня больше не будет домашних заданий по пятницам!

Это меня очень обрадовало.

Но больше всего меня порадовало то, что Уайатт захотел сделать *нечто* настолько приятное для *моей* дочери.

На самом деле, он сделал это для всего класса, конечно. Хоть ребята и заслужили меньше домашних заданий, но для Уайатта это был серьезный, гигантский шаг. Я понимала, что он, будучи перфекционистом, переживал из-за этого.

Как только я узнала, что учителем Аннет был именно Уайатт, я подумала, что не стоит даже пытаться просить его внести какие-то изменения в учебные планы. В особенности *ради меня*.

Я сунула свой нос именно в его класс, понимая, что будет практически невозможно убедить его изменить расписание домашних заданий.

Никогда бы не подумала, что все окажется так просто, пока не узнала, что Уайатт вовсе не ненавидел меня, даже наоборот, *наслаждался* моим обществом. Но давайте на чистоту, у него был забавный способ показать это.

Я также поняла, что никогда не испытывала ненависти к Уайатту.

Я ненавидела себя за то, что мне хотелось увидеть его улыбку, и за то, что увидев ее однажды, не могла забыть.

Я ненавидела себя за то, что мне хотелось быть той, для кого он улыбался.

Меня подавляло, что я испытала такое *желание*, как только увидела этого мужчину. Я никогда ни у кого, кроме Кеннеди, не хотела вызывать улыбку. С парнями *из прошлого*, как я их называла, я и не думала о том, как бы заставить их улыбнуться, а когда они улыбались, я ничего не чувствовала.

Мне много нравилось в Уайатте, но его просьба рассказать ему об Аннетт полностью изменила мое впечатление о нем.

Мне понравилось, что он хотел узнать ее получше, ведь он был единственным мужчиной, который вообще *спросил* о ней.

А еще он согласился на изменения, стоило только попросить. Сердце забило чаще, когда Аннетт сказала, что у них больше не будет домашних заданий по пятницам.

Первым, что пришло мне в голову, было желание поскорее увидеть его улыбку.

Я ненавидела себя за то, что мне начинал нравиться Уайатт, но я ничего не могла с этим поделать, как и всегда.

Ранним утром понедельника, я валялась на своей небольшой кровати, задвинутой в угол комнаты, закинув ногу на ногу, и ждала, когда Аннетт позовет меня в ванную помыть ей голову.

Я уже надела сегодняшнюю униформу бежевого цвета, сверху донизу усыпанную изображениями львов и львиц.

В конце концов, я услышала шум отодвигающейся душевой шторки. Аннетт высунула голову и закричала:

— Мамочка, я жду тебя!

Я быстро вскочила, голос ее был чуть более взволнован, чем обычно.

— Что-то не так, малышка? Или ты ждешь, чтобы мамочка помогла помыть голову? — спросила я, заходя в заполненную паром ванную.

Она снова высунула голову.

— Я попыталась сделать это сама, но не уверена, все ли сделала правильно, шампунь попал мне в глаза, и это так больно, — бессвязно рассказывала она.

Я слегка отодвинула шторку в сторону.

— Хорошо. Стой там и наклони голову назад, — наставляла я, и она послушалась.

Мы делали это каждый день, и Аннетт расстраивалась из-за того, что у нее не получалось самой помыть голову шампунем, ведь у нее были *объемные* и густые волосы. Мои родители прозвали ее Рапунцель с тех пор, как ее волосы только начали расти, потому что росли они необыкновенно быстро, а сама Аннетт жутко боялась стричься.

Аннетт понимала, насколько красивы ее карамельного цвета волосы. Хоть она и была невысокой, но они доставали ей до поясницы.

Аннетт была яркой личностью, и ее волосы были частью этого образа. Я никогда не была против помыть ей голову, и никогда не стала бы возражать.

Она и раньше пыталась справиться с этим сама, но всегда жаловалась, что волосы становились не такими блестящими и шелковистыми, как после моего мытья. Я особой разницы не видела, но не жаловалась.

Дочка была очень похожа на Кеннеди, и с каждым днем мне это нравилось все больше и больше, но в то же время пугало.

Она никогда не меняла своих решений, если только они не касались меня. Она была необыкновенно умной, но расстраивалась, если у нее что-то не получалось. У нее были свои мысли и взгляды на некоторые ситуации, хоть ей и было всего восемь лет. Ее большие голубые глаза выражали тысячи эмоций. Ее улыбка всегда была настоящей, и она всегда улыбалась мне. Как и Кеннеди, Аннетт жила моментом и радовалась жизни.

Что-то в ней было и от меня, но ей повезло родиться такой красавицей.

Она была невысокой, как и я, унаследовала мою форму лица и цвет волос, хоть ее и были намного красивее моих.

Я закончила мыть ей голову, и она выбралась из душа, чтобы одеться к школе. Я присела на край своей кровати, надела носки и больничную обувь, и направилась на кухню, чтобы приготовить нам по тарелке овсяной каши.

Кейтлин еще спала, как и всегда в это время. Обычно она просыпалась поздно, и, будучи совой по характеру, писала статьи до поздней ночи. Она могла себе это позволить, потому что работала сама на себя.

Аннетт вышла из своей комнаты, одетая в белое платье в цветочек до колен и сандалии с закрытым носком.

Она выглядела такой милой.

У Аннетт была пара штанов, но носила она их только когда больше нечего было надеть. Если на улице было холодно, мне приходилось заставлять ее надеть штаны. В ответ она обычно надувала губки и, громко топнув ножкой, возвращалась к себе переодеться.

Каждый день она заставляла меня улыбаться.

— Я хотела бы, чтобы ты высушила мне волосы, мамочка, но это разбудит тетю Кейти, и она разозлится, — сказала девочка, подсев ко мне рядом за кухонную стойку, чтобы позавтракать.

Ее волосы все еще были обмотаны наверху полотенцем, что не было обычным делом.

— Я высушу тебе волосы, дорогая. Тетя Кейти вернется к себе и снова ляжет спать, если мы ее разбудим, — сказала я, на что Аннет улыбнулась и ответила:

— Хорошо.

Если Кейтлин проснется злой, я ей врежу.

Мы доели кашу, и Аннетт выпила еще одну чашку апельсинового сока, прежде чем мы пошли в ванную сушить ее волосы.

Она выпила две чашки апельсинового сока, и это напомнило мне Уайатта.

Закончив сушить волосы Аннетт, и так и не услышав приглушенных ругательств из спальни Кейтлин, я предположила, что она еще спала.

— Пора выходить, — сказала я малышке, и она кивнула в ответ.

Дочка схватила свой рюкзак, а я закинула на плечо свою рабочую сумку.

09:03

Это утро не было особо приятным, оно было привычным, но с незначительными изменениями. Аннетт ехала в школу, улыбаясь чуть шире обычного и радуясь тому, что нам удалось высушить ей волосы, а также тому, что у нее не было домашнего задания, которое нужно было бы сдавать сегодня.

Дорога до работы была скучной, музыка по радио мне не очень нравилась, так что я его выключила и с трудом переносила тишину.

Сейчас я находилась на втором этаже, как и каждый день своей смены, но волна легких мурашек поднималась по мне, будто в этот раз я была взволнована тем, что нахожусь здесь.

Я обменялась приветственным кивком с Дениз, затем повернулась в сторону палаты номер двести девять. Впервые я улыбнулась при виде этих цифр.

— Для меня есть карточки? — спросила я Дениз обычным тоном, все еще смотря на цифры на двери его палаты.

— Ты пока свободна, — ответила она. Мне показалось, она задорно улыбалась, но я не стала поворачиваться к ней, чтобы убедиться в этом.

Взяв поднос с готовой едой для Уайатта, я направилась к нему, постучала один раз, и он впервые ответил:

— Входите!

Я не понимала, почему меня так порадовало одно это его слово.

Входите.

Обычное слово, которое говорят все пациенты, когда медсестра стучит в дверь.

Думаю, дело было в голосе и в том, кому он принадлежал.

Я не спеша вошла и сразу же поймала его взгляд. Толкнув бедром, закрыла дверь, не отрывая от него глаз.

Кажется, я влюбляюсь в его глаза.

Серебристо-карие.

Темно-карие, умеренно серебристые.

— Доброе утро, Уиллоу, — поприветствовал он меня.

Он больше не был таким хмурым, и мне это нравилось.

Уайатт улыбался, и я улыбнулась в ответ, будто была *слишком* рада его улыбке этим утром.

— Доброе утро, — мягко ответила я, ставя поднос ему на бедра, но вместо того, чтобы обратиться к своему завтраку, Уайатт неотрывно смотрел на меня. Словно чего-то ждал.

К сожалению, я подняла на него свой взгляд, и на мгновение мы оба замерли. Мы просто смотрели друг другу в глаза.

Не говоря ни слова, я села на край кровати и начала кормить его.

Он обрадовался этому.

Такое ощущение, что все мои мысли больше мне не принадлежали, словно в ситуации, когда к вам в гости неожиданно заявляются родственники из другой страны всей семьей и постепенно захватывают ваш дом.

— Как прошли выходные? — спросил он в перерыве между кусками еды.

Я замерла, набрав в легкие воздуха.

— Хорошо. Мы с Аннетт гуляли в парке, — сказала я. — Кстати, спасибо. Не помню, поблагодарила ли я вас, — улыбнулась я.

Он моргнул, словно пытался вспомнить, поблагодарила ли я его или, может, хотя бы благодарно улыбнулась ему, как приличный человек.

На самом деле я и правда была хорошим человеком. Просто я не любила слабовольных людей. Именно так я и думала о Уайатте. Но не сегодня. Может, он и сейчас был слабовольным, но я стала относиться к этому иначе.

— За то, что у них больше нет домашних заданий по пятницам, — уточнила я.

Он не спеша кивнул.

— У нее будут домашние задания только по вторникам и четвергам, — сказал он, как ни в чем не бывало.

Уайатт дожевал кусок яичницы и принялся изучать меня.

Сделал глоток апельсинового сока.

У нее будут домашние задания только по вторникам и четвергам.

В этом предложении было нечто такое, что полностью перевернуло все во мне, и сказал это именно Уайатт. Он сделал еще один глоток сока и поставил упаковку на поднос, не переставая смотреть на меня.

Не знаю, что на меня нашло.

Я схватила его за шею и поцеловала.

Я поцеловала его крепко, бедром толкнув поднос *так сильно*, что он упал на пол с другой стороны кровати.

Его яичница валялась на полу.

Ему было все равно. Мне было все равно.

Будто вкус моих губ нравился ему больше, чем вкус яичницы.

Одной рукой он вцепился в мои волосы.

Он ответил на поцелуй. О, господи, неужели он действительно ответил на поцелуй?!

Я обняла его за плечи, прижимаясь к его груди. Мой стетоскоп застрял между нами, но мне было не до него.

Мы страстно обнимались. Я страстно обнимала Уайатта.

Его рука опустилась ниже, к моей талии.

Я услышала нечто очень похожее на рык, вырвавшийся из его груди, *или, возможно, это он так стонал.*

Я не хотела, чтобы он останавливался.

— Уиллоу, — пробормотал он хриплым голосом. Он продолжал целовать меня и говорить.

— Это всего лишь домашнее задание.

«Заткнись, Уайатт!» — подумала я про себя.

Для меня это было нечто большее, чем просто домашнее задание. Это значило для меня буквально все.

Будто забыв все, что хотел сказать, он обнял меня одной рукой и так крепко прижал к себе, что я не могла дышать.

Его губы были властными, будто в вознаграждение мне за все его грубые слова и поступки.
Сейчас он действительно хорошо себя чувствовал.

Он стонал от моих прикосновений, поэтому я не переставала ласкать его.

Я запустила руки в его темные волосы, впервые позволив себе взлохматить их. Возможно, ему бы не понравился тот беспорядок, что я натворила в его волосах сейчас, потому что он был перфекционистом и любил выглядеть идеально, но я не смогла сдержаться.

Не отрываясь от моих губ, он застонал, страстно и в то же время раздраженно.

— Прекрати портить мне прическу, Уиллоу, — пробормотал он глубоким, загадочным, и таким своим голосом.

Голос Уайатта мне тоже нравился.

Я положила руки ему на плечи, улыбаясь как идиотка, пока он целовал уголки моих губ.

Или он целовал мою улыбку?

Я *простонала* в ответ, будто испробовав любимый десерт на вкус.

Уайатт заметил это и продолжил целовать мою шею.

Когда это прекратится?

Я не хотела, чтобы все это заканчивалось, и надеялась, что мне не придется осматривать других пациентов сегодня.

Я могла бы запросто пропустить ланч. Может, мы будем заниматься этим до конца моей смены.

— Целовать тебя просто потрясающе, — сказал он, покрывая поцелуями мою шею.

Его губы приблизились к моему уху.

Я чувствовала его дыхание везде, и это было прекрасно.

Уайатт был на вкус как ментолово-апельсиновый сок.

— М-м-м, да, хорошо, — у меня перехватило дыхание, и я с трудом могла говорить.

— М-м-м, — простонал он в ответ чуть дольше и, как мне казалось, слаще.

Он целовал мои ключицы, и я словно вся горела.

— Это львы? — тихо спросил он.

Его дыхание было повсюду, губы все еще ласкали мою ключицу, и я была не в состоянии ответить на вопрос.

— Что? — пробормотала я.

— Твоя униформа, — сказал он, улыбаясь и возбуждая меня сильнее.

«*Твоя улыбка просто одурманивающая, Уайатт*», — подумала я.

— М-м-м, да, львы, — простонала я.

«*Львицы тоже*», — подумала я, не в состоянии сказать ни слова вслух.

Я была пьяна.

— Я хочу сорвать это все с тебя и оставить только стетоскоп, — сказал он глубоким, гортанным голосом.

Он начал поднимать мою рубашку одной рукой.

— Ты словно животное, — прошептала я.

Я была почти уверена, что он рычал как зверь, и это было так страстно и горячо, так сексуально.

Мое дыхание было прерывающимся, его еще хуже.

— Ох, подожди. О, нет. Стой.

Я положила руку ему на сердце, во мне проснулась медсестра, этот инстинкт мне было не побороть.

А что, если у него случится еще один сердечный приступ?

Он продолжал целовать меня, верх и вниз скользя по моей шее губами. Мне не хотелось его

останавливать, но я хотела убедиться, что его сердце в порядке.

Я пыталась сосчитать удары через пульсирующую грудную клетку, но мне это не удавалось.

Уайатт несколько раз поцеловал меня в губы, не открывая глаз. Я не ответила взаимной страстью на этот раз, и он это заметил.

Он открыл глаза, едва касаясь меня губами, медленно положил свою руку поверх моей, лежащей на его груди. На *его сердце*.

Я не хотела быть той, кто навредит этому сердцу.

— То, что ты чувствуешь, Уиллоу... это не плохой знак, — прошептал он, не отрываясь от моих губ.

Я не знала, верить ему или нет.

— Твое сердце так и должно биться? — прошептала я в ответ.

Я беспокоилась о его сердце.

Он нежно поцеловал меня.

— Оно работает немного иначе, когда я целую тебя вот так, но это совсем не плохо.

— Значит, тебе не больно?

Он снова поцеловал меня.

И снова.

Его нежные поцелуи были очень, очень приятными.

— Не так, как ты думаешь, — ответил он.

Хм. Одеяло между его ногами поднялось как шатер.

Уайатт был по-настоящему возбужден.

Я вздохнула, и он заметил это.

Одной рукой он поднял меня за подбородок так, чтобы снова поцеловать.

Он возбудился от одних поцелуев, и мне захотелось большего, чем *просто целовать его*.

Я была медсестрой, целующей пациента. Он был возбужден. Но я по-прежнему позволяла ему ласкать меня, целовать, и снова ласкать везде, где он хотел и мог достать.

Это была плохая идея.

— Уайатт, ты возбудился, — выдавила я из себя.

Мы продолжали целовать друг друга, не желая останавливаться.

Но мы должны были это прекратить.

Мы резко прервались. Уайатт быстро остановился, а мне пришлось себя заставлять.

Он нежно коснулся губами моего лба, и я почувствовала, как он вздохнул.

— Мне нужно принять быстрый душ, — сказал он.

Я понимала, что это значит.

— Хорошо, — тихо ответила я.

Я не ушла, когда он встал и отправился в душ.

Я догадывалась, что он был высоким, но не настолько. Его рост был около шести футов.

Выше, чем я ожидала, и мне это нравилось.

Ему шел больничный халат, как бы нездорово это не звучало.

Он выглядел лучше, чем я выглядела в платье.

Я осталась ждать, сидя на краю кровати, когда слышала, как включилась вода в душе. Я ждала, наблюдая, как пар туманом лился из-под двери.

Вот черт, он не принимал холодный душ, он мастурбировал под горячим душем.

Меня это позабавило, и я улыбнулась.

Уайатт мог мастурбировать правой рукой, но не мог сам съесть яичницу, хоть я и не была против того, чтобы кормить его.

Уже нет.

Я встала, чтобы убрать с пола разлетевшуюся яичницу обратно на поднос. Обе упаковки сока валялись на полу, я подняла их, положив неоткрытую на подлокотник кровати, а начатую на поднос. Я также подняла упаковку со столовыми приборами и использованную вилку.

Вышла из комнаты совершенно не в себе, гадая, когда мне вернуться проведать его.

Я стала размышлять, что сказать ему, или что он скажет мне, когда вернется или если он еще будет в душе... неожиданно простонет мое имя, когда кончит.

У меня были грязные мысли.

Я опрокинула содержимое подноса в урну и положила его к остальным подносам. Заворачивая за угол, я натолкнулась на Тессу. Мы остановились в футе друг от друга. Она смотрела на меня укоризненно, от чего я сморщилась.

Она указала на меня.

— Что случилось с твоими волосами? — спросила она, нахмурившись. — Выглядишь так, будто только что занималась сексом.

Господи, миссис Детектив, да мы с Уайаттом просто страстно целовались, клянусь.

Ничего подобного я ей не ответила, конечно. Я тут же попыталась пригладить волосы рукой, они были сильно спутаны и в полном беспорядке.

Мне захотелось дать себе оплеуху.

— Просто сегодня день непослушных волос, — сказала я. — Никакого секса.

Она настороженно покачала головой, взгляд ее был еще более подозрителен.

Если быть точным, я ведь не солгала.

— Лучше сходи в уборную и приведи себя в порядок, — предложила она.

Я кивнула в ответ, подавляя желание дать ей под дых.

— Хорошая идея, Реджина.

Она забавно на меня посмотрела.

— Извини, я хотела сказать, Тесса, — махнула я рукой в воздухе, с трудом сдерживая ухмылку.

Она прошла мимо меня, чтобы взять поднос и положить на него еду.

— В палате двести восемь тебя ждет пациент, доктор Венис уже начал осмотр. У пациента перелом руки, возможно, тебе придется ассистировать доктору во время операции, — сказала она, стоя ко мне спиной.

Я вздохнула. Черт. Я надеялась еще раз зайти к Уайатту, но в моей помощи нуждался пациент. Я не могла заставить доктора Венис ждать.

— Спасибо, что сообщила, — пробормотала я, затем повернулась и направилась к регистратуре.

Я уставилась на дверь Уайатта.

Я была так близка к нему.

Я подошла к двери.

Дойдя до нее, я медленно зашагала дальше, но затем я что-то услышала.

Клянусь, я что-то услышала.

Я остановилась.

Едва слышные слова. Вода. Слова звучали громче. Вода.

Уиллоу.

Он произнес мое имя приглушенным, тихим голосом, на грани слышимости.

Я зашагала прочь, как только шум воды прекратился, будто меня могли поймать на месте преступления.

Мне очень сильно захотелось увидеть, что происходило в ванной Уайатта.

Ухмыляясь, я подошла к Дениз, сидящей за стойкой регистрации, убедиться, что карточка

пациента готова. Она смотрела на меня не менее подозрительно, чем Тесса.

Она посмотрела на мое лицо, затем указала пальцем.

Черт, мои волосы.

— Непослушные волосы, такой выдался день, — объяснила я прежде, чем она спросила.

Она засмеялась, заставив меня покраснеть.

— Выглядишь слишком счастливой для плохого денька, — сказала она, скрывая улыбку.

— Я видела тебя утром, когда ты пришла, помнишь? Полчаса назад твои волосы были в порядке, — последние два предложения она сказала шепотом, вогнав меня в еще более густую краску.

Я приладила волосы руками, что совсем не помогло. Я стянула с запястья резинку и собрала их в хвостик.

— Мы больше никогда не будем это обсуждать, — сказала я, хитро сощурившись. Я знала, что Дениз умела хранить секреты, она была классной.

Она вопросительно приподняла брови:

— Обсуждать что?

Я любила ее.

Подмигнув Дениз, я направилась в палату двести восемь.

31 мая 1997 года, 18:27

Уиллоу

Всю оставшуюся неделю Кельвин Стилтон обедал со мной за одним столом, после чего провожал до класса. Я сказала ему, что пойду с ним на свидание и, казалось, он был счастлив.

Я начинала чувствовать себя уютно рядом с ним. Я считала его другом, *но таким*, с которым собиралась на свидание.

Сегодня должно было состояться наше первое свидание. Он сказал, что заедет за мной в шесть тридцать. Я попросила папу запереться у себя в комнате, потому что им еще рано знакомиться. Папа бросил на меня недовольный взгляд, так что мне пришлось убедить маму посидеть с ним и не выпускать его из комнаты.

Для меня эта ситуация была странной. Я никогда раньше не ходила на свидания. Мама думала, что я считаю Кеннеди своим парнем, но года два назад я убедила ее в обратном и пресекла все ее подозрения.

Теперь я собиралась на свое первое свидание с Кельвином Стилтоном, которого никто из моих родителей не знал. Даже я мало о нем знала.

Именно потому, что я немного все же его знала, мама уступила моим просьбам.

Прозвенел дверной звонок.

Я встала с дивана в гостиной, одергивая подол платья. За исключением того ярко-розового, у меня было лишь одно платье, и я решила, что, может быть, стоит надеть его на свидание.

Это было простое хлопковое платье светло-голубого, почти белого, цвета, длиной до колен. Я не любила носить платья, но мне нравилось, как люди смотрели на меня, когда я их надевала.

Я не могла представить, чтобы Кельвин Стилтон смотрел на меня иначе, чем всю предыдущую неделю. Мне нравилось, как он на меня смотрел.

Я медленно направилась к входной двери, почти на цыпочках.

К этому платью я выбрала серые кеды. Туфель у меня не было, кроме тех высоких, что я надела на выпускной и которые больше никогда в жизни не собиралась снова носить. После всего, что мне пришлось пережить, шпильки для меня перестали существовать.

Мой наряд не был ни вычурным, ни совсем уж повседневным. Волосы были распущены и пахли чертовски приятно. Мне казалось, я готова к этому свиданию.

К чему я точно не была готова, так это увидеть Кеннеди по ту сторону двери, тяжело дышащим, будто только что пробежал марафон или вроде того.

Я в удивлении смотрела на него, каждый мускул моего тела напрягся.

— Кеннеди, что ты?..

— Я убью этого подонка, если он приблизится к твоему дому, Уиллоу, — прервал он меня. Он тяжело и быстро дышал, вдох и выдох. Он был зол. Он произнес «*подонок*». И сказал «*убью*».

На секунду я уставилась на него непонимающе.

Он обернулся, затем аккуратно толкнул меня внутрь и сам зашел в дом, заперев дверь.

Он смотрел прямо на меня.

— Что ты здесь делаешь, Кеннеди? Почему злишься? Кого ты собрался убить? — закидала я его вопросами, оглядывая с головы до ног. Я не могла *не заметить*, как тяжело поднималась и

опускалась его грудь, пока он учащенно дышал.

С минуту от постукивал ногой.

— Помнишь, я говорил, что буду следить за вашим свиданием?

Я кивнула.

— Что ж... — он сделал паузу, — я вроде как солгал.

Я глубоко вздохнула.

— Кеннеди, что происходит? — медленно спросила я.

— Я следил за ним. Я увидел его грузовик пару часов назад, и проследил за ним до «У Кейпа», — Кеннеди раздраженно покачал головой. — Он был с той девушкой, про которую все говорят, что он с ней развлекается. Кажется, ее зовут Валери. Они выглядели такими страстными, — объяснял он.

— Они целовались, или что? — спросила я.

Он энергично кивнул, выражая отвращение, будто я заставила его вспомнить что-то неприятное.

— Ну, думаю, он не придет, или позвонит и отменит встречу, — пожалала я плечами.

Я не сильно расстроилась по этому поводу, ведь едва знала Кельвина, и это он подошел ко мне познакомиться, а не я к нему. Он был жалок.

— Если все не так, и он явится сюда, я устрою драку прямо у вас во дворе, Уиллоу, — жестко сказал Кеннеди, слегка повысив голос.

Он говорил как дикарь.

— Ты ни в коем случае не будешь драться с Кельвином, — возразила я. Кеннеди мог вести себя как дикарь, но он не был им, и я не собиралась позволять им драться. Даже если Кельвин окажется большим кретином, чем я предполагала, я бы не позволила причинить боль Кеннеди.

Хоть Кельвин и был чуть ниже Кеннеди, но он был футболистом. Спортом он занимался постоянно, в отличие от моего друга.

— Уиллоу, я разорву его на части, если он разобьет тебе сердце. Каждую конечность оторву, — сказал он.

«Разорвать на части чем?» — хотела я спросить, но не стала.

— Но тебе не нужно делать это ради меня. Я не идиотка и понимаю, что мне следует порвать с ним. У него больше *нет шансов*, Кеннеди. Обещаю, — пыталась я переубедить его.

Конечно, он знал, что я не глупа. Он просто злился, что Кельвин Стилтон был типичным козлом, пытавшимся унижить меня.

— Все равно, он заслужил, по крайней мере, получить по физиономии, неважно, придет он сюда или нет. Но особенно если придет. Я ударю его, если он приедет сюда, — сказал он.

Я отрицательно покачала головой, а он неожиданно ухмыльнулся, как если бы его посетила идея.

— Или я мог бы позвать Маршала, и он...

Я прервала его, ударив под дых. Он закричал и широко улыбнулся.

— Не вмешивай в это моего *отца*, — прошипела я.

Он замешкался на мгновение. Его улыбка вынудила меня улыбнуться в ответ, несмотря на разочарование, которое я испытывала из-за Кельвина. На Кеннеди всегда можно было положиться. Я не могла представить, что бы я делала без него.

— Иди сюда, — сказал он.

Я обняла своего лучшего друга за талию, он закинул руки мне на плечи. Я прильнула щекой к его груди и слушала успокаивающее биение его сердца.

Ему повезло, что я не была одной из тех агонизирующих истеричек. Некоторые девчонки впали бы в истерику в такой ситуации. Я быстро осознала, что Кельвин не стоит моих слез. У

меня был Кеннеди. И больше никто мне не нужен.

Кроме того, я уяснила для себя, что больше не буду общаться с другими ребятами, кроме Кеннеди, уж точно не до Чикаго. Оно того не стоило, а гнев Кеннеди меня тревожил.

— Он не понимает, что теряет, Уиллоу. Я рад, что поймал его и что теперь *я единственный*, кого ты будешь сегодня обнимать, — прошептал Кеннеди, упираясь подбородком в мой лоб.

— Я тоже, — согласилась я, сомневаясь, что чьи-то другие объятия могут быть приятнее. Хоть мне и нравилось, как со мной разговаривал Кельвин, я все равно не верила ему. В конце концов, он был далеко не самым одаренным собеседником за всю историю человечества. Кроме того, я была точно уверена кое в чем. Я просто боялась потерять Кеннеди.

В тот вечер мы с Кеннеди забежали в комнату родителей, застав их врасплох. Они были рады видеть его, а не какого-то Кельвина. Затем мы спустились в гостиную все вместе.

Отец, как обычно, задавал вопросы из серии: «Когда ты уже к нам переедешь, Кеннеди?».

А мама всегда противоречила ему: «Нет, дорогой. Когда *ты построишь* им дом, чтобы они могли переехать туда *вместе*?»

С Кеннеди не бывало неловкостей. Мы были как одна семья, только вот я не смотрела на Кеннеди, как на брата. Он был моей второй половинкой. В моей душе царил порядок благодаря ему. Я была обязана ему всем, на что он, вероятно, ответил бы, что это он обязан *мне*.

Мама приготовила ужин, и мы все вместе устроились в гостиной на диване с тарелками на коленях и смотрели фильм по телевизору.

Кеннеди сидел рядом со мной, но мы не касались друг друга. В течение вечера мы медленно приближались друг к другу, пока наши бедра не соприкоснулись, и он не спеша положил руку мне на колено. Ему была приятна моя близость, и я знала, что он улыбался.

Мама сидела на другом конце дивана, с бокалом вина в одной руке, едва касаясь губами края бокала, поглощенная фильмом, ее тарелка уже была пуста.

Краем глаза я заметила, как папа со своего места наблюдал за мамой, его пустая тарелка стояла на кофейном столике. Он пил маленькими глотками воду из стакана, потому что около часа назад он пил виски. Он слегка улыбнулся мне, после чего снова повернулся к телевизору. Он увидел, что я смотрела на него, пока он наблюдал за мамой, и, по правде говоря, я была очень рада, что они любили друг друга. Это было редкостью. Они любили друг друга больше жизни. Без должного контроля любовь превратилась бы в мучения, и каким-от образом им удалось достичь идеала. Они вовремя пришли к этому. Их любовь жила.

Я поймала себя на мысли о том, что хотела бы однажды найти такую любовь, как у них — любовь, которой можно управлять вместе с кем-то, кто захотел бы быть рядом со мной. Не просто комфортную любовь, а любовь, имеющую смысл, за которую стоит бороться. Я лишь хотела настоящей любви с тем, кого любила больше жизни.

Я смотрела на Кеннеди, уставившегося перед собой, изо всех сил стараясь вобрать его в себя взглядом.

Он всегда был мой, но его время истекало. *Наше* время истекало. Я не хотела допускать этого. Мне хотелось притворяться, забыть обо всем. Я хотела смотреть на него *просто* как на лучшего друга.

Но мы все понимали. Мы знали друг друга. Мы знали, что правильно, а что нет, и сколько прорех нам нужно было залатать до того, как наше время выйдет.

Развязка нашей истории, которую мы не сможем переписать. Мы хотели притворяться вечно, без пауз и перемоток.

Мы боялись, потому что при любом исходе нас ждала наша последняя встреча. Мы не сможем все переснять заново или перемотать, потому что конец все равно настанет однажды.

Но мы не знали, когда.

Мы были загнаны в угол, но в этом не было ничьей вины. Некого было винить. Никому не дано выбирать свою половинку самому. Кому-то посчастливилось прожить вместе длинную и полную жизнь, в то время как другим досталась короткая.

Мы не проронили ни слова в тот вечер, сидя на диване и смотря телевизор. Звук был почти неслышен, но я не обращала внимания, мои мысли были слишком громкими.

Тогда, сидя рядом с ним, я понятия не имела, что рак вернулся. Я знала, что у нас разные планы. Я переезжала в Чикаго, а он оставался в Теннесси, собирался поступить в местный техникум в Ноленсвилле. Он собирался помогать маме с ее бизнесом. Папа Кеннеди почти не появлялся на горизонте. Кеннеди не знал своего отца или хотя бы его имени, но он очень любил свою маму и меньше всего хотел оставить Трейс одну в самом маленьком городке штата Теннесси. Он хотел простой, тихой жизни. Хотел сохранить то чувство бунтарства в душе, и отдаться ему, когда время будет на исходе. Он уже давно говорил мне об этом. Просто какое-то время я не замечала этого. Я не понимала, что это время уже настало, вот оно, прямо передо мной, или что я стала частью этого бунтарства.

Когда фильм закончился, родители пожелали нам доброй ночи, убрали всю посуду и ушли к себе в спальню. Они доверяли Кеннеди. Я тоже ему доверяла.

— Ты готова сейчас пойти домой, Уиллоу? — спросил он тихо, сидя совсем близко и почти касаясь губами моего уха.

Я кивнула, повернув к нему голову.

— Да, — прошептала я.

Мы встали с дивана. Он обнял меня, каким-то образом понимая, что я достигла своего предела. Он знал, что мне нужно восстановиться. Поэтому мы шли домой.

Мы стояли возле дивана, он снова наклонился к моему уху, и я закрыла глаза в ожидании:

— Тогда пойдем домой, — сказал он.

29 августа 2006 года, 09:02

Уиллоу

Я уже стояла напротив палаты двести девять, когда Дениз отметила, что я выгляжу нервной и взволнованной. Она покачала головой в мою сторону, словно предупреждая быть осторожнее, и слегка улыбнулась мне, после чего я отвернулась.

На сегодня у меня было три пациента, но Дениз настояла на том, чтобы забрать их у меня. Она сказала, что ей не трудно, а у меня есть дела, о которых я должна позаботиться, во-о-он за той дверью. Вчера я так и не вернулась в палату Уайатта, и мне нужно было поговорить с ним насчет того, что произошло между нами. Каким-то образом Дениз это понимала.

Я постучала в его дверь свободной рукой.

И он снова ответил одним словом «Входите», которое мне уже так понравилось.

Его голос звучал взволнованно. Зайдя, я закрыла дверь и увидела его стоящим возле кровати.

Уайатт смотрел на меня, но не улыбался.

Он был нахмурен, челюсти сжаты. Он словно находился в глубокой задумчивости, а его внешний вид даже пугал.

На нем сегодня были носки, простые белые носки. Волосы не были уложены, и он то и дело запускал в них пятерню.

Неужели это из-за меня он был таким несобранным? Из-за того, что между нами произошло?

Он прокашлялся, и я тут же выпрямилась, стараясь казаться как можно более безучастной.

— Помнишь, ты сказала мне, что я могу с тобой поговорить, Уиллоу? — спросил он мягко.

Я сделала небольшой шаг вперед.

— Да, помню, — ответила я ему тихо.

Он сделал шаг ко мне, я глубоко вздохнула и задержала дыхание. Он стоял всего в двух шагах от меня.

— У меня больше никого нет, и мне очень нужно с тобой поговорить. Мне нужно с кем-то поговорить. Я просто не хочу, чтобы ты скучала по мне, когда меня не станет, — сказал он, смотря мне в глаза.

Под его взглядом я чувствовала, что вот-вот заплачу, впервые за долгое время, потому что было слишком поздно. *Было уже слишком поздно.*

Но ему не нужно было об этом знать.

— Я медсестра, Уайатт, это моя работа. Я привыкла видеть смерть, моя жизнь крутится вокруг нее. Если ты скоро умрешь, на мне это не отразится, — спокойно сказала я.

Правда была в том, что я *стала бы* по нему скучать. Я даже не предполагала, что станет со мной и моей жизнью, если в какой-то момент он умрет.

Взглянув в его серебристо-карие глаза, я буквально увидела, как внутри него рушатся стены, когда до него стал доходить смысл моих слов, это было так печально — это первые эмоции, которые я увидела в глазах Уайатта. Я проглотила ком в горле и подняла на него свой взгляд.

— Иди сюда, — прошептала я, протягивая к нему руки.

Его не терзали сомнения. Он хотел обнять меня. Я знала, что он хотел. В глубине души я

думала, что, возможно, я хотела этих объятий даже сильнее, чем он.

— Сними свой стетоскоп, — отвлекся он. — И карточку с именем. Я хочу поговорить с тобой, Уиллоу, не с медсестрой.

— Хорошо, — согласилась я, почувствовав, как он убирал здоровую руку с моей талии. Я сняла стетоскоп и бейджик и положила их рядом на тумбочку.

Мы подошли к его кровати и сели на край, я справа от него.

— Еще кое-что, Уиллоу, — сказал он, поворачивая голову и ловя мой взгляд.

— Да? — протянула я.

— Больше не целуй меня, — сказал он твердо. — Это не должно повториться. *Никогда.*

Он даже не моргнул, его лицо осталось непроницаемым.

Я вздохнула, кивая.

В глубине души я и так это знала. Я знала, что все это было плохой идеей. Я лишь хотела оставить эту ошибку в прошлом. Я так этого хотела, до боли в груди.

— Я больше не поцелую тебя, Уайатт.

Хотя я буду очень скучать по его потрясающим поцелуям.

Он взял мою руку своей правой, здоровой рукой, мы резко сели на кровати, оба скрестив ноги в подобии позы лотоса.

Мы смотрели друг другу в глаза, опасно приблизившись лицом к лицу.

— Говори, как сможешь, — помогла я ему.

Он сжал мою руку, и у меня перехватило дыхание. Он это заметил. Он все замечал.

— Тебе тоже должно быть комфортно, Уиллоу, — подчеркнул он. Его губы скривились в легкой усмешке, давая мне маленькую надежду, но он быстро поджал их в тонкую линию.

Я грустно улыбнулась.

— Мне комфортно как никогда, Уайатт, — пробормотала я.

Я чувствовала такое напряжение, будто огромный пузырь вот-вот лопнет.

— Я не знаю, с чего начать, если честно, — сказал он тихо.

— С самого начала, — пожала я плечами. — Первое, что ты помнишь.

— Размытый образ себя еще мальчишкой, — вздохнул он. — Я помню все о своей матери. Я знаю ее лучше, чем кого-либо, — он моргнул и посмотрел мне в глаза.

— Что ты помнишь о ней? — осторожно спросила я, чувствуя себя детективом, который скоро должен будет услышать невероятно печальную историю, за исключением того, что я беспокоилась за Уайатта и старалась не расплакаться при нем, ради него.

— И хорошее, и грустное. Она умерла в этот день ровно десять лет назад, — спокойно сказал он.

Я быстро набрала воздуха.

— А что насчет твоего отца? — прошептала я, стараясь говорить как можно спокойнее.

— Он умер примерно семь месяцев назад, в тюрьме, — ответил он уже не таким твердым голосом, и, неожиданно сжав зубы, продолжил: — Я ненавижу его, Уиллоу. Я мог бы прожить менее тревожную и более полноценную жизнь, если бы не этот человек.

Мы вздохнули вместе. На этот раз я сжала его руку.

— Он разрушил твои планы, — сказала я, очень боясь услышать, как именно, и надеясь не услышать худшего, о чем я даже боялась подумать.

Он кивнул и отвел взгляд.

— Я видел, как он убивал единственного человека, которого я любил, Уиллоу, — тяжело сглотнул он, словно проглатывая всю *печаль*, которая сейчас поднималась в нем огромной волной.

Мне казалось, что я сейчас умру. Сжимая его руку все сильнее, я чувствовала каждую каплю

боли, которую этот человек испытывал.

— Все четыре раза, — он снова поднял на меня глаза. — Его покрытый пятнами карманный нож, вонзающийся в сердце моей матери, и тот *четвертый* удар — это и есть мое *последнее* воспоминание о ней. Я видел, как она издала последний вздох. С тех пор и мое сердце не было прежним.

Слезы стали наворачиваться на глаза.

Слезы потекли по моим щекам.

Уайатт откинул голову назад, не позволяя слезам стекать по щекам, как это сделала я. Он сделал глубокий вдох, в то время как я старалась не шмыгнуть.

— Я впервые заговорил об этом вслух, — прошептал он.

Я глубоко вздохнула, кивая в ожидании продолжения.

— Врачи говорят, что это шумы в сердце, но я называю это несчастной судьбой. Я всего в двух инфарктах от своего последнего. Я верю, что четвертый станет для меня последним, я правда так думаю. Мое сердце медленно умирает с момента того последнего воспоминания.

Он шмыгнул носом, крепко зажмурил глаза. Я не могла говорить. Я не могла остановить поток слез, вызванных болью Уайатта, и осознала, что способна *кого-то* ненавидеть.

Я *ненавидела* отца Уайатта за то, что тот причинил ему такую боль и отобрал у него любовь. Я *ненавидела* его за все плохое.

— Она была красива, Уиллоу. Я помню ее лицо лучше, чем свое. Она любила меня, хоть я и не был ангелом. Она была светом для меня, — сказал он, медленно выговаривая каждое слово.

— Ты любил ее больше жизни, — сказала я.

Он кивнул и посмотрел мне в глаза, скользя кончиками пальцев по моим щекам и вытирая слезы.

— Именно так, — прошептал он, выдыхая.

В какой-то мере я понимала Уайатта. Я не видела смерть Кеннеди, но он умер, а я любила его больше жизни. Но боль, которую испытывал Уайатт, слишком долго томилась у него внутри. Мне казалось, он потерял всякую надежду.

Мысленно я напомнила себе, что надо бы навестить родителей. Мне чертовски повезло иметь таких маму и папу. Они помогали мне пережить боль, вместе с Аннетт и Кейтлин. Я бы пропала без них. Я бы пропала, как Уайатт.

Никогда не думала, что может быть хуже.

Я показала ему свое сострадание через слезы, так как не могла их сдерживать. Я бы не нашла слов, чтобы выразить ему свое сочувствие. Меньше всего я хотела, чтобы он почувствовал себя слабым. Он, должно быть, самый сильный человек из всех, кого я встречала.

— Я старалась не плакать, — призналась я. — Я хотела перенести этот разговор стойко, но твое сердце... — я замолчала, инстинктивно положив руку ему на грудь, туда, где сердце, и села к нему боком. Он сделал глубокий вдох, смотря перед собой, и я чувствовала, как ускорялось его сердцебиение.

— Оно все еще бьется, и я думаю, на то есть причина, — прошептала я.

Мне хотелось, чтобы его сердце было здоровым.

Я положила голову ему на плечо, не убирая руку с его груди. Он замер на мгновение.

— Уиллоу, мне хочется поцеловать тебя, когда ты так вот делаешь, — пробормотал он обеспокоенно.

— Я согласилась не целовать тебя, Уайатт. Но я не соглашалась на то, чтобы ты не *целовал* меня, — объяснила я, потому что хотела, чтобы он поцеловал меня. Мне это было нужно.

Он тяжело сглотнул, опуская свою правую руку на мою, все еще покоившуюся на его груди.

— Я не хочу, чтобы ты скучала по мне, когда меня не станет, Уиллоу, — сказал он едва

слышно. — Я не знаю, сколько времени у меня еще осталось.

Мне хотелось сказать «У нас есть сейчас», но это прозвучало бы банально, а я не могла допустить такого в тот момент.

Я хотела, чтобы сердце Уайатта было здоровым. Я не хотела влюбляться в него. Я не думала, что такое возможно – влюбиться в него. Мне хотелось быть ближе к нему, и мне хотелось поцеловать его, особенно сейчас.

Мне хотелось быть той, кто смог бы унять его боль, и я ненавидела себя за это.

— У каждого есть свой последний раз, — сказала я с горькой улыбкой.

Уайатт просто кивнул.

У меня уже был мой последний раз. Последний раз с Кеннеди. И я не хотела давать Уайатту ложную надежду.

Но что, если он проведет свой последний раз в одиночестве, так и не встретив свою «вечность»? Он не заслужил остаться в одиночестве до конца своих дней.

Я не могла быть «вечностью» каждого, я понимала это. Мое заботливое сердце окаменело бы и иссушилось, а затем осталась бы лишь пустая оболочка. А мне нужно было, чтобы мое сердце билось, для Аннетт, именно ради нее я тщательно взвешивала каждое свое решение.

— Было бы здорово снова обнять тебя, — предложил он.

— Тогда иди сюда, — сказала я, раскрывая руки в стороны.

Уайатт повернулся на кровати так, что мы столкнулись коленями. Я крепко обняла его за талию, а он положил здоровую руку мне на плечо, оставив загипсованную у меня на бедре. Мы обнялись.

Мое лицо было крепко прижато к груди Уайатта, но мне это нравилось.

Я слушала биение его сердца, и наслаждалась этим звуком.

Как же он мне нравился.

16:16

Я ответила на звонок от Кейтлин, она хотела мне сказать, что отвезет Аннетт к Поле с ночевкой. Пола была матерью Кейтлин, Моя дочь считала ее классной, как и я. Аннетт любила что-нибудь мастерить у Пола дома, ей там всегда было весело. Возможно, ей пора начать проводить время с другими людьми.

Я подумала, что нужно найти время и отвезти Аннетт повидать моих родителей. Мы давненько с ними не виделись.

— Где ты, женщина? — в спешке спросила Кейтлин.

Я открыла дверь машины, чтобы бросить рабочую сумку, и ответила ей:

— Уже сажусь в машину и еду домой. Что за срочность, женщина?

Я плюхнулась на водительское сиденье, и, вздохнув, закрыла дверь. Взяв в руку телефон, до этого зажатый между щекой и плечом, я приложила его к уху.

— У меня сюрприз, — прошептала Кейтлин, видимо, прижавшись губами к микрофону. Я закатила глаза.

— Если я найду в нашей квартире стриптизеров, твоей заднице несдобровать, — предупредила я. Опустив козырек, чтобы проверить свое отражение, я ужаснулась тому, что увидела. В изумлении потыкав пальцем синяки под глазами я застонала, захлопывая козырек обратно.

— Никаких стриптизеров, честно, — заверила меня развеселившаяся Кейтлин. — Не в этот раз.

— Тогда что? — в нетерпении спросила я, заводя машину и направляясь в сторону дома.

— Черт, Уиллоу, я не собираюсь рассказывать тебе, ты должна сама догадаться, — не

поддавалась Кейтлин.

— Сегодня вторник, что можно делать по вторникам? — я спрашивала скорее себя, чем ее, хотя у меня уже не было сил разгадывать загадки. Я была уставшей, немного грустной, и помимо этого дерьмово выглядела.

— Помнишь день, когда мы подружились, Уиллоу? — спросила Кейтлин.

— Сегодня годовщина нашей дружбы? — спросила я раздраженно.

Я не была в восторге от этого, у меня не было настроения. Я любила Кейтлин, и мы всегда устраивали что-то особое в наши годовщины, но сегодня мне ничего не хотелось. Сегодня я ничего не чувствовала.

— Да, но почему ты так об этом спрашиваешь? Не верю, что ты забыла, Уиллоу. Обычно ты мне напоминаешь, — продолжала Кейтлин.

Я припарковалась на своем месте перед жилым комплексом.

— Кейтлин, я почти дома. Можем договорить, когда зайду, — я старалась казаться хоть чуть-чуть радостной. Подняв глаза я увидела ее, неподвижно стоящую на крыльце. — И будь любезна, выброси чертову сигарету.

— Да, конечно, ладно, — пробормотала она, выкидывая сигарету.

Я завершила звонок, ругаясь про себя, и убрала телефон в карман. Достала сумку, закинула ее на плечо и направилась к двери.

— Что за сюрприз? — прокричала я, закрывая за собой дверь и поднимаясь по лестнице. Подруга стояла около раздвижной двери. На ней были леггинсы и огромная футболка — она выглядела, как настоящая лентяйка.

Я стояла и задумчиво смотрела на нее.

— Пахнешь чем-то грязным, — отметила я.

— А ты пахнешь как чистая радость, — парировала она саркастически. — Из-за чего ты плакала? — спросила она понимающе, скрестив руки на груди.

Кейти хорошо меня чувствовала, а потому вечно лезла в мои дела. Но она была моим лучшим другом.

— Я услышала грустную историю, — пожалала я плечами.

— Чью грустную историю? — она не унималась, как всегда, к моему сожалению.

— Это так важно? — не сдавалась я.

Она утвердительно покивала, и я устало уронила голову на грудь.

— Черт, — ругнулась я себе под нос. — Это была действительно грустная история, Кейтлин. Я ничего не могу поделать с тем, что испытываю чувства к своим пациентам, — продолжила я.

— Какого рода чувства, и к какому именно пациенту? — не отступалась она.

— Я не люблю вопросы, — пробормотала я. — Ты же знаешь об этом.

Она опустила руки, чтобы поправить свою необъятную футболку, и вздохнула.

— Но ты любишь меня, и сегодня годовщина нашей дружбы. Я хочу знать, что творится у тебя на душе, — спокойно ответила она.

Секунду я беспомощно смотрела на нее, но затем поняла, что могу простоять здесь весь день и всю ночь, если не отвечу ей.

— Это был Уайатт, понятно? У рассказал мне грустную историю жизни, и его боль вызвала мои слезы. Вот и весь ответ, надеюсь, вопросов больше не будет, — сказала я ей, покусывая губу, чтобы сдержать любые эмоции, которые могли сейчас вырваться наружу.

Она медленно покачала головой, потирая виски, потом вдруг ущипнула себя за нос и сказала:

— Уиллоу, ты попала.

Я замерла, стараясь осознать, что она только что сказала.

— Что?

— Да ты просто влипла.

Я зашагала вперед, не понимая, что она имела ввиду.

Как и во что я могла влипнуть?

— Да и не люблю я его, — уточнила я.

— Но ты, черт возьми, любишь его слушать, а у него нашлась грустная история для тебя. Ты попала, — ответила Кейтлин.

Я плюхнулась в дальний конец дивана, в то время как она села на кофейный столик напротив меня. Я перевела взгляд со своих рук на нее, и, морща нос, ответила:

— Он стал улыбаться мне, и мы один раз поцеловались. Мы целовались вчера. Мне понравился его поцелуй, и его улыбка, но это же не значит, что мне нравится он сам, так? — я ждала поддержки. Я не ожидала услышать, что спятила.

— Ты целовала его? — спросила она, будто пораженная.

— Мы ласкали друг друга, — тихо ответила я.

Ее глаза расширились от удивления.

— Он не?.. — она замолчала, подвигав пальцем вверх вниз. — Он же не?..

— Да, — кивнула я, — он был сильно возбужден.

Она тяжело сглотнула, стараясь не смотреть мне в глаза.

— Уиллоу, это хуже, чем я думала. Я думала, он просто твое очередное помешательство, — она замолкла, качая головой, затем посмотрела мне в глаза. — Он хоть сделал вид, что это не проблема? — спросила она с любопытством.

Я ухмыльнулась.

— Поначалу да, но затем нам пришлось остановиться, и он пошел принять душ, — сказала я. — Но это был горячий душ.

Она пару секунд смотрела на меня с открытым ртом, затем прикрыла его рукой.

— Э-э-э, горячий душ? — неуверенно переспросила она. — Ты уверена?

— Я увидела пар, проступающий через дверную щель, но потом я ушла, — ответила я. — Ты так и сыплешь вопросами, — вздохнула я.

— Да, и у меня есть на то причины, — ответила она в свою защиту, уперевшись локтями в колени и глядя на меня. — Не могу в это поверить. Он страстный парень, да?

Я кивнула.

— Да, очень страстный парень. А еще он очень чистоплотный, — сказала я, будто ожидая одобрения.

— Он мне уже нравится, — усмехнулась она. — Что еще ты от меня скрываешь?

— Есть кое-что, — пожала я плечами. — Уайатт учитель Аннетт.

— Что? — спросила она удивленно. — Так это он заваливал ее домашней работой?

— Да, он же уменьшил нагрузку, и теперь домашние задания будут только дважды в неделю, — подчеркнула я, вздыхая. — Он хороший парень, Кейтлин. У него просто слабое сердце, и я не должна скучать по нему, когда его не станет.

Она прищурилась, изучая меня.

— Ты в любом случае будешь скучать по нему, Уиллоу. Такие люди оставляют след в твоей жизни. Не совершай ошибку, не поддавайся страху. Не бойся стать частью чьей-то жизни, ведь ты не можешь знать, кому и сколько отмерено, — ее голос звучал успокаивающе.

Она посмотрела мне в глаза, опустив подбородок на ладони, словно став еще серьезнее.

— Черт возьми, это тянется уже слишком долго. Уиллоу, не позволяй страху завладеть твоей жизнью. Следуй лишь тому, как ты хочешь жить и с кем ты хочешь прожить свою жизнь. Книжки не могут больше быть тебе советниками. Я не позволю, — сурово сказала она, ни разу не

моргнув, и я сама старалась не моргнуть.

Я сделала глубокий вдох.

— Я должна стараться поступать правильно. Я не хочу причинять ему боль или вводить в заблуждение, – пожалала я плечами. — Я хочу, чтобы его последние дни были счастливыми.

Она улыбнулась, встала с кофейного столика и взяла меня за руки.

— Ты слишком много думаешь, Уиллоу. Нет ничего плохого в том, чтобы влюбиться в кого-то, плохо, когда никто не нравится. Нельзя это игнорировать.

— Я не хочу влюбляться в него, — протестующе простонала я.

— Мы не всегда знаем, чего хотим. Думаю, что ты, дружочек, просто отказываешься признаться себе в этом, — сказала она, будто констатируя факт.

— Ничего я не отказываюсь признавать, — закачала я головой.

— А вот и да, — возразила она.

— Нет, — спорила я ребячливо.

Кейтлин драматически вздохнула, слегка опрокинув голову назад.

— Нам не обязательно больше это обсуждать, — сказала она, вставая.

— Слава богу, — пробормотала я. — Так что за сюрприз?

Она потянула меня за руки, чтобы помочь мне подняться.

— У меня не было настоящего сюрприза, я просто взяла фильм напрокат, — пожалала она плечами. Я тут же плюхнулась обратно на диван.

— Хорошо. Приготовь какую-нибудь лапшу, тащи две бутылки вина и ставь свой фильм.

Она бросила на меня странный взгляд, удивленная моим повелительным тоном.

— Пожалуйста! — добавила я, взглянув на нее и слегка надув губки.

Она вздохнула, но сделала, как я и просила.

Мы в полной мере насладились девятой годовщиной нашей дружбы и даже позволили себе выпить, пока могли. В тот вечер я так и не сняла рабочую форму, а Кейтлин уснула, положив голову мне на колени. Я заплетала ей косы, не беспокоясь о торчащих прядях. Так мы и уснули, не дождавшись даже конца фильма.

2 июня 1997 года, 08:08

Уиллоу

— Сегодня наш последний день в школе, Уиллоу. Знаешь, что это значит?

Мы с Кеннеди сидели в спортзале в ожидании звонка, готовые отправиться на первый урок.

Сегодня был наш последний день в школе, но я не совсем понимала, к чему клонил Кеннеди.

— Вообще-то не очень, — ответила я.

— Мы должны подраться с теми, кто нам больше всех не нравится. Это наш последний шанс. Кто тебе больше всех не нравится? — спросил он.

Я недоуменно на него посмотрела.

— Кеннеди, я не буду ни с кем драться в свой последний школьный день. Я хочу получить аттестат.

— Ты получишь свой аттестат, Уилл.

— Мне все нравятся, кроме Кельвина, — пожала я плечами. — И надо быть полной дурочкой, чтобы затеять драку с ним.

Кельвин тогда так и не пришел, и с тех пор мы больше не разговаривали. Меня это не сильно волновало, потому что у меня был Кеннеди. И именно в тот день я осознала, что *не могла* любить никого другого. Мы с Кеннеди были крепко связаны, и с этим ничего нельзя было поделать. Мы продолжали жить дальше, будучи *просто* Уиллоу и Кеннеди.

Кеннеди поднял глаза и нашел Кельвина, который сидел рядом с Валери.

Я не сдержалась и закатила глаза.

— Я всегда хотел надрать задницу этому парню, так что он мой. Можешь взять на себя Валери. Рядом с ней ты кажешься высокой, — сказал Кеннеди, подталкивая меня локтем.

Я не отреагировала.

— Две слабые девчонки, которые пытаются навалить друг дружке это катастрофическое зрелище. Нет, спасибо, — я повернулась к нему, едва улыбаясь.

— Ты бы надрала ей зад, Уиллоу, — ухмыльнулся Кеннеди. — Она мышь, а ты лев.

Я смотрела на него изучающе.

— К чему все это? — тихо спросила я.

Он вздохнул.

— Мы оба никогда ни с кем не дрались. Только в старшей школе можно драться. После окончания школы это уже становится смешно и не считается, — пожал он плечами.

— Это и сейчас смешно, — ответила я ворчливо, все еще будучи в своем утреннем угрюмом настроении.

— Разве тебе не хочется врезать ей? — медленно спросил он, указывая подбородком в сторону Валери. Она то и дело проверяла свои ногти и теребила свои волосы. Я даже отсюда чувствовала запах ее эстрогенов, она была *слишком* женственной.

Если честно, я бы с *удовольствием* дала ей по физиономии, слишком уж она была миленькой.

— Ну я бы дернула ее за волосы, — признала я. — И дала бы под дых разок, — добавила, представляя все это.

Теперь я действительно думала о драке.

— Но я не думаю, что тебе стоит драться с Кельвином. Я не хочу, чтобы ты пострадал, — сказала я, смотря ему в глаза, чтобы он понял, насколько я серьезна.

Он пожал плечами.

— Я поговорю с ним о тебе. Скажу ему, что думаю о том, как он поступил с тобой. Скажу, что он заслужил получить по морде, и врежу разок. Ему выбирать, ударить меня в ответ или нет.

— Если он причинит тебе боль... — я замолчала.

Кеннеди решительно покачал головой.

— Синяки, кровь и все такое не беспокоит меня, Уиллоу. Если до этого дойдет, я справлюсь, — убеждал он меня.

Я нетерпеливо вздохнула. Он был прав. Он был сильным и мог справиться с этим. Он мог бы справиться со всем миром со связанными за спиной руками. Кеннеди мог побороть рак. Кеннеди мог все.

— Сделаем это, — сказала я спокойно.

— Сделаем, — подтвердил он. — Как только прозвенит звонок? — спросил он.

Я кивнула, повторяя за ним:

— Как только прозвенит звонок.

Мы смотрели на наших одноклассников, которых сегодня видели в последний раз здесь, в школьном спортзале. Он взял меня за руку, я и сжала ее.

Звонок прозвенел через четыре минуты. Мы встали, по-прежнему держась за руки, обменялись взглядами и направились к цели.

— Думаю, ударю его разок в лицо и уйду, — прошептал Кеннеди.

Мы были примерно в пяти метрах от них, они стояли в углу возле выхода. Похоже, Кельвин и Валери что-то обсуждали.

Я кивнула.

— Думаю, я тоже разок ударю ее и уйду.

Мы оба пришли к согласию и настроились победить в этой драке. Мы собирались драться с популярными в школе ребятами, которые нам не нравились.

Но затем Валери начала плакать, и мне больше не хотелось с ней драться. Я взглянула на Кеннеди, мы остановились.

— Я уже не хочу драться с ней, — сказала я ему.

Он кивнул и ответил, глубоко вздыхая:

— Я все равно хочу врезать Кельвину.

— Я тоже хочу его побить, — сказала я, и мы одновременно посмотрели в его сторону, как только Валери ушла. Она вытирала слезы, пряча лицо за длинными темными волосами.

Кельвин выглядел непринужденно, затем посмотрел на меня и подмигнул.

Проклятый Кельвин *подмигнул* мне.

— Можем бить его по очереди, — посмотрела я на Кеннеди.

Он выглядел неуверенно.

— Можешь разок дать ему оплеуху, но потом я возьму его на себя, — поправил он.

Мы ускорили шаг, отпустив руки. Кеннеди стоял за мной, когда мы подошли к Кельвину. Уткнув руки в боки и широко улыбаясь, я смотрела в глаза этому мерзавцу.

— Привет, — сказал он, улыбаясь в ответ, но его улыбка так сильно *отличалась* от улыбки Кеннеди. Он поднял взгляд, пытаясь узнать Кеннеди, который стоял позади меня, словно защищая.

Я прокашлялась, будто собираясь что-то сказать, но вместо этого отвела руку и со всей дури *залепила* ему пощечину.

Я ударила мерзавца *очень* сильно. Меня охватило такое чувство, будто я стояла на вершине горы. Он откинул голову в сторону, и я увидела краснеющую щеку.

— Я собирался позвонить, но... — начал он, но быстро замолчал.

Я отошла в сторону, и Кеннеди прервал его на полуслове ударом в лицо. С той же стороны, куда была я. Его удар был сильнее, чем я предполагала, и я была уверена, что у Кельвина будет синяк. Люди узнают.

На нас теперь смотрели все.

Кельвин отшатнулся назад, застигнутый врасплох. Он поймал взгляд Кеннеди, и его поведение сразу изменилось.

— Какого черта?! — бросил он взгляд в сторону Кеннеди.

Кеннеди выглядел сердитым, очень сердитым.

— Выйдем разомнемся? — Кельвин дерзко замахал руками, бросая Кеннеди вызов.

— Ты кусок дерьма, — бросил ему Кеннеди, пренебрежительно усмехаясь. — Давай, покажи мне, на что ты способен. Или ты только трепаться горазд? — Кеннеди сделал шаг вперед, встав лицом к лицу с Кельвином.

Вокруг нас стала собираться толпа, поощряя перепалку, а кто-то даже кричал «Драка!».

Я стояла неподвижно, я боялась.

Кельвин обеими руками толкнул Кеннеди в грудь, но тот не сдвинулся с места.

— Уходи, старик. Я не собираюсь драться с больным раком. Не могу я, — Кельвин отвернулся, избегая смотреть Кеннеди в глаза.

Кеннеди не двигался с места.

— Извинись перед ней, — сказал он, повысив голос.

Мне становилось некомфортно.

— Отвали! — раздраженный Кельвин снова толкнул его.

Ноздри Кеннеди раздувались, он продолжал стоять на своем.

— Кто она для тебя, а? Какие у тебя были намерения? Отвечай.

Кельвин покачал головой, смотря куда угодно, только не на Кеннеди.

— Я собирался лишить ее девственности, но я передумал, чувак. Это было глупое пари, но я отступился. Чего ты на меня злишься? Она твоя девчонка. Ты должен быть *счастлив*, что я не увел ее у тебя.

Кеннеди схватил его за плечи и буквально *пригвоздил* его к стене. Кельвин пытался вырваться, но, к его удивлению, у него не получалось. Он сдался. Кеннеди стоял, прижимая его крепче. В тишине все слышали вздох Кельвина, и он *наконец* посмотрел Кеннеди в глаза — я знала, что именно этого Кеннеди и ждал.

— В том-то и дело, — сказал Кеннеди тихо. — Думал, обдурил меня? Нет, не получилось, подонок. Ты заставил ее поверить, что достоин отнимать ее время, вот что меня злит. Она все для меня. К счастью, она умная девчонка. Но несмотря на это, для ясности, держись от нее подальше.

Как в фильмах, Кеннеди толкнул его сильнее об стену, прежде чем повернуться и уйти. Я стояла в двух футах от них. Кеннеди взял меня за руку, и мы пошли к выходу. Люди вздыхали «*О-о!*», будто были впечатлены только что увиденным.

— Нас наверняка отведут к директору, — прошептала я ему.

Кеннеди кивнул вперед, чтобы я туда посмотрела, и ответил:

— Да, похоже так и будет.

Наш директор, доктор Уилбер, стояла рядом с нами, скрестив руки на груди, разочарованно и неодобрительно качая головой.

Мы подошли к ней, и вздохнули все одновременно.

— Вы оба ждали последнего учебного дня, чтобы натворить что-нибудь? — раздраженно спросила она.

— Извините, — пробормотали мы с Кеннеди.

— Что ж, вы знаете, что это значит, — сказала она, поднимая брови.

Мы медленно закивали.

— Что сказать, мы парочка болванов, — попытался отшутиться Кеннеди, но на нее это не подействовало.

«Неплохая попытка, Кеннеди», — подумала я.

— Следуйте за мной, — приказала она. — Будете наказаны.

Мы с Кеннеди в ужасе обменялись взглядами и последовали за директором.

Наказание в кабинете директора — *это должно быть весело.*

— Что случилось с Ширли? — спросила я тихо, следуя за ней. Она даже не побеспокоилась повернуться к нам.

— Это последний учебный день, миссис Ширли дома, я полагаю, — ответила она безучастно.

Я бросила на Кеннеди умирающий взгляд. Он слегка пожал плечами, хотя губы его свернулись в ухмылку. Он считал это забавным, но это было не так. Я этого всего не хотела.

— Как долго мы будем наказаны? — спросил Кеннеди.

Мы почти дошли до ее кабинета, навевающего невероятную тоску. Стены были бледно-бежевыми, без единой картины, которая радовала бы глаз. Меня будто затянуло в черную дыру страданий.

Она открыла перед нами дверь и, пока мы проходили мимо нее в кабинет, ответила:

— До ланча, затем оба можете идти.

Нам предстояло провести в кабинете директора Уилбер почти четыре часа, до первого ланча. Кеннеди смог пару дней назад перенести время ланча, но они разрешили ему это только потому, что это был наш выпускной год, мы сюда уже не вернемся, и они подумали — а почему бы и нет?

— Хорошего дня вам обоим, — пробормотала Доктор Уилбер, когда мы с Кеннеди спешно покидали ее кабинет ровно в двенадцать дня.

— Вам тоже, — громко ответил Кеннеди, придерживая для меня дверь. Я поспешила выйти, а он поспешил меня догнать.

Спускаясь по коридору, я посмотрела на него, и он улыбнулся. Взял меня за руку, крепко сжимая.

Каким-то образом я поняла, что на этот раз он взял меня за руку не для того, чтобы успокоить, а просто потому, что хотел держать меня за руку. Это напомнило мне кое о чем.

Что-то не давало мне покоя, поэтому, прежде чем мы дошли до толпы учеников, спешащих на обед, я решила разобраться с этим, чтобы облегчить душу.

— Кеннеди, почему ты не поправил Кельвина, когда он сказал, что у тебя рак?

Кеннеди справился с раком давным-давно. Болезнь отступила около одиннадцати лет назад. Беспокорство, поселившееся в моей душе, тем более увеличивалось, чем дольше он молчал. Он ничего не сказал. Он больше не улыбался мне.

Кеннеди отпустил мою руку.

— Уиллоу, я... я пытался сказать тебе на следующий же день, тогда у нас дома. Не будем говорить об этом сейчас. Все в порядке, честное слово, — выпалил он на одном дыхании. Кеннеди казался взволнованным, что пугало меня еще больше. Возможность того, что у Кеннеди снова рак, была худшим, что могло случиться в этой жизни.

— Кеннеди, ты *должен* быть в порядке, — прошептала я в отчаянии.

Он шмыгнул.

— Уилл, пожалуйста, *потерпи*, поговорим об этом позже, — сказал он, умоляя меня.

Я была напугана. Я не знала, что делать.

Мне хотелось плакать. Хотелось сжаться калачиком в каком-нибудь углу и *плакать*.

Вместо этого, я держала Кеннеди за руку, обедала с ним за нашим столиком и *ждала*.

30 августа 2006 года, 06:38

Уиллоу

У меня было похмелье. Я боялась выйти на солнечный свет. Кейтлин так и не встала, она все еще спала у меня на коленях. Мне хотелось столкнуть ее, потому что казалось, что мои ноги настолько *онемели*, что вот-вот отвалятся.

Я легонько похлопала ее по щеке.

— Проснись, женщина, — пробормотала я.

Она застонала, но так и не сползла с меня.

Я взяла со столика ее палочки и стала легонько бить ими ее по голове. Я набивала ритм и напевала:

— Проснись, проснись, проснись.

Я не обращала внимание на то, который час, и что мне нужно было бежать на работу. Я еле могла двигаться, так что меня это мало волновало.

Я перестала барабанить и, переложив палочки в одну руку, почувствовала, что Кейтлин уже проснулась. Она снова застонала, но в этот раз повернула голову и посмотрела на меня, с трудом открывая глаза.

— Я проснулась, — сказала она хриплым голосом и медленно села.

— Мы что, выпили все вино? — спросила подруга, пока я вставала с дивана и потягивалась.

Потом я передала ей ее палочки для волос.

— Да, мы выпили обе бутылки вина, — ответила я, сожалея, что столько выпила. Кейтлин тоже жалела.

— Мне нужно забрать Аннетт у моей мамы и отвезти ее в школу, — пробормотала Кейтлин. — Но я так не хочу выходить на улицу.

— Солнечные очки на столе, — показала я. — Можешь не благодарить.

— Да, да, — закатила она глаза, зевая. Потом завернулась в плед и потопала в свою спальню. — Желаю тебе хорошего дня на работе, — бросила она небрежно, захлопнув за собой дверь.

Я прошла на кухню, взяла из холодильника сэндвич-круассан и засунула откусила, даже не разогревая. Колбаса, яйцо и круассан были холодными, а мне не очень нравились *холодные* сэндвичи на завтрак. Я старалась *жевать* быстрее.

Переоделась, размышляя над тем, стоит ли принять душ, потому что пахло от меня точно не розами.

Раздумывая об этом, я вздохнула.

Нужно поговорить с главной медсестрой об отпуске. Я только недавно начала работать в самой маленькой больнице Чикаго, и *не знала* главную медсестру. Сегодня я это выясню. Уайатт будет в порядке без меня. Ему нужна причина, чтобы выписаться из больницы. Я не собиралась быть той причиной, по которой он там задержится.

08:58

Стоя в лифте я нажала на кнопку второго этажа, и нервно подергивая ручки сумки, ждала,

пока лифт поднимался.

Будет сложно попроситься с Уайаттом, но это необходимо сделать. Мне нужен был отдых. Не помню, когда последний раз отдыхала.

Двери открылись, и я увидела Дениз, сидящую за стойкой регистрации, как и всегда. Она широко улыбнулась мне.

Я же совсем не улыбалась.

— Доброе утро, Уиллоу, — поприветствовала она меня. Но как только я приблизилась, она нахмурилась, и ее улыбка ее исчезла.

— Ты в порядке, милая?

Я остановилась.

— Мне нужно попроситься с Уайаттом сегодня, — сказала я кратко и тихо, прокашлявшись. — Кстати, кто здесь главная медсестра? — спросила я.

Мне хотелось скорее покончить с этим.

Она покачала головой, изучая меня.

— Ты на нее смотришь, — ответила она.

Мои глаза расширились от удивления.

— *Серьезно?* — недоверчиво прошептала я.

Дениз просто кивнула. Я растерялась, хотя именно я начала этот разговор. Все пошло не так.

— В общем... — я умолкла.

— В общем что? — настаивала она.

Я вздохнула. Дениз точно поняла, что со мной что-то не так.

— Можно мне взять отпуск? — медленно спросила я, замерев под ее материнским, строгим взглядом.

— Ты так и не ответила на мой вопрос, — усмехнулась она, вздыхая. — Ты в порядке, Уиллоу? — спросила она второй раз.

— Да, все нормально, — резко ответила я, мысленно проклиная себя.

Я не умела это делать.

— Ты уверена? — спросила она, растягивая слова. — Ты выглядишь беспокойной, я переживаю. Ты хорошо отдохнула вчера?

Мы с Кейтлин сидели допоздна и напились вина. Возможно, она на это она и намекала. Я выглядело дерьмово, а Дениз просто вежливо мне на это указала.

— У меня похмелье, — сказала я, мой голос звучал жалко.

Она удивленно приподняла брови.

— И ты решила сегодня попроситься с Бланкеттом?

Я кивнула.

— Сегодня подходящий день, — я вздохнула и поникла, на самом деле совсем не желая прощаться с ним.

— А, — она понимающе постучала себя по подбородку. — С какого числа ты хочешь взять отпуск? У тебя две недели отпуска в год, если никто не сказал тебе. Люди тут не очень то разговорчивы, — сказала она, качая головой.

— Чем раньше, тем лучше, — быстро ответила я, инстинктивно выпрямляясь. — Я и подумать не могла, что ты так легко отпустишь меня, — слабо улыбнулась я.

Дениз слегка улыбнулась в ответ.

— Считай, отпуск у тебя с первого сентября.

— Спасибо большое, — обрадовалась я.

Она замолчала, ничего больше не сказав. Дениз изучала меня, пока я стояла перед ней.

— Ты мне нравишься, Уиллоу, правда. Но ты уверена, что хочешь попроситься с тем парнем? — спросила она, указывая на палату двести девять.

Я сглотнула, и она продолжила, вздохнув:

— Похоже, что он тебе очень нравится. Он находится не так уж далеко от тебя сейчас. Ты должна с ним поговорить. Я бы хотела это увидеть.

На какое-то мгновение я замерла, обдумывая то, что только что сказала Дениз. Звучало так, будто она отдала мне приказ, что было странно.

— Ты *отправляешь* меня с ним поговорить? — спросила я.

Она снова нахмурилась.

— Хорошая попытка, но нет, это не ультиматум, дорогая.

Она была дерзкой, кажется, я ее раздражала.

— Извини, я просто...

— Напугана? — прервала она меня. — Ты боишься, что сблизись с Бланкеттом, раскроешь ему нечто сильное и реальное, а он умрет. Я права?

Я стояла с разинутым от удивления ртом, не ожидая услышать таких предположений от Дениз. Но тут я задумалась... а что, *если* она права? Кейтлин сказала то же самое. Мне не нужно было спрашивать себя, правы ли они. Честно говоря, они попали в точку.

— Смерть *страшна*, Дениз. Моя жизнь проходит вокруг нее. Он убежден, что может вскоре умереть, и я решила, что больше не хочу смертей в своей жизни, — объяснила я, и Дениз покачала головой. Словно я ее разочаровала.

Я вздохнула, продолжая:

— Может, это делает меня плохим человеком. Мне нужно думать и о своей дочери, и... лучше попроситься с Уайаттом сейчас, — сказала я.

— Ты хочешь, чтобы он остался один? — не отступалась Дениз.

— Нет, я этого не хочу этого, — ответила я. — Но я не могу взвалить это на себя. Не могу сделать это своей обязанностью. Я забочусь о нем, но не собираюсь жалеть его. Уайатт не хочет жалости к себе.

Дениз вздохнула, явно огорченная моими словами.

— Ты упрямая, Уиллоу. Я объясню тебе только раз, так что слушай внимательно, — сказала она, вставая из кресла и выходя из-за стойки регистрации.

Я понятия не имела, что Дениз собиралась объяснять или показывать мне. Открывшаяся мне правда не могла поразить меня еще больше.

Дениз подошла ко мне, и я повернулась к ней. Одна штанина у нее была закатана. Я смотрела на Дениз во все глаза и заметила, что ее походка как-то изменилась. Я бы никогда не предположила нечто *подобное*.

— Первые годы своей жизни я прожила в Азии. Моя семья была бедной, и мы часто ходили через соседний лес в поисках пропитания. Однажды мы заметили льва. Моя семья побежала вперед, и я потеряла тропу, по которой мы шли, — Дениз тяжело вздохнула, кладя руку на протез правой ноги. — Мне было всего шесть лет, когда я потеряла ногу. Мои биологические родители оставили меня умирать. Молодая пара туристов нашла меня умирающей, и теперь они мои родители. Они приняли меня, они хотели, чтобы я стала частью их семьи. Я жива благодаря им. До этого на протяжении почти двух лет они безуспешно пытались зачать ребенка. Мама часто говорит, что мы *спасли* друг друга, — сказала она, отчеканивая каждое слово.

— Дениз... — прошептала я, прижимая ладонь к губам. Я не могла поверить, что она пережила такое. Шестилетняя Дениз подверглась *атаке* льва — у меня не укладывалось это в голове.

— Уиллоу, думаю, я хочу тебе сказать, что *жалость* — это только часть всего этого, и она

может привести к чему-то лучшему. К выживанию и, возможно, лучшей жизни. Ты заботишься о Бланкетте, а он равнодушен к тебе. Может, не он один нуждается в спасении. Может, оно и тебе нужно, — закончила она, поднимая на меня взгляд и поправляя штанину, затем вернулась на свое место за стойкой.

Может, спасение нужно и мне? Я не понимала, как все это принять, но и не собиралась проигнорировать то, что Дениз сказала мне сегодня. Я хотела это обдумать.

— Спасибо, что рассказала, — прошептала я, и она кивнула. — Я подумаю над тем, чтобы снова увидеться с Уайаттом. Теперь все будет зависеть от него.

— Он не собирается прощаться с тобой, Уиллоу. Это же очевидно, — сказала мне Дениз, усаживаясь поудобнее.

— Уайатт продолжает твердить, что не хочет, чтобы я скучала по нему, когда его не станет. Он настаивает на этом, будто не хочет, чтобы у меня появились чувства к нему, — сказала я. — Порой он сбивает меня с толку.

Дениз махнула рукой в воздухе.

— Он человек, и у него есть сердце, Уиллоу. Он не хочет, чтобы тебе было больно, но он слегка драматизирует. Ты должна пойти к нему и показать, кто здесь главный, — подмигнула она.

Я задумалась.

— Думаешь, я должна сказать *Уайатту*, кто здесь главный? — спросила я, похлопывая указательным пальцем по колену. — Ты уверена, что это хорошая идея, сказать Уайатту, кто здесь главный?

— Это застанет его врасплох, но я думаю, самое время для этого, — она замолчала, пару секунд изучая меня. — Просто не бойся, хорошо? Ты будешь жалеть, если решишь больше не видеться с ним. Не позволяй страху в твоей душе толкать тебя на ошибки. Смотри на вещи открытыми глазами. Верьте в шансы, мисс Монро.

Я кивнула, закрывая глаза.

— Спасибо, Дениз.

— Всегда пожалуйста, Уиллоу. Всегда пожалуйста.

Я положила рабочую сумку и плащ в шкаф, и направилась в палату двести девять. Я не хотела поддаваться страху. Я хотела, чтобы Уайатт тоже дал нам шанс. Но больше всего мне не хотелось, чтобы Уайатт боялся, но *он боялся*. Он так сильно боялся жизни, это было очевидно. Он не хотел, чтобы я питала к нему чувства. Он не хотел, чтобы я скучала по нему, когда бы он ни ушел из жизни.

Но было слишком поздно.

Я постучала, и он ответил «Входите!» *так быстро*, что я от удивления сделала шаг назад. Он был готов к моему приходу. Он ждал меня.

Я улыбнулась, прежде чем открыть дверь.

— Уайатт, — назвала я его имя, прежде, чем войти. Он лежал в постели.

— Уиллоу, — усмехнулся он.

Он ухмылялся. Это был хороший знак.

— Тебе лучше? — спросила я.

Он облизнул губы, прежде чем ответить мне.

— Вообще-то да, — он трижды быстро моргнул. — Я чувствую себя намного лучше, но ты и сама могла догадаться об этом, — сказал он.

Я молча стояла, и с открытым ртом разглядывала его счастливое лицо.

— *Уверен, что ты в порядке, Уайатт?* — спросила я медленно.

Я говорила как Дениз, но у меня была на то причина. Передо мной творилось что-то

странное. Счастливый Уайатт — это было необычно.

— Я знаю, что мне пора домой, — тихо сказал он. — Я вдоволь наслаждался твоим обществом. Ты понятия не имеешь, как я тебя обожаю. Ты хорошо делаешь свою работу, и ты стала мне другом. Но теперь пришло время нам попроситься, — закончил он, сжимая губы.

— Уайатт, — я замолчала, мои плечи поникли. — Нам не обязательно прощаться. Ты учитель моей дочери, ты мой... ну, э-э-э... ты для меня *больше* чем друг, понятно? Я не могу распрощаться с тобой. Я не хочу.

Я стояла на своем, как и советовала Дениз, хоть это и было для меня дьявольски тяжело. Я не знала, сумею ли справиться, если он откажет мне, продолжая улыбаться.

Его улыбка медленно растаяла, брови нахмурились.

— Что же мы делаем тогда? — спросил он несколько раздраженно. — Потому что, чем больше времени я провожу с тобой, тем сильнее я хочу быть с тобой, но я не знаю, смогу ли стать частью твоего будущего, потому что в любую минуту у меня может случиться третий сердечный приступ, возможно, совсем скоро, и, возможно, последний, а я не хочу умирать, если мне есть для кого жить...

Я заставила его замолчать, прильнув губами к его губам. Всего один поцелуй, просто легкий поцелуй.

— Ты слишком много переживаешь, — прошептала я, потому что так и было. — Я тоже много переживала, но хочу, чтобы мы оба волновались как можно меньше.

— Как я могу не волноваться, когда знаю, что обречен, Уиллоу? Когда ты стоишь передо мной, я еще больше начинаю волноваться, — произнес он тихо.

— Кто ты, Шекспир? — поддразнила я.

Он улыбнулся, и я немного расслабилась.

— Ты сравниваешь меня с Шекспиром, — сказал он, неожиданно снова ухмыляясь. — Как я могу я попроситься с тобой, Уиллоу?

Я просто пожала плечами.

— Тебе и не надо.

— Ты правда не хочешь, чтобы я это делал? — спросил он с любопытством.

— Это последнее, чего мне хочется, — ответила я честно, садясь рядом с ним на край кровати.

Он резко вдохнул.

— Сейчас я чувствую себя действительно слабым, — прошептал он, смотря на мои губы, и я поняла, что он имел в виду. Он хотел поцеловать меня.

— Я никогда не чувствую себя сильной рядом с тобой, — призналась я. — Именно с тобой. Понятия не имею, почему так.

В ответ он погладил меня по щеке.

Я не считала Уайатта необычным, совсем нет. Я могла читать его, как открытую книгу. Я знала Уайатта Бланкетта. Его самый страшный секрет, что дал обратный отсчет его времени. Я знала, что он хотел меня, что он боялся этого. Я знала о его страсти к совершенству, и что он был самым эгоцентричным человеком из всех, кого я встречала. Я знала, что влюблюсь в него, если не попрошусь сегодня же. В тот момент я не боялась любить Уайатта. В ту минуту я была готова взять на себя его боль, и я должна была убедить его, что он может доверить мне свое сердце.

Я посмотрела ему в глаза.

— *Вот поэтому*, — сказала я ему, проводя кончиком пальца от своей груди к его груди.

Он улыбнулся и поцеловал меня. Он подарил *мне* легкий поцелуй, каким-то образом *подсказавший* мне, что мы на одной волне. Он положил мою руку к себе на грудь, после чего

накрыл ее своей рукой.

— Поэтому, — повторил он.

3 июня 1997 года, 00:00

Кеннеди

Я понятия не имел, как сообщить ей эту новость. Я собирался все рассказать ей в тот день, когда надел свою несчастливую одежду. Я все распланировал, но все равно боялся. Думал, попрошу ее присесть и не спеша все расскажу. Мы бы вместе плакали. Я знал, что мы оба расплачемся. Я набрался смелости, но тут она вдруг ляпнула про этого Кельвина Стилтона, что он позвал ее на свидание и что она согласилась.

После такого я не мог сказать ей, что умираю. Я не смог так с ней поступить. Я не мог так поступить с собой, я не знал, как решить эту задачу, поэтому и не стал.

Теперь она все знает. Хотя я даже рта не открыл. У нее были подозрения, и при одном взгляде мне в глаза она все поняла сама. Рак вернулся.

Мне было семь лет, когда у меня впервые обнаружили рак мозга. Две операции прошли успешно. В семь лет мне удалили из мозга одну раковую опухоль.

Мне восемнадцать лет, и у меня рак мозга, четвертая стадия глиобластомы. Опухоль мозга была неизлечимой из-за своего расположения. Двадцать пятого мая девяносто седьмого года доктор сообщил, что мне осталось жить от пяти до шести месяцев.

В конце концов, опухоль негативно повлияла бы на мое психическое состояние. В последние месяцы жизни меня ждали частые рвоты, беспричинная злость, проблемы со зрением, припадки, и даже, возможно, потеря способности передвигаться самостоятельно. Я не был уверен, какие симптомы, в конце концов, будут меня мучить, но я точно знал, что умру. Я умру в этом году. Как мне сказать об этом Уиллоу? Как объяснить это ей?

Самым сложным для меня было подобрать слова. Я не хотел бы смотреть ей в глаза, но мне придется. Нам придется научиться видеть лучшее во всем. Чтобы наши последние дни вместе не были грустными. Я любил Уиллоу. Любил ее каждой клеточкой.

Мне будет тяжело разбить ей сердце. Разве это может быть просто?

Ее сердце и так дало трещину. Она знала, что у меня рак. Она не знала, что я умираю, но знала, что я болен. Я не мог представить ничего хуже, чем эта *трещинка* в ее сердце, появившаяся из-за меня. Когда я увидел ее взгляд во время ланча, мне пришлось извиниться и уйти в туалет, чтобы поплакать в тишине. Я причинил ей боль. Я не мог вынести этого.

Я никогда не хотел покинуть ее вот так. Не так скоро. Она была любовью всей моей жизни, и я знал, что она тоже меня любила.

Она скажет, что это несправедливо. Скажет, что я не могу бросить ее.

Как могу я вот так покинуть Уиллоу? Как могу умереть и оставить ее? Как сказать ей, что я умираю, хотя, без сомнений, я действительно умирал.

Мне нужно было сказать ей, что она проживет замечательную жизнь и без меня. Она погрустит какое-то время, я знал это, но *в итоге* у нее все сложится замечательно.

Я сидел на пороге своего дома и ждал ее. Рядом лежал сложенный плед.

Я должен был дать ей надежду. Нужно было дать ей понять, что у меня еще есть надежда на будущее. Я умирал, но собирался прожить свои последние дни с любимым человеком, моим лучшим другом, моей вечностью, любовью всей моей жизни.

Уиллоу.

Я шмыгнул носом, закидывая голову назад. Я не собирался снова плакать. Я должен был держать себя в руках. Я должен был убедить ее, что однажды она снова будет счастлива, несмотря на то, что меня скоро не станет.

Я не хотел, чтобы Уиллоу скучала по мне, когда я покину этот мир, хоть я и знал, что она будет скучать. Не могло быть никаких сомнений, когда речь шла о наших чувствах друг к другу. Мы любили друг друга, и любили *так сильно*, что не хотели проводить время с кем-либо еще. Только я и Уиллоу, Уиллоу и я.

Мы были *просто Уиллоу и Кеннеди*, и больше никого.

Когда меня не станет, она останется без своей второй половины, без меня, и я ненавижу себя за то, что вынужден был оставить ее одну, без меня, хотя другого выбора не было, как бы мы не старались.

Судьба обманула нас. Однажды Уиллоу будет в порядке. Я буду покоиться с миром, возможно, это мне и нужно было, но я думал лишь о том, что нужно было Уиллоу. Я думал только о ее чувствах и страшился того, какую боль причинит ей злой рок.

Мне было бы лучше избегать стресса, и у меня это получалось только тогда, когда я проводил время с Уиллоу. И сейчас она была мне нужна.

Всматриваясь в даль и пытаясь отвлечься, я решил для себя, что верю в теорию часового механизма. Уиллоу была уже здесь. Она быстро крутила педали своего велосипеда. Я увидел ее издали, она приближалась ко мне. Мы встретились глазами, и я улыбнулся, как и всегда при виде Уиллоу я не мог сдержать улыбку.

Ее улыбка была *скованной*, но я старался не обращать на это внимания. Она спрыгнула с велосипеда и бросилась ко мне.

Для хрупкой девушки обнимала она очень крепко. Я так этого ждал. Я крепко обнял ее за талию, поднимая от земли.

— Привет, — сказала она, щекоча мою шею теплым дыханием.

— Привет, — сказал я с облегчением.

Мне хотелось сказать ей, что я люблю ее. Я часто собирался сказать ей это, но никогда не делал этого. Я всегда откладывал, потому что боялся потерять лучшего друга. У меня в запасе было два дня, чтобы сказать ей об этом до очередного визита к врачу. Но я не воспользовался этими двумя днями, до похода к врачу. Я думал, это будет обычное посещение, но меня ждал сюрприз. Теперь я чувствовал себя разбитым, ведь я не мог сказать ей, что люблю ее. У меня смертельная опухоль мозга. Я понимал, что не должен давать Уиллоу ложных надежд. Мне не быть частью ее будущего, и мне не хотелось, чтобы она думала, что мы будем вместе.

Я упустил шанс сказать ей, что люблю, но она и так это знала. Желание сказать ей это никогда не пропадет, но она знала, что я любил ее. Я мог умереть спокойно, ведь она знала, что я любил ее больше жизни.

Порой, эта жажда была нестерпимой, и под порывом чувств, мне так хотелось все ей рассказать, но сейчас я уже не мог. Я думал, что справлюсь с этим, ведь у меня была она — лучшее, что только есть в этом мире.

— Он вернулся, не так ли? — спросила она шепотом.

Я опустил ее на землю, она посмотрела мне в глаза и спросила:

— Насколько все плохо на этот раз?

Я вздохнул, но ничего не сказал. Взяв плед, лежавший свернутым на пороге, я постелил нам на траве.

— Приляг рядом со мной, — просто сказал я.

Она скрестила руки на груди.

— Кеннеди, прошу тебя, ответь мне, — попросила она взволнованно.

— Мы можем немного посмотреть на звезды? — настаивал я. — Совсем недолго, Уилл. Доверься мне, — сказал я, стараясь облегчить для нее эту ситуацию.

Я не хотел, чтобы Уиллоу боялась. Мне хотелось, чтобы она чувствовала себя комфортно и безопасно со мной.

Она сдалась, и мы лежали так несколько секунд. Я слегка коснулся ее локтем, поворачиваясь к ней, чтобы разглядеть ее лицо, и сказал:

— Говорят, сегодня будет метеоритный дождь. Такое редко бывает. Это должно быть красиво, и я подумал, ты захочешь посмотреть его вместе со мной.

Тень улыбки коснулась ее губ.

— Ни с кем другим я бы и не хотела смотреть метеоритный дождь, — ответила она. — Никогда раньше не видела летающий метеорит.

— Я тоже, — признался я, беря ее руку в свою и крепко сжимая. Мы оба смотрели на небо.

— Ты когда-нибудь изучал небо в поисках самой близкой звезды? Самой большой звезды, самой лучшей звезды. Сколько бы ты ни искал вокруг, твое внимание притягивает именно одна звезда. И ты всегда можешь быстро ее найти, — сказала она, подложив одну руку под голову. — Смотри, — она указала на звезду в небе. — Вот, это моя звезда. Она избранная. Я не просила ее стать моей звездой. Просто так получилось, что именно эту звезду я не могу забыть, — пожала она плечами. — И я хотела бы полагаться на эту звезду, — прошептала она.

— Выглядит впечатляюще, — отозвался я. — Кажется ярче всех остальных. У этой звезды есть имя, как думаешь? А может, у нее и чувство юмора хорошее. Может, у этой звезды есть все качества, которые тебе нравятся.

Она молча посмотрела на меня.

— Кеннеди, я не хочу больше смотреть на звезды. Мы можем поговорить? — спросила она почти неслышно.

— Мы и сейчас разговариваем, — ответил я.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — пробормотала она.

Я не собирался разговаривать с ней об этом сейчас. Мы ждали метеоритный дождь и собирались посмотреть его вместе. Я хотел все рассказать ей после.

— Можешь подождать, пока закончится метеоритный дождь, Уиллоу? Мне просто хочется провести время с тобой.

— Мы все время проводим вместе, — тут же ответила она, вставая. Я тоже привстал, и она продолжила. — Я хочу знать, вернулся ли рак. Мне нужно знать.

Я на мгновение замер. Мне не хотелось испортить вечер, мне хотелось, чтобы Уиллоу было хорошо сегодня.

— Уиллоу, я умоляю тебя, посмотри со мной метеоритный дождь, — сказал я, беря ее руки в свои ладони и крепко сжимая. Я посмотрел ей в глаза. — Пожалуйста, подожди со мной. Я хочу понаблюдать за ним вместе с тобой.

Мгновение она смотрела на меня безотрывно, и я заметил, как дрожал ее подбородок, будто она вот-вот заплачет.

Я сделал глубокий вдох.

— Сделай глубокий вдох, как я, Уиллоу, — мягко прошептал я.

Она шмыгнула носом, хмурясь.

— Зачем? — тихо спросила она.

— Мне нужно, чтобы с тобой все было в порядке, — ответил я. — Пожалуйста, Уиллоу, сделай глубокий вдох и посмотри со мной на звезды.

— Скажи, что ты не оставишь меня, — сказала она, слегка повышая голос. Ее глаза

увлажнились, и я поклялся, что если увижу хоть одну слезу на лице Уиллоу, то потеряю рассудок.

И я увидел. И запаниковал. Я схватил ее и притянул к себе. Я прижал к себе ее голову, целуя в лоб, она прильнула щекой к моей груди.

— Прости меня, — сказал я, всхлипывая. Я повторял эти слова снова и снова, держа Уиллоу в своих объятиях. Мы плакали, в то время как метеоры проносились над нашими головами далеко в небе, и я знал, что *ничто* в мире не могло бы причинить такую боль.

31 августа 2006 года, 7:31

Уиллоу

Вчера я видела, как Уайатт покидал больницу, сразу после нашего с ним короткого разговора. Он был в одежде, в которой поступил к нам, и сказать, что он выглядел *соблазнительно*, было бы преуменьшением. Ему просто нужно было подписать документы, будто уходя с какого-нибудь обязательного мероприятия или с работы, или даже из школы. Он решил выписаться вчера. Возможно, он был готов встретиться со своими учениками. А может, он был готов к встрече с Аннетт.

Я не знала причин его решения. Я могла читать язык его телодвижений и мимику лица, но не его мысли. И сейчас, когда между нами все прояснилось, я не знала, как на это реагировать.

Что теперь будет? Я задавала себе этот вопрос множество раз. Я попросту не была уверена, но никаких плохих предчувствий у меня тоже не было, как и незнакомых ощущений. Это были *чувства*, которых я не испытывала уже очень давно – я нервничала, волновалась и, конечно же, была напугана.

Такие эмоции обычно являются предвестниками любви. Это предвкушение любви сбивало с толку. Я не испытывала подобных чувств со времен Кеннеди, но тут появился Уайатт. Он вошел в мою жизнь, и эти эмоции охватили меня. Он заставил меня поверить, что любовь снова может стать реальной.

Сегодня я повела Аннетт в школу раньше. Я хотела зайти с ней в школу, но лишь потому, что вчера, заходя в лифт, Уайатт сказал: «Увидимся завтра». Я впервые увидела, как он подмигивает, прямо перед тем, как двери лифта закрылись. Тесса рассказывала о пациенте, о котором ей не очень нравилось заботиться, но я почти не слушала ее. И все из-за Уайатта и его способности очаровывать меня. И я знала, что он ждал меня сегодня. Наверное, он будет в костюме, по крайней мере, я этого ожидала. Я хотела надеть нормальные вещи, потому что Уайатт видел меня только в больничной униформе, и планировала переодеться на заднем сиденье в машине на парковке у больницы, а если бы кто-то увидел меня (я заранее подумала об этом), я не бы не придала этому значения. Я готова была увидеть Уайатта как мистера Бланкетта и знала, что он готов был увидеть меня как *просто* Уиллоу.

Двери школы открывались в семь тридцать каждое утро по будням. Аннетт то и дело стонала по дороге, потому что мне пришлось разбудить ее немного раньше сегодня, а ей не хотелось идти в школу раньше обычного.

В качестве аргумента я непрестанно твердила ей: «*У меня встреча с твоим учителем, дорогая!*»

Если я продолжу в том же духе, рано или поздно она поймет, что для меня это лишь повод увидеть Уайатта. Но я знала Уайатта, так что мне удастся найти другие способы видеться с ним. Нам просто нужно было все спланировать, может быть, даже пойти на свидание. Учиться относиться друг к другу терпимее, и стать *ближе* в итоге.

Мне не хотелось скрывать Уайатта, как какой-то грязный секрет. Наоборот, я хотела, чтобы весь мир знал о нас, хотела принадлежать ему, и чтобы он хотел, чтобы я принадлежала ему. Я надеялась, что он хочет того же.

— Мамочка, — Аннетт дернула меня за руку, чтобы мы остановились. Мы стояли прямо перед двойными дверями школы.

— Да, дорогая? — тихо откликнулась я, стараясь скрыть нервную пульсацию вены на шее, оглядываясь на проезжающие мимо машины.

— Ты ведешь себя как-то странно, и я не думаю, что у тебя и правда встреча с моим учителем сегодня, — вздохнула Аннетт. — Почему ты такая странная, мамочка?

Моя дочь считала, что сегодня я веду себя *необычно*. Я знала, что она была слишком умной, чтобы поверить в мою ложь. Я отпустила ее ручку, присела перед ней на колени и посмотрела ей в глаза.

— Детка, я сегодня встречаюсь кое с кем очень важным. И так получилось, что этот кто-то и есть твой учитель. Ты поймешь, если я скажу, что влюбилась? — говорила я с осторожностью. Мы с Аннетт никогда не разговаривали о свиданиях, и уж тем более о *парнях*. Возможно, потому, что за всю жизнь я любила лишь дважды, ее покойного отца, которого она никогда не встречала, а вот теперь Уайатта, о котором я только что рассказала ей.

К моему удивлению, она широко улыбнулась мне и сказала:

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, мамочка.

Я улыбнулась в ответ.

— Это должно остаться между нами, — прошептала я ей.

— Я никому не расскажу, — пообещала она.

Я еле сдержала слезы, крепко обнимая свою девочку. Она была лучшей дочерью на свете. Я хотела, чтобы каждый, кто заслужил узнать ее, получил бы эту привилегию. Она могла бы внести свет в жизнь любого человека.

— Ты у меня настоящий ангел, — сказала я ей, целуя в щечку, а она улыбалась мне в ответ, пока я поднималась на ноги.

Аннетт взяла меня за руку и крепко ее сжала. Меня окутало знакомое донельзя чувство, но все же другое, новое и более теплое.

— Пойдем встретимся с твоей любовью, — задорно улыбнулась Аннетт.

— Твоим учителем, — уточнила я.

Она кивнула.

— Извини, — громко прошептала она.

— Я люблю тебя, Аннетт.

Мы обе улыбались.

— Я тоже тебя люблю, мамочка.

Мы зашли в школу, и дорога до класса казалась как никогда долгой. От волнения мне скрутило живот. Мои нервы не справлялись с предвкушением увидеть Уайатта. Только не после вчерашнего.

— Какой номер кабинета? — снова спросила я Аннетт.

Она просто пожала плечами.

— Я не помню, мамочка.

Я почти бежала в поисках класса, таща за собой Аннетт. Дважды завернув за угол и то и дело слушая, как Аннетт говорила «Нет, не этот», я почти сдалась и прокричала имя Уайатта. Но сразу за *следующим поворотом* я столкнулась с очень высоким человеком в черных брюках и синей рубашке с длинными рукавами. Рядом у его ног лежала корзина с леденцами в форме сердечек.

— Доброе утро, Уиллоу, — от его голоса мое тело покрылось мурашками. Я *медленно* подняла взгляд, и выдавила что-то нечленораздельное, практически растекаясь лужицей у его ног.

Вот он, с идеальными волосами, чарующими глазами, красивым лицом, загипсованной левой рукой, те самые сексуальные бедра и ноги пещерного человека, но уже в обуви.

— Доброе утро, Уайатт, — выдавила я из себя улыбку.

Краем глаза я заметила, как Аннетт направилась в класс, не желая перебивать нас. Он нагнулся к полу, не отрывая от меня взгляда, достал из корзины леденец в форме сердца, на котором, в отличие от остальных, была какая-то этикетка.

Но не предложил его мне. Он выпрямился, затем потянулся и положил леденец в карман моих джинсов так, что он слегка выпирал.

— Мне будет не хватать тебя в палате номер двести девять сегодня, — небрежно сказала я.

Он просто улыбнулся, затем сделал шаг назад и оказался в классе. Он указал мне куда-то вверх, и я подняла глаза.

— Но, Уиллоу, ты уже видишь меня, и я стою в кабинете номер двести девять, — сказал он мне, и я увидела над дверью номер класса.

— Совпадение?

— Нет, просто... у меня необычные предпочтения.

Я согласно кивнула.

— *Итак*, когда, по-твоему, мне стоит прочитать ту записку, что ты положил мне вместе с леденцом в карман?

Он облизнул губы, размышляя над моим вопросом, но, казалось, он ожидал его. Он обернулся, чтобы помахать Аннетт и дать ей понять, что все в порядке. Она помахала в ответ, после чего он закрыл дверь класса.

Теперь были только я и Уайатт, Уайатт и я, в длинном пустом коридоре, в этой пустой школе. Наши чувства словно витали в воздухе. Во всем этом огромном пространстве *мы* наконец встретились глазами. За две секунды *до* и три секунды *после* того, как дверь закрылась, воздух словно уплотнился, будто некая жидкость, стремясь стать твердым телом. Мы не могли дышать. Мы чувствовали абсолютно все.

— Когда будешь одна, — ответил он, спустя минуту напряженного молчания.

Неожиданно я съежилась.

— Почему ты не скажешь мне сейчас, что там написано? Почему я должна прочитать это одна?

Он вздохнул.

— Я стараюсь быть загадочным и сексуальным, Уиллоу. Почему бы просто не сделать, как я прошу? — проворчал он.

Я улыбнулась, едва сдерживая смех.

— Уайатт, мы же взрослые люди.

Он кивнул.

— Да, но, Уиллоу, обмениваться записочками можно когда угодно. И что самое важное, нет каких-либо возрастных ограничений, когда стоит прекращать обмениваться записочками. Я делаю то, что мне хочется, и хочу, чтобы ты послушала меня. Всего лишь раз.

Казалось, он умолял. Он хотел, чтобы я отнеслась к этому серьезно, и тогда я подумала, *а почему бы и нет?*

Я глубоко вздохнула.

— Хорошо, но только в этот раз. Ты и так сексуален и загадочен, Уайатт. И не только тогда, когда *стараешься* быть таким.

Он улыбнулся той самой улыбкой, что заставляла мою кровь вскипать в венах.

— Считаешь меня сексуальным?

Мне показалось, что он был рад это услышать и был приятно удивлен, мы вели себя как

школьники.

— Конечно. Когда я тебя впервые увидела тебя, мне захотелось узнать, каково это поцеловать такого парня, как ты. Ты кажешься невероятно горячим парнем, и мне все время хочется облизать твое лицо.

— Серьезно?

— Нет, — фыркнула я. — Ты привлекателен, да, но при первой встрече я ненавидела в тебе все. Особенно то, как хорошо ты выглядел.

Он тепло улыбнулся.

— Я извинился за свое поведение, Уиллоу. Тебя что-то еще беспокоит?

Я отступила на пару шагов, ожидая, что он последует за мной. Когда он приблизился, я сказала:

— Нет.

Я ждала, когда он подойдет и поцелует меня или обнимет, но ничего такого он не сделал. Он просто смотрел на меня, как обычно.

— Я ведь тебе нравлюсь, так? — выпалила я.

Я не понимала, почему он не набросился на меня с поцелуями или что-то подобное. Может, из-за того, что мы были в школе? Или, может, он думал, что я оттолкну его?

Он удивленно на меня посмотрел, затем нахмурился, выглядя несколько рассерженным.

— Что, черт побери, за глупый вопрос? — шепотом выругался он. Я открыла было рот, чтобы извиниться, но он жестом заставил меня замолчать.

— Слушай, я думаю, ты самая красивая девушка из всех, что я встречал в своей жизни. Как внешне, так и внутренне, Уиллоу. Я хочу, чтобы ты прочитала эту записку, будучи в одиночестве, потому что мне не хватит сил смотреть, как ты будешь читать ее при мне. Но я хочу, чтобы ты поняла все здесь и сейчас, — сказал он еще более раздраженно.

Его зрачки расширились, и мне казалось, сердце мое вот-вот остановится. Он пристально смотрел мне в глаза, продолжая:

— Меня никогда ни к кому так не влекло, как влечет к тебе сейчас. После нашей первой встречи твой образ *преследовал* меня. Поначалу меня это злило, но затем я привык. Я стал хотеть большего от тебя, и был готов изменить свое отношение к тебе, чтобы ты выслушала меня. Больше всего, Уиллоу, мне хотелось понравиться тебе. Я хотел, чтобы ты стала моим другом. Чтобы ты ждала меня каждый день. Чтобы улыбалась мне, и многое другое, — проговорил он, сделав шаг ко мне. — Но *большего* я не могу сказать здесь и сейчас. Я могу лишь немного выразить вслух, потому что все еще привыкаю к человеку, которым хочу быть для тебя. И прости, если все слишком быстро происходит, но ты просила меня. Ты хотела этого, и я говорю тебе. Я больше не могу смотреть тебе в глаза и лгать. Правда может напугать тебя. Правда может заставить тебя пожалеть обо всем, что есть между нами сейчас, но тебе нужно ее услышать. Поэтому я открываю ее тебе. Прощу, поверь, я говорю серьезно. Я понимаю, что мы взрослые люди и все это сумасшествие, но сейчас нам остается лишь принять это.

Я старалась глубоко и спокойно дышать, пока мы неотрывно смотрели друг на друга несколько секунд. Словно преодолев какое-то сопротивление, он подошел ко мне и взял мое лицо в ладони. Еще никогда я не чувствовала я себя *настолько тронутой* словами мужчины. И я знала, что бы он ни сказал мне сейчас вслух, лучше было бы это написать. Мне хотелось навсегда сохранить его слова, возвращаться к ним и перечитывать, когда захочется, и даже если мы не будем вместе, у меня останутся его слова.

— Уайатт, я не знаю, что сказать на все это, кроме как... *спасибо*, — ответила я.

Он поглаживал мой подбородок большим пальцем, в удивлении сдвинув брови.

— *За что спасибо?* — спросил он с любопытством.

— Спасибо, что хочешь меня, что выражаешь свои чувства иными, непривычными тебе способами.

— Я переборщил? — спросил он.

— Совсем нет, — ответила я.

Он слегка улыбнулся, изучая мое лицо.

— Как ты могла задать такой глупый вопрос? У тебя такое восхитительное лицо, — сказал он, кладя руку мне на грудь. — Такое доброе сердце, которое заботится обо всех, даже бессердечных людях. Как ты можешь мне не нравиться, Уиллоу? В тебе нет ничего непривлекательного. Даже твои кроссовки и носки в цветочек меня заводят, — неожиданно ухмыльнулся он, на что я покачала головой, улыбаясь.

— Твои сочные, как у индейки на День благодарения, бедра в этих штанах невыносимо сексуальные.

— Правда? — он нагнулся и мимолетно поцеловал меня в губы.

— Да, и обутым ты выглядишь гораздо лучше.

Он громко захохотал:

— Это не комплимент.

— Но и не оскорбление, — уточнила я.

Он вздохнул, я почувствовала, как его ладонь продолжала гладить мою щеку. Затем он запустил пальцы в мои волосы.

— Выглядишь чертовски сексуально с распущенными волосами. Но еще горячее с собранными.

Он коснулся губами моей шеи, и я задрожала.

— Знаешь, скоро в коридоре появятся люди, Уайатт. Может, даже через пару минут. Уверен, что хочешь продолжить эту авантюру?

Я крепко поцеловала его в губы, и он замер.

— Думаю, нам стоит вернуться к нашей скучной реальности. Ненадолго, — ответил он.

— Ненадолго, — кивнула я.

Прежде, чем уйти, он поцеловал меня дважды, но легко, без языка. Его губы сами по себе были достаточно хороши, мне будет не хватать их сегодня.

14 июня 1997 года, 00:01

Уиллоу

Меня кто-то тряс за плечо. Впервые за последние десять дней мне наконец удалось уснуть до полуночи. Кто пытался разбудить меня? Поначалу я подумала, что это мама, потому что папа не стал бы будить меня в такое время. И хотя мне только что исполнилось восемнадцать лет, я предпочитала поспать, потому что могла наконец уснуть.

— Аннабель, давай отпразднуем через восемь часов? Я совсем разбита, — пробормотала я, перемещаясь на дальний край кровати и раздраженно натягивая одеяло до самого подбородка.

— Не стоит называть маму по имени, Уиллоу.

Я замерла – это был его голос, и в последний раз я видела его десять дней назад. Узнав о том, сколько ему осталось жить, я упрямо решила, что мне нужно время прийти в себя. Я сказала ему, что не знаю, когда смогу смотреть на него и не испытывать при этом боли. Меня страшила сама мысль о жизни после смерти Кеннеди, и я старалась не думать об этом. Но *сейчас* пришло время принять все как есть, я должна была собраться, потому что я любила Кеннеди, и мы нужны были друг другу, пока была такая возможность. Я не могла больше упрямиться. Наше время истекало, и мы должны были провести его вместе и счастливо, как он и говорил.

В тот момент я решила, что больше не хочу спать. Мне захотелось обнять Кеннеди, что я и *сделала*.

— С днем рождения, Уиллоу.

Он обнял меня. Я крепко стиснула в кулак его футболку, решив для себя, что больше никогда не буду плакать. Не сейчас. Пока мы не скажем друг другу в последний раз «Привет», потому что потом у меня уже не будет выбора. Никто не сможет мне помочь после того, как мы скажем друг другу наше последнее «Привет».

— И как же отметим эту большую дату, мое восемнадцатилетие? — спросила я, откидываясь назад и улыбаясь ему, собрав всю свою *силу воли*, чтобы выбраться из постели.

— Эм-м, — он запнулся. Его голубые глаза блестели, он ухмылялся. — Я подумал, что можно заняться чем-то необычным. Но уверен, тебя одолевают сомнения, когда речь идет о непристойном обнажении на людях.

Он приподнял брови, будто дразня меня, но ведь однажды мы уже проделывали это. Мне хотелось чего-то совсем нового. Сделать вместе с Кеннеди что-то, что ни один из нас еще никогда не делал.

— Что насчет чего-нибудь нового, из ряда вон выходящего? Что-то такое, чего мы оба никогда не совершали? — спросила я тихо.

— Серьезно? — прошептал он. — Хм-м-м, — он изобразил задумчивость. — Ты хочешь украсть лодку моего деда и поплавать?

— Ты с ума сошел, — тут же шепнула я.

— Нет, Уилл, у меня есть план, — настаивал он. — Лодка находится далеко от дома дедушки. Она в нескольких милях отсюда, прикована цепью у озера, которое, кстати, является общественным достоянием. Мы без труда уплывем и успеем вернуться до шести утра. Дедушка с бабушкой катаются на лодке каждое утро в половине восьмого. К тому же дедушка любит меня.

Скорее всего, он и не будет против.

Я на секунду задумалась, потому что боялась поступить неправильно, как всегда.

— Лодка твоего деда и правда классная. Не думаю, что ему будет все равно, — возразила я.

— Я думаю, покуда мы не разобьем ее вдребезги или не сожжем дотла, он не будет возражать. Уилл, доверься мне, — взывал он.

— А ключи? — спросила я настоятельно, в своей обычной манере.

— В моем кармане, вообще-то, — ответил он. — Стащил их сегодня утром. Мама ездила на концерт вчера, пока дедушки с бабушкой не было дома, и я поехал с ней, так что у меня была возможность взять ключи. Я знаю, ты будешь переживать за меня, чтобы я успел вовремя положить их на место, но я об этом позабочусь. Обещаю, все пройдет идеально.

Он вынул ключи и слегка позвенел ими, прежде, чем убрать обратно в карман.

— Что? — нахмурилась я, ошеломленная. — Зачем же ты тогда снова предлагал бежать нагишом? — с любопытством спросила я.

Кеннеди пожал плечами.

— Поплавать на лодке входило в мои планы изначально. Мне. Но мне казалось, что стоило попытаться хотя бы предложить тебе пробежку, — он ухмыльнулся, и я легонько стукнула его кулаком в плечо.

— Ладно, — усмехнулась я. — Когда отплываем?

Он бросил взгляд на наручные часы, «трюк с невидимыми часами» — так он это называл.

— Ну, твой день рождения уже настал. Разве можно найти более подходящее время?

— Развлечения на лодке будут? — задала я встречный вопрос.

— А! — постучал он по подбородку. — Есть у меня одна идея. Дедушка хранит вино на лодке, думаю, нам удастся стащить бутылку.

— Да? А мне показалось, я почувяла запах марихуаны, — вздохнула я. — От вина мне всегда весело. Но если это будет закупоренная бутылка, то сам будешь ее открывать. Ты знаешь, меня это дело пугает.

Его глаза вспыхнули восторгом.

— Ты правда покуришь со мной травку сегодня? — недоверчиво спросил он.

— Разве может быть более подходящее время для этого? — нежно улыбнулась я.

— Это будет лучший день, — покачал он головой, ухмыляясь. Он выглядел таким счастливым и дрожал от нетерпения поскорее приступить к исполнению своего грандиозного плана.

Мы вышли из дома, сели на велосипеды и проехали несколько миль до озера, где его дедушка оставлял свою лодку. Мы отчалили от берега. На полке на лодке нашли полбутылки вина и опустошили ее. Вино было хорошим. Мы выкурили косячок и нас унесло. Я позволила себе насладиться ощущениями, которые дарил марихуана.

А может, все дело было в Кеннеди, вине и марихуане. Я сидела там в пижаме и могла представить, что Кеннеди отнюдь не умирает.

Ровно в пять-тридцать утра в мой день рождения мы причалили обратно к берегу и направились к нашему дому. Мы остались там и пару часов просто сидели в креслах. Мы говорили о разных вещах, пока не уснули. Всю ночь мне снились сны, и я будто пережила все заново. Я знала, что никогда не забуду этот вечер.

1 сентября 2006 года, 15:30

Уиллоу

Я больше не могла ждать. Мое терпение было на исходе, я не могла весь день мучиться любопытством. Я хотела точно знать, что же там написано, поэтому прочитала записку сразу, как только села в машину.

Позволь начать так: «Доброе утро, Уиллоу».

Я буду краток – я скоро влюблюсь в тебя. Это, конечно, звучит необычно. Я просто знаю это и хочу, чтобы ты тоже знала, на случай, если не сможешь полюбить меня в ответ. Я знаю, тебе не понравится, что я написал об этом на клочке бумаги, но, Уиллоу, это правда. Я пишу тебе о чувствах, которые меня пугают.

Надеюсь, у нас есть будущее, Уиллоу.

Найди меня, когда будешь готова. Я буду ждать тебя. Только тебя.

Приехав домой я приклеила записку к календарю в своей спальне, решив хранить ее там. Я не понимала, как воспринимать слова Уайатта, но одно мне было известно - я чувствовала то же, что и он, и собиралась сказать ему об этом.

Сегодня был мой первый выходной. Я запланировала четыре дня отдыха для нас с Аннетт и Кейтлин. Мы собирались навестить мою семью в Ноленсвилле. Я уже купила билеты на самолет, нам нужно было быть в аэропорту к пяти часам вечера. Я упаковала наши с Аннетт чемоданы, а Кейтлин сказала, что разберется со своим «барахлом» к нашему приезду.

Я написала свое письмо Уайатту. Не могла же я уехать на четыре дня, не ответив ему. Ни один из нас не вынес бы этого. Я буду скучать по нему и предвкушать нашу встречу, но эта поездка была мне необходима. Я давно не видела родителей. В последний раз мы с Аннетт видели их год назад.

Там же жила Трейс Дейнс, мать Кеннеди. Мы с Аннетт скучали по ней. Мне нужно было рассказать семье правду. Трейс тоже была моей семьей. Она была бабушкой Аннетт, но даже спустя восемь лет никто, кроме меня, не знал об этом. Так что открыть всю правду будет справедливо. Я была готова открыть свою душу.

Вчера я позвонила маме с папой и сказала, что приеду домой. Конечно, они обрадовались. Взволнованные родители и бабушка с дедушкой, они уже ждали нас. Они даже умоляли привезти Кейтлин, и мне пришлось ее убеждать. Я согласилась платить за продукты два следующих месяца, так что Кейтлин согласилась.

— Тебе придется участвовать в разговорах и куда-нибудь с нами ходить, — говорила я ей.

Она громко простонала и ответила:

— Ага, ладно.

Сейчас я ждала Аннет у школы. На этот раз я оставила машину на парковке вместо того, чтобы ждать у выхода, потому что собиралась зайти в школу. Я должна была объяснить, почему Аннетт будет отсутствовать на занятиях.

И, конечно, там был ее учитель, у которого я должна была забрать домашнее задание. Все мои мысли были поглощены Уайаттом, а домашнее задание было последним, о чем мне бы хотелось его спрашивать. В руках я держала клочок бумаги.

Доброе утро, Уайатт.

Очевидно, что наши чувства взаимны. Давай не ходить вокруг да около, хорошо?

Да, я знаю, что скоро влюблюсь в тебя. И да, меня это устраивает. Я найду вас через четыре дня, мистер Бланкетт. Я уезжаю навестить семью в Теннесси. Уверена, вы с вашей правой рукой славно проведете время, пока меня не будет. Целую в щечку.

Я сложила листок, прежде чем положить его в карман. Это был мой ответ на записку Уайатта, и я тоже написала о своих чувствах на бумаге, это казалось мне справедливым. Коридоры школы наверняка будут переполнены, и вряд ли мне выпадет случай сказать это вслух.

Автоматически поставив машину на сигнализацию, я ускорила шаг. Я была одета в шорты цвета хаки, белую футболку с V-образным вырезом и кеды. Я выглядела как спортивная мамаша, но на самом деле наряд таким получился случайно. Выбирая одежду, я думала об отце, ведь мы увидимся уже сегодня вечером. И я спросила себя, в чем бы *papa* хотел меня видеть.

Мой отец, Маршалл, был консервативным игроком в гольф. Он ненавидел обувь с открытым носком, всегда считал шлепанцы и сандалии бесполезной обувью. Мама постоянно носила обувь с открытым носком лишь для того, чтобы поддразнить его, но это было забавно. В свое время я бы попала в *ад*, если бы он поймал меня в обуви, не закрывающей мои пальцы. И я зарубила это себе на носу.

Только выйдя из машины, я поняла, что мой вид был несколько не соблазнительным. Мысль, что Уайатт увидит меня в таком виде, не сильно меня порадовала.

Но стоило мне войти в школу, как я стала меньше переживать на этот счет. Уайатт пристально смотрел на меня. Хотя нас отделяли толпы детей, снующих по коридорам, для меня не составило труда найти его. Оказалось, он уже направлялся в мою сторону.

Мы встретились у открытого входа в школу, рядом с большим окном, откуда можно было наблюдать за ребятами, работающими за компьютерами.

Наши взгляды встретились.

— Уиллоу, — приветственно произнес он мое имя.

Я ничего не сказала. Достала записку из кармана и быстро протянула ему.

Он медленно взял ее из моих рук, в его глазах читалось любопытство.

— Когда мне стоит прочесть эту записку? — спросил он.

Я покрутила пальцем в воздухе.

— Отвернись, прочти, затем посмотри на меня и скажи свой ответ, — четко произнесла я.

Он усмехнулся:

— Ну хорошо.

Он сделал, как я просила, и я любовалась его задницей в шортах цвета хаки. Он был одет в бирюзовый свитер, и у меня в голове возник вопрос о том, в чем он был вчера.

Я предположила, что *любимый цвет Уайатта синий*.

Он повернулся ко мне, и я заметила, как он аккуратно положил записку к себе в карман. Неожиданно он усмехнулся:

— Я не могу ответить тебе здесь. Пройдем в мой класс?

— Эм-м, — задумалась я.

— Это займет всего секунду, — уверил он.

Аннетт ждала меня на улице, и я нервничала из-за этого, но мне казалось, что этот разговор с Уайаттом важен. И он действительно *был важным*. Аннетт подождет на скамейке. Она говорила, что всегда ждала на скамейке, когда я задерживалась на работе и за ней приезжала Кейтлин. С ней все будет в порядке. Мне нужно было расслабиться. Назовем это визитом к учителю.

— Хорошо, конечно.

Я последовала за Уайаттом, и мы зашли в его класс. Он повернулся ко мне, как только я закрыла за собой дверь.

— Я не собираюсь как-то странно начинать наши отношения, — выпалил он. — Просто в какой-то момент парни начинают сильно нервничать, понимаешь? Я построил себе сильную защиту. Конечно, я боялся, что ты уйдешь после того, что я тебе наговорил, но, Уиллоу, я так рад, что ты этого *не сделала*. Я так рад, что ты оказалась той девушкой, какой я тебя считал, — он говорил медленно, и я понимала, что слова давались ему нелегко, а потому не сомневалась в их *искренности*. Я не могла оторвать взгляд от его глаз, он смотрел на меня, и я не могла устоять.

Я открыла было рот, чтобы ответить, но он предупредительно поднял палец вверх.

— Не так быстро, — улыбнулся он. — Хочу, чтобы ты ответила мне на бумаге. Напиши свой ответ на... — он запнулся, начав шарить по своему столу. Открыл блокнот и вырвал чистый лист. — Хочу, чтоб ты написала свой ответ здесь, — настаивал он, протягивая мне вырванный листок. Он схватил ручку со стола и протянул мне и ее.

Я непонимающе смотрела на лист бумаги в своих руках, затем, не колеблясь, сказала:

— Хорошо.

Я повернулась к нему спиной, проходя вперед, села за первую парту в среднем ряду и сразу начала писать, крепко сжимая ручку.

Мне нужно кое-что понять, Уайатт.

Это сложно, но я не смогу прожить и дня, если не скажу тебе.

Ты нужен мне.

Слова, которые я пишу на этом листке бумаге, самые искренние слова, что мне когда-либо доводилось писать.

Ты нужен мне, а я нужна тебе, и я буду скучать по тебе.

Только по тебе.

Может, поцелуемся, чтобы я искупила свою вину за отъезд на четыре дня?

На данный момент целоваться с тобой – мое излюбленное занятие.

Мне любопытно, какой ты сегодня на вкус.

Я помню лишь апельсиновый вкус твоих губ.

Целую.

Я встала из-за парты, подошла к нему, и, поймав его взгляд, протянула ему записку, даже не сложив ее.

— Прочти, — сказала я ему.

Он не стал спорить, тут же опустил глаза и стал читать. Он не мог выдержать ожидания. Не тогда, когда я настаивала, чтобы он прочитал записку в моем присутствии, незамедлительно.

Дочитав, он поднял голову и посмотрел на меня взглядом, полным эмоций.

Вместо слов, он ответил мне так, как я хотела. Он схватил меня и поцеловал. *Страстные поцелуи, нежные поцелуи, поцелуи, заставившие меня растаять в его объятиях.* Поцелуи Уайатта. Мы целовались на протяжении нескольких минут, обнимая друг друга. Я подарила ему парочку своих поцелуев, и могла с уверенностью сказать, что он оценил их, судя по тому, как страстно он поцеловал меня в ответ.

Его поцелуи были словно волна, окатившая меня с головы до ног, наши тела, наши губы, наши пальцы.

Мы остановились, молча обнимая друг друга и стоя в тишине. Мы слышали лишь биение своих сердец.

Вместо того, чтобы попрощаться, он отодвинулся от меня, вырвал другой листок из блокнота и настроил пару слов. Сложив листок вдвое, он протянул его мне.

Я понимала, что должна прочитать его, когда буду одна.

— Четыре дня, — сказал он.

Я сунула листок в карман, кивая.

— Четыре дня, — повторила я за ним.

16 июля 1997 года, 13:08

Уиллоу

— Готов загадать желание? — спросила я Кеннеди.

Мы обедали в заведении «У Кейпа». Я задала ему вопрос, от которого, как мне казалось, Кеннеди мог почувствовать себя неловко, но я должна была знать, думал ли он об этом. Я не хотела, чтобы последние моменты его жизни были ужасными.

Кеннеди улыбнулся.

— У меня есть ты. Чего еще мне желать? Больше я ничего не хочу, — ответил он.

Я рассматривала его и шоколадные усы на его губах.

— Это из-за проекта «Счастье за деньги не купишь»?

Он пожал плечами.

— Я думаю, что мое счастье за деньги точно не купишь, но если бы у меня была возможность потратить чьи-либо денежки здесь и сейчас, я бы определенно это сделал, — приподнял он брови. — Помнишь тот раз, когда мы ходили в «Шесть флагов», Уилл? Я потратил свое желание на «Шесть флагов».

— Нет, я не помню, и нет, *ты не...* — я простонала. — А-а, дети, они совершают глупейшие поступки, не так ли?

Кеннеди кивнул.

— Поход в «Шесть флагов» был глупостью, не самое захватывающее зрелище в моей жизни, — сказал он. — Но мне было семь лет, Уиллоу, семилетние малыши умом не блещут.

А кто-то и до сих пор, подумала я.

— Это верно, — прокомментировала я, допивая молочный коктейль двумя соломинками. — Мне бы хотелось, чтобы мы сделали с тобой что-то важное, нечто такое, что бы запомнилось на всю жизнь, — сказала я ему.

Он кивнул, улыбаясь.

— Я работаю над этим.

— Над чем? — удивилась я. — Ты не можешь держать меня в неведении, Кеннеди. Это против правил.

Мы уже собирались уходить.

Кеннеди смял мусор в одной руке и засунул его в стакан из-под коктейля, как сделала я.

— Нет никаких правил, когда речь идет о жизненных выборах. Каждый выбирает свой путь. Я работаю над одним планом, Уиллоу, *секретным планом*. Это будет сюрприз для нас, — продолжил он. — Можешь продолжать гадать или составить свой план, — предложил он.

— Хм-м, — я замерла. — Я оставлю эти мысли при себе пока что, но я слежу за вами, мистер. Ты знаешь, как сильно я ненавижу сюрпризы.

Он нетерпеливо вздохнул.

— Ты самый добродушный человек из всех, кого я знаю. Я оставлю без внимания твою нелюбовь к сюрпризам, но лишь потому, что знаю, в тебе нет ни крупицы ненависти, — ответил он. — Но это нормально, когда сюрпризы застают людей врасплох, я имею в виду и тебя. Людям обычно не нравятся вещи и чувства, которые они не понимают.

Кеннеди обожал устраивать сюрпризы. У него это отлично получалось, я всегда это знала. Я ненавидела не сами сюрпризы, а беспокойство от их ожидания. Постоянная неопределенность, напряженность. Я не любила ждать чего-то неизвестного. Это как носить повязку на глазах до определенного момента, ты слышишь что-то, но не видишь.

— Объясни, — просто сказала я.

Он выпрямился и пристально посмотрел мне в глаза, протягивая руки через весь стол.

— Сюрпризы заставляют твое сердце биться быстрее в изумлении. Они производят эти волнующие ощущения, которые дают человеку иллюзию более яркой жизни. Это прекрасно, Уилл. Это, безусловно, прекрасно, и пока ты сама в этом не убедишься, я не умру — подмигнул он.

— Это честно, — кивнула я в ответ, улыбаясь. — Ты знаешь, я не против того, чтобы меня убеждали. Все возможно.

Мы встали и, выкинув мусор, направились к выходу.

— У меня большие планы, Уилл. Ты даже не представляешь. Не ждать ничего, принимать все, остальное ты и сама знаешь, — сказал он мне.

Мы катались на велосипедах. Проезжая небольшую цветочную поляну, мы остановились и сорвали несколько цветов, которые нам не принадлежали. Мы говорили о смысле цветов. Я сорвала *последние* оставшиеся три цветка, которые мне понравились, пока Кеннеди собирал свои.

Мы поехали домой, уселись в кресла и разговаривали до самой ночи. На прощание мы сказали друг другу «Привет». Я вошла к себе домой, держа в руках три синие розы, которые так сложно найти, одну розу я дала маме и одну отцу. Они восторженно удивились:

— *Я и не знала, что бывают синие розы!*

Я согласилась с ними, и цветы им очень понравились.

Я налила воды в чистый стакан, поставила *туда* оставшуюся синюю розу и отнесла к себе в комнату.

Села на не застеленную кровать и уставилась в окно. Я смотрела на розу и размышляла над смыслом красоты.

- *красота – [кра-со-та́] – суц.*

1. *Сочетание таких качеств, как форма, цвет, и/или очертания, которые радуют человека, в основном, с виду.*

2. *Соблазнительный или привлекательный человек.*

Я подумала, что синяя роза представляла собой изначальное определение красоты. У этого цветка красивый цвет, форма и аромат. Вторым определением красоты был Кеннеди, потому что кто может быть красивее того, кто видит только красивое?

Я смотрела на синюю розу и думала о том, что красота умеет прятаться. Как естественное может прятаться за неестественными вещами, и я задумалась, *а бывают ли вообще синие розы?*

Я встала, чтобы узнать.

Подошла к подоконнику, взяла розу и перевернула ее стеблем вверх. Она вся была синей, *никаких пятен*, но кое-что скрывала. Я держала в руках белую розу, окрашенную в *синий цвет*, я доказала, что хотела, и отчаяние настигло меня. Я опустила розу в стакан с водой и сделала шаг назад, наблюдая, как вода *постепенно* меняла свой цвет.

И я снова задумалась о красоте и о том, как долго этот цветок мог бы прятаться. Эта роза была красива сама по себе — синей, белой или всех цветов радуги.

Я приложила руку к груди, только сейчас полностью осознав, что сюрпризы - это и правда прекрасно. Сюрпризы — это безусловно и бесспорно прекраснейшие вещи в нашей жизни.

1 сентября 2006 года, 09:02

Уиллоу

Мои родители не случайно были ранними пташками. Мама работала сама на себя с тех пор, как начала продавать продукты домашнего производства и стала популярной в их небольшом городке. Отец покинул службу в военно-воздушных силах и ушел в отставку, когда ему было сорок два. Родители всегда любили вставать рано, не потому что причиной тому была разочаровывающая, утомительная и ненавистная работа, высасывающая всю жизнь. Они получали деньги за то, что делали с удовольствием.

Отцу нравилось играть в гольф со своими товарищами по полю и смотреть футбол с друзьями в баре. Он был весьма рискован человеком, поэтому питал слабость к азартным играм. Думаю, ему также нравилось проводить время с моей мамой. Он любил ее, и я знала, что он никогда не перестанет любить ее.

У матери не было друзей, потому что она не доверяла женщинам, а отец не доверял мужчинам. Она все время проводила в саду, ей нравилось выращивать овощи и фрукты, она любила показывать свой красивый сад и наблюдать, как люди восхищаются ее творениями и хотят их купить. Мама любила домашнюю еду и ни за что на свете не стала бы покупать что-либо из продуктов быстрого приготовления. Она была веселой и открытой. Если бы меня попросили привести пример женщины, которой я восхищаюсь, то я бы назвала Аннабель Монро. Она была примером для меня.

У нас с Кейтлин была скучная жизнь. Мы ненавидели рано вставать, и нам не нравилось то, как мы проводили будние дни, даже можно сказать, почти все свое время. Совсем недавно Уайатту удалось изменить мое отношение к людям и окружающему миру, и к *жизни* в общем. Постепенно я становилась прежней Уиллоу, но каким-то образом даже лучшей. Я была более взрослой Уиллоу, менее наивной и более предусмотрительной. Как если бы моя кожа стала принимать прежний, естественный цвет, и я снова стала чувствовать себя *живой*. Смерть Кеннеди подкосила меня сильнее всего в жизни.

Я хотела научиться жить дальше без него, и я начала принимать тот факт, что больше никогда его не увижу. Он хотел, чтобы я смирилась с этим и жила счастливой жизнью без него. Если бы он только знал, что у меня ушло на это девять лет.

Аннетт была уже внизу и помогала моей маме готовить завтрак. Каждый раз, посещая родителей в Теннесси, сколько бы я ни искала дочь, я находила ее с мамой на кухне. Она очень любила свою бабушку. И Теннесси она тоже любила. Я стояла в пижаме, с жутким беспорядком на голове, и смотрела на этих двух замечательных людей.

— Доброе утро, дорогая. Ты сегодня поздно вато, — сказала мама, поддразнивая меня.

— У нас был нелегкий перелет, — сказала я в свое оправдание, заходя на кухню и садясь на табурет, пока они обе суетились.

— Да, да, — усмехнулась она, — ваш перелет длился менее двух часов. Ты как большой ребенок.

— *Ма-а-ам*, — жалобно простонала я.

— Мамочка все время жалуется, ба, — наябедничала Аннетт, хихикая.

— Вот как, — мама удивленно приподняла брови, энергично взбивая сливочное масло в миске. — Что ж, малышка, она молодая девушка. Обычно девушки, точнее, *молодые девушки*, чаще парней недовольны своей жизнью.

Я покачала головой, усмехаясь.

— Нужна моя помощь? — предложила я.

— Нет, спасибо, дорогая, — мама тепло улыбнулась в ответ. — Может, разбудишь Кейтлин и обе начнете собираться? У нас планы на сегодня, сразу после завтрака.

— Почему я должна ее будить? — недовольно простонала я. — Ты понятия не имеешь, какой злобной бывает Кейтлин, когда переутомляется.

Мама вздохнула.

— Тебе уже двадцать семь лет, Уиллоу, и ты должна понимать, что нехорошо перечить маме.

Я встала, подошла к ним и крепко обняла маму за плечи.

— Я люблю тебя, мам.

— Я люблю тебя, дочка, — блаженно вздохнула мама, обнимая меня.

Аннетт поспешила к нам, обняла нас за ноги, и мы едва удержались в вертикальном положении.

Отец сидел в своем кресле в гостиной. Я поняла, что мы привлекли его внимание, когда услышала, как он встал. Улыбаясь, я посмотрела в его сторону через мамино плечо и сказала ему:

— Я люблю тебя, пап.

Он улыбнулся, отчего морщинки в уголках его глаз стали заметнее, подошел к нам и обнял нас всех, сказав: «Я люблю своих девочек больше всего на свете».

Как же хорошо было снова оказаться дома.

19:56

Мы все вместе отправились кататься на роликах. Кейтлин не была в восторге, но согласилась поучаствовать. Она взяла с собой ноутбук и спустя два часа после катания уселась за работу. Я не могла осуждать ее за то, что она взяла небольшой перерыв, я знала, что так и будет. Она даже поболтала с моим отцом, когда мы обедали в кафе «У Кейпа», что было весьма удивительно.

Привести Аннетт в это заведение оказалось не так уж сложно, как я ожидала. «У Кейпа» было нашим с Кеннеди любимым местом, куда мы постоянно ходили обедать. С этим местом и с Кеннеди у меня было связано много воспоминаний. Я не была уверена, что смогу спокойно показать Аннетт наш с Кеннеди дом, но я планировала сделать это в последующие три дня. Я собиралась набраться смелости и больше никогда не бояться.

Мы вернулись домой и поужинали, все были довольно уставшими после активного дня. Я устроилась в своей детской комнате, а Аннетт и Кейтлин в своих, благо у нас был достаточно большой дом.

Наконец, я осталась одна и была готова прочитать записку Уайатта, которую до сих пор так и не достала. После приезда в Теннесси я была слишком уставшей, у меня не оставалось сил вникнуть в слова Уайатта. Этим утром я не была готова прочитать его записку, потому что потом мне пришлось бы смотреть родителям в глаза. Мне нужно было остаться наедине с собой как до, так и после прочтения записки. Такой уж я была.

Я подошла к валявшимся на полу джинсам, в которых я была вчера, записка все еще лежала в кармане. Я достала бумажку и вернулась на кровать.

Я подарю тебе поцелуи в виде слов, чтобы скоротать эти четыре дня, что тебя не будет рядом, Уиллоу.

П – пламя – которое ты зажгла в моем сердце.

О – обитель – потому что стала моей обителью, частью моей души.

Ц – ценность – ты стала очень важным для меня человеком.

Е – элегантность – у тебя действительно хорошие манеры и вкус (шутка).

Л – любящая – в твоём сердце океан доброты.

У – умиротворение – я нашел для нас способ стать счастливыми.

И – интригующая – каким-то образом ты одна нашла путь к моей душе.

Буду ждать тебя с нетерпением, Уиллоу. Мои мысли только о тебе.

Я сложила листок и засунула его в передний карман спортивных штанов. Я лежала на кровати, уставившись в потолок и улыбаясь. В тот момент я поняла, что мне нужно многое рассказать ему через четыре дня.

14 августа 1997 года, 08:03

Кеннеди

Тамара, лучшая подруга моей мамы, приехала к нам погостить из Орегона. Я был с ней мало знаком. Помню, что она была хорошей и любила мою маму как родную сестру. Она редко нас навещала, не чаще одного раза в два года. Они с моей мамой вместе ходили в одну школу.

Вчера вечером я слышал, как мама плакала в ванной, говоря по телефону с Тамарой. Мама рассказала ей, что у меня последняя стадия рака мозга. Ей нужен был друг, а мне нужно было решение. Я почувствовал облегчение, когда мама сказала, что Тамара очень хотела со мной поговорить, дать совет. И я хотел услышать ее совет. Тамара понимала смерть. Я не знал, как или почему, но она понимала.

У меня стали проявляться негативные симптомы, и я не хотел, чтобы Уиллоу это видела. Я не хотел, чтобы она думала, будто я нуждаюсь в помощи или в уходе. Уиллоу должна верить, что я в порядке.

Я уже мысленно распланировал, как мы скажем друг другу «Привет» в последний раз, но это было непросто. Я не хотел смотреть, как она уходит, и не хотел проживать свои последние дни без нее.

Последний раз мы скажем друг другу «Привет» шестнадцатого августа. Семнадцатого августа она уедет в колледж в Чикаго. Мне многое хотелось сказать ей, о многом нужно было с ней поговорить. Я не собирался отпускать ее, не сказав, что влюблен в нее, я не мог. Я знал, что не смогу иначе.

Мне хотелось поговорить с Тамарой о боли. О душевной и физической боли. Об Уиллоу.

Мы с мамой собирались встретить ее в аэропорту в восемь пятнадцать сегодня утром. Мы как раз были в пути. Мама все время смотрела на меня, улыбаясь, затем сжала мое колено. Оставить ее было второй самой сложной частью в этой ситуации.

Мы проехали еще несколько поворотов, и я почувствовал головокружение. Желудок издал неприятное урчание. Мне пришлось потянуть маму за руку, чтобы она остановилась на обочине. Я открыл дверь и высунулся наружу, меня окатила волна жара. Успев вытянуть шею за секунду до того, как мой желудок стало выворачивать наизнанку, я почувствовал влажность во рту. Оставляя завтрак на обочине, я мысленно перебирал все возможные значения слова «мучения».

Страдания. Боль. Муки. Несчастье.

Мама протянула мне салфетки, я взял одну и, сложив ее вдвое, вытер губы.

— Думаю, меня просто укачало в дороге, мам, ничего серьезного, — сказал я ободряюще, закрывая дверь.

— Я поведу медленнее, — ответила она дрожащим голосом. Я никогда раньше не видел такой усталости в ее глазах. Их синий цвет потемнел, отчего мне стало грустно. Любые изменения во внешности мамы огорчали меня, потому что причиной тому был я. Ее длинные темные волосы стали тусклыми и тонкими. Она казалась похудевшей.

Я отвернулся и уставился в окно, закусив кулак. Мама была такой же несчастной, как и я. Ей приходилось каждое утро смотреть, как мне становится хуже. Тишина не была спокойной, нас окружало ощущение тревоги. С Уиллоу все было иначе. Через два коротких дня я увижу, как она

уйдет, мне не верилось в это. Я не хотел умирать вот так. Медленно. Я не знал, когда именно умру, возможно, когда боль достигнет своих пределов. У меня даже не было уверенности во всем том, что было вчера, я не хотел, чтобы мои последние дни были несчастными. Я не хотел забывать свои края или что такое счастье. В моей жизни было много счастья, и мне не хотелось, чтобы мучения, что я испытывал сейчас, уничтожали это счастье.

Мы доехали до аэропорта в тишине, не зная, о чем говорить, и хотелось ли нам вообще разговаривать.

— Тамара найдет нашу машину, — сказала мама.

На ее лице читалась горечь. Мне хотелось заткнуть уши. Мне нужно было лекарство от тех чувств, что меня поглощали, что мучили мою мать и Уиллоу. Я лишь хотел, чтобы каждый был счастлив. Это все, чего мне хотелось.

Вскоре Тамара нашла нас. Я сложил ее сумки в багажник, пока они с мамой крепко обнимались. Тамара попросила меня сесть в машину, так как им нужно минутку поговорить наедине. Я обнял ее и вернулся в машину.

В окно я видел, как Тамара что-то говорила маме, а та кивала ей в ответ. Я не мог видеть слезы в их глазах и отвернулся. Мне и хотелось знать, о чем они говорили, и нет. Я лишь знал, что Тамара собиралась поговорить со мной о чем-то, и очень ждал этого. У меня были варианты и мне не терпелось узнать о них. Я не боялся за себя. Я переживал за Уиллоу и за маму. Хотелось бы мне принять тот факт, что я умираю, и чтобы каждый принял его, но жизнь была полна трудностей, и эта была одна из них.

11:03

Я провел несколько часов с Уиллоу в нашем с ней домике, затем вернулся домой. Тамара уже обустроилась у нас. Мы вместе поужинали в гостиной, смотря новости. Мать собрала наши тарелки, после чего поцеловала меня в лоб и ушла наверх. Тамара посмотрела на меня и улыбнулась грустной улыбкой.

— Где ты был? — неожиданно спросила она.

— А-а, — на минуту заколебался, — я был с Уиллоу.

— Вон оно как, — сказала она, осознав сказанное мною. — Разве она не твой лучший друг?

— Так и есть, — медленно кивнул я в ответ.

Тамара вздохнула.

— Я понимаю, ты не хочешь, чтобы следующие несколько дней наступили, Кеннеди, — сказала она тихо.

— Не думаю, что эти дни будут хорошими, — ответил я. — Уиллоу уедет в колледж семнадцатого августа.

Тамара нахмурилась.

— Подожди, что? — раздраженно спросила она. — Я в шоке. Я думала, она останется... Ну, понимаешь, с тобой, — продолжила она.

Я не чувствовал себя преданным из-за того, что Уиллоу уезжала в колледж вместо того, чтобы остаться и смотреть, как я умираю. Она планировала отменить поездку из-за меня, но я не собирался ей этого позволить.

— Мне не удалось убедить ее уехать, но я сделаю это. Это бесплатная медицинская школа. Она всегда хотела туда поступить. Я не позволю ей из-за меня упустить такую возможность построить карьеру, — объяснил я.

Я изучал Тамару. Смуглая кожа, светлые волосы, зеленые глаза. Обычно она была энергичной и добродушной. Сейчас она выглядела серьезнее, чем я помнил. Я не знал, это чья-то смерть изменила ее, или она просто приняла такой вид во время нашего разговора.

— Как думаешь, все останется прежним или станет хуже, когда она уедет? — спросила она. Я пожал плечами.

— Я люблю Уиллоу больше жизни. Мы ни дня не провели врозь. Так что, думаю, все станет хуже. Да, несомненно, — ответил я хрипло.

— А твоя мама, — спросила она тихо, — ты сожалеешь о том, свидетелем чего ей приходится быть?

Этот вопрос задел меня.

— А как *ты* думаешь, Тамара? — спросил я резко, хмурясь. — Конечно, мне жаль. Я знаю, что не сам вызвал у себя эту опухоль, убивающую меня, но *да*. Мне жаль, что маме приходится видеть, как меня каждое утро тошнит. Жаль, что она видит, как я все время лежу, потому что мне не хватает сил встать, или как я принимаю мелатонин, чтобы поспать днем и не испытывать головных болей. Все это полный отстой, Тамара.

Все это было *настолько* дерьмово, что, по-моему, она не должна была и спрашивать.

Тамара резко вздохнула:

— Все станет еще хуже.

— Я догадываюсь, — громко сказал я. — Но к чему ты клонишь?

Она покрутила пальцами с секунду или две.

— Что ты думаешь насчет летальных препаратов? — не спеша спросила она.

— Мне мало что о них известно, — честно ответил я. — Но я бы хотел, чтобы ты рассказала, что ты сама думаешь об этом, если ты не против.

Она понимающе кивнула.

— Этот препарат называется *секобарбитал*. В Орегоне его законно применяют для неизлечимо больных. Генри, мой супруг, спланировал свою смерть с помощью этих лекарств. Он решил не тянуть, как только боль станет нестерпимой, — начала она, делая глубокий вдох.

— Муж написал письмо каждому, кого любил. Мы провели его последний день вместе. Он принял секобарбитал перед сном, и я проснулась рядом с его бездыханным телом. Я ожидала этого, поэтому мне было не так больно, как если бы смерть пришла неожиданно. Конечно, я горевала, ведь любила его. Но я знала, что он ушел, вспоминая лучшие моменты своей жизни, а не с мыслями о боли.

Я вытянул салфетку из коробки, лежащей на кофейном столике, и протянул ей. Она промокнула салфеткой уголки глаз.

— Я думаю о смерти все время, Тамара. Я понимаю, что станет намного хуже, когда Уиллоу уедет. Боль станет нестерпимой. Мне будет одиноко. Я лишь сделаю маму еще более несчастной, — сказал я, как бы извиняясь за все, а затем подумав, спросил, — Тамара, ты заговорила про летальные препараты, потому что привезла их?

Она выпрямилась и, поймав мой взгляд, кивнула.

— Да, у меня есть лекарство. Сначала я обсудила это с твоей мамой. Она сказала, что ты сам должен решить. Как решишь, Кеннеди, так и будет. Но ты должен сказать маме, прежде чем сделать что-либо, — сказала она.

Мне показалось, было бы неплохо иметь альтернативный выход. Мне не нужно было принимать решение прямо сейчас.

— Я подумаю об этом, — сказал я в конце концов.

Мы оба встали и направились наверх.

3 сентября 2006 года, 08:03

Уиллоу

Сегодня мы с Аннетт планировали навестить Трейс. По телефону она сказала, что у нее все хорошо. Она так и не вышла замуж, что меня удивило, ведь она была красивой женщиной и достойной личностью. Я сказала, что мне нужно кое-что сообщить ей. Она ответила, что свободна сегодня и что, возможно, тоже кое-что расскажет мне, нечто, что годами держала в себе. Мне стало интересно, что она имела ввиду, но Трейс не стала вдаваться в детали. Сейчас мы всей семьей вместе с Кейтлин завтракали, обсуждая разные темы.

Кейтлин рассказала мне, что пытается забыть свою школьную любовь, Брайана, потому что он стал встречаться с другой женщиной. Он не старался защитить ее, и я подумала, что он не может быть судьбой Кейтлин. Он оказался подлецом и не заслуживал ее любви. Я сказала ей, что она заслуживала лучшего обращения, и что ей не обязательно быть дружелюбной со всеми, если не хочется. Через неделю или две я скажу ей, что она еще встретит свою любовь однажды.

Я активно уплетала кашу, когда мама посмотрела на меня, тепло улыбаясь, и сказала, что мне нужно помочь ей собрать овощи. Мне пришлось ответить ей, что лучше сделать это завтра.

Отец был очень рад, что мы приехали. Он не выходил из дома, не ходил с друзьями играть в гольф или в бар, потому что мы, наконец, были дома. Я любила добрую улыбку отца, и мне ее не хватало. Он до сих пор называл меня ребенком, но я никогда не возражала.

Мы с Аннетт собирались уехать сразу после завтрака. К тому времени Трейс уже должна была проснуться. Насколько я помню, она плохо спала, но всегда рано вставала. Я представила, как мы стучим к ней в дверь, в то время как она будет попивать кофе и читать газету.

Все позавтракали и стали расходиться. Мы с Аннетт вышли на улицу и нашли свои велосипеды, которые привезли из дома в прошлом году. Я сказала ей, что мне нужно кое-что сообщить ей, прежде чем мы поедем, и она согласно кивнула, подняв на меня взгляд. Я взяла ее ручки в свои.

— Это будет непросто рассказать, — начала я.

— Это хорошая или плохая новость? — спросила она, прежде чем я продолжила.

— Хорошая, — улыбнулась я, и она улыбнулась мне в ответ. — Я совершила ошибку, не рассказав тебе об этом раньше.

— В чем дело, мамочка? — нетерпеливо спросила она.

Я вздохнула.

— У тебя две бабушки, дорогая. Трейс...

— Трейс тоже моя бабушка? — возбужденно спросила она, прервав меня. — Это и правда хорошая новость, мамочка!

— Так и знала, что ты это скажешь, — улыбнулась я. — Мне нужно рассказать об этом и Трейс, так что сохрани это в секрете ради мамочки, хорошо?

— Хорошо, — согласилась она.

— Честно-пречестно? — я выпустила ее ручки и протянула мизинец. Она протянула ладошку, и мы сцепили мизинцы.

— Честно-пречестно, — пообещала она.

Мы сели на велосипеды и поехали.

09:02

Мы приехали к Трейс, и при виде ее дома у меня перехватило дыхание. Этот дом был мне как родной. Хотя он и был большим, но для меня он был чем-то наподобие «*везде хорошо, а дома лучше*». Мы с Аннетт вздохнули и поднялись по ступенькам. Я постучала один раз, затем позвонила в звонок.

Трейс распахнула дверь, и Аннетт бросилась ей в объятия.

— Как же я рада видеть тебя, букашка! — женщина крепко обняла Аннетт.

Четыре года назад Трейс прозвала ее «букашкой». Аннетт всегда любила природу, и какое-то время собирала жучков, но вскоре устала от следов всякой живности на руках. Кейтлин все время говорила ей, что негигиенично приносить насекомых в дом, так что она бросила это хобби где-то через год.

Дочка опустила ручки и, улыбаясь, отстранилась. Трейс распахнула дверь шире и сказала нам:

— Что ж, не стойте на пороге, проходите!

Аннетт юрко пробежала мимо меня и вошла в дом. Я медленно прошла вперед, закрывая за собой дверь. Трейс уперла руки в бедра, широко улыбаясь мне, и я обняла ее, не колеблясь.

— Я так скучала по тебе, Трейс, — прошептала я.

— Я тоже скучала по тебе, Уиллоу, — шепнула она в ответ.

Мы направились в гостиную, и я услышала незнакомый женский голос.

— Кто там?

— Уиллоу и ее дочь Аннетт. Я говорила тебе, что они придут в гости, — ответила Трейс женщине, очевидно, раздраженная тем, что та заговорила.

Мы встали перед диваном, куда Аннетт, не задумываясь, плюхнулась.

— Кто это? — тихо спросила я Трейс.

Она вздохнула.

— Мы дойдем до этого, обещаю.

Мои глаза распахнулись в удивлении.

— Это твоя?.. — я замолчала, понятия не имея, кем может быть эта женщина, и желая, чтобы Трейс немедленно мне все рассказала.

Трейс снова вздохнула, на этот раз громче.

— Детка, почему бы тебе не посмотреть здесь телевизор, пока мы с мамой поговорим на кухне? — спросила она Аннетт, которая уже не обращала на нас внимания.

— Хорошо, — кивнула дочка, взяв пульт и переключая каналы, пока мы с Трейс уходили на кухню и садились за круглый стол. Кухня не была огорожена стеной от гостиной, так что мы могли видеть, чем занималась Аннетт.

Трейс села напротив меня, сцепив руки на столе, как и я.

— Это Тамара, моя девушка, — тут же призналась она. Ее лицо не выражало страха или ожидания приговора, скорее, уверенность, и я уважала ее за это.

— О-о, — я замолчала. — И как давно вы вместе? — мой вопрос прозвучал не без любопытства.

Никогда не подозревала, что Трейс нравятся женщины, хотя вполне возможно, что она предпочитала женщин все то время, что я ее знала. Я никогда не видела ее с мужчиной.

Она вздохнула.

— Мы скрываем свои отношения семнадцать лет. Это началось очень давно. Она переехала сюда из Орегона девять лет назад, но в общество мы выходим вместе всего два года. Я была

влюблена в нее со школы.

Мне было сложно принять все это разом. Она так долго скрывала это, и я не могла понять, как и почему, ведь Трейс была одной из тех людей, которых меньше всего волновало мнение общества.

— Можно узнать, почему ты так долго держала это в секрете? — спросила я медленно.

— Это справедливый вопрос, — вздохнула она. — Это не послужит оправданием, но это все, что я могу сказать. Я приняла свою сексуальную ориентацию всего два года назад, Уиллоу. Я не хотела, чтобы Кеннеди, ты или твои родители знали, что я лесбиянка. Не хотела, чтобы кто-либо узнал об этом. Я всегда думала о своих родителях, они ведь люди консервативных взглядов. Убеждала себя, что была не готова к тому, чтобы мои любимые мешали мне быть тем, кто я есть, но на самом деле я сама не позволяла себе этого. Есть ли в этом хоть какой-то смысл, — продолжила она.

Я взяла ее за руки и крепко сжала их.

— Я люблю тебя, несмотря ни на что. Мы люди, Трейс. Мы не выбираем, кого любить. Мы любим тех, кого велит любить нам наше сердце, — улыбнулась я ей.

— Мы любим тех, кого велит любить нам наше сердце... это истина, — согласилась она, улыбаясь мне.

— Я учусь так жить, — ответила я.

Неожиданно она нахмурилась.

— Я должна сказать кое-что еще, — объявила она, понизив голос. — У Кеннеди нет отца. Я дала ему жизнь, но меня оплодотворили спермой донора. У меня никогда в жизни не была секса с мужчиной.

Я громко вздохнула.

— Ты говорила об этом Кеннеди?

Она кивнула.

— Да, перед его смертью. Я знала, что рано или поздно мне придется рассказать ему.

— Хорошо, что ты это сделала.

— Он должен был узнать, — пожала она плечами.

— Что ж, раз уж мы начали делиться секретами, — я запнулась на мгновение. — Мне тоже кое-что нужно рассказать тебе.

— И что же это за секрет? — спросила она.

Я постаралась ответить незамедлительно.

— Аннетт на сто процентов твоя внучка.

Она просто кивнула.

— Я как бы догадалась. Ты бы меня больше не увидела, если б это было не так.

— Уф, — я отпустила ее руки, улыбаясь. — Все в тебе напоминает мне о нем.

Она тепло улыбнулась в ответ.

— Он был бы таким замечательным отцом, несмотря на то, что рос только с матерью. Я даже удивилась, что он не оказался растяпой.

Я слегка засмеялась.

— Я скучаю по нему каждый день.

— Скажу тебе больше, Уиллоу, — тяжело вздохнула она. — Все, кто знал его, скучают по нему.

Я согласно кивнула, потому что это была правда.

— Уиллоу, возможно, это не мое дело, но ты нашла кого-нибудь? — осторожно спросила она.

— Эм-м, что-то вроде того, — пробормотала я.

Она хихикнула.

— Нашла. Ты встретила кого-то. Я знала, что это произойдет. И как зовут этого парня? — спросила она настойчиво, подперев руками подбородок и сложив локти на стол.

— Как ты узнала, что это парень? — поддразнила я.

— Ты с самого детства ненавидела девчонок, — не отступала она.

В этом Трейс была права.

— Не знаю, тот самый ли он, но надеюсь на это, — призналась я. — Его зовут Уайатт Бланкетт. Он был моим пациентом в больнице, и еще он учитель Аннетт.

— Ух ты, какое совпадение, — воскликнула она.

— Именно, — я кивнула. — Не думаю, что остальные детали покажутся тебе интересными, так что, пожалуй, это все.

— Погоди-ка! — она бросила на меня взгляд. — Ты любишь его или нет?

— Еще не поняла, — простонала я.

— Как давно вы встречаетесь? — спросила она.

— Без подробностей, Трейс. У нас не было свиданий. У нас даже не было секса пока.

— Кто знает, что должно быть первым: секс, любовь или свидания, — засмеялась она. — Так ты влюблена в него? И это все? — продолжала дразнить она.

— Трейс, я не совсем влюблена в него, но знаю, что однажды полюблю его *очень сильно*. Это может случиться быстро. Любовь может войти в мою жизнь, как только я вернусь в Иллинойс. Он может неожиданно появиться в Ноленсвилле и любовь найдет меня здесь. Такой ответ тебя устроит? — выдохнула я.

— Успокойся и не изводи себя, — ухмыльнулась она. — Я думаю, ты все еще пытаешься осознать, что именно чувствуешь. Ты еще молода. Со временем, Уиллоу, вам станет комфортно вместе. Просто надеюсь, что он будет стараться так же, как и ты, или же у вас могут возникнуть проблемы на этом пути. Тамара злилась на меня какое-то время, потому что я не хотела держать ее за руку или целоваться на людях. Думаю, то, что ты сейчас переживаешь с Уайаттом, похоже на нашу ситуацию. Просто будь осторожна.

— Конечно, Трейс. Спасибо.

— Приходи ко мне, когда разберешься, хорошо? Я кое-что дам тебе, но только когда ты полюбишь кого-то, кто бы это ни был, — заключила она.

Я кивнула, ответив:

— Договорились.

Мы вернулись в гостиную, и Трейс позвала Тамару присоединиться к нам. Тамара была красивой блондинкой и намного более дружелюбной к незнакомцам, чем Трейс. У нее были добрые зеленые глаза. Она мне понравилась. Мы перекусили, затем пообедали вместе, сыграли пару игр. Это взбодрило меня.

16:53

Мы с Аннетт покинули дом Трейс. Я попросила дочку сесть на велосипед и ехать за мной, и сказала, что мы поедem в один заброшенный домик в лесу. Я хотела, наконец, показать ей, где жила. Я провела там много времени, и была там с первым мужчиной, которого любила и который был ее отцом. Наш с Кеннеди дом обветшал настолько, что было небезопасно туда заходить, но он все еще стоял. Он был по-прежнему прекрасен, и по-прежнему оставался моим самым любимым местом. Я сказала ей, что ее папа встречал меня здесь каждый день, а дочка сказала, что хотела бы узнать, как выглядел ее отец, и последовала за мной к дому моего детства. Мы зашли на кухню, держась за руки, и я указала на фотографию на холодильнике. Это была наша с Кеннеди фотография с выпускного вечера. Она взяла ее, удивленно и с любопытством разглядывая.

— Это вы с папой? — тихо спросила она.

— Да, дорогая, это мы с папой, — вздохнула я, кладя руку ей на плечо.

17 августа 1997 года, 08:34

Кеннеди

Перед сном я плакал, и утром проснулся со следами слез на щеках. Я снова заплакал, представив образ Уиллоу. Она была очень расстроена и несчастна вчера.

Вчера я последний раз видел Уиллоу. Мне не хотелось вылезать из постели. Я лежал на простынях, размышляя, *что, если закончить все это дело всего за несколько часов?*

Я не мог опуститься до самоубийства. Не мог умереть трусом. Мне хотелось быть сильным. Не хотелось кончать с жизнью при помощи таблеток. Я хотел верить, что у меня есть причина жить, сколько смогу.

Вернувшись вчера домой, я написал стихотворение для Уиллоу, которое она получит от кого-то другого, но уже не из моих рук. В нем заключалось объяснение того, почему я сказал ей последний раз «Привет» так скоро.

*Сегодня ты сказала мне,
Что не оставишь меня умирать одного.
Мы влюблены,
Мы через столько прошли,
И не должны терять пути домой,
И не должны искать мы новый дом.*

*Правда в том, что у меня рак,
А ты все равно хочешь быть рядом.
Я расскажу тебе кое-что о болезни,
Она врывается в твое тело, уничтожая его.
Вскоре я потеряю нить своих мыслей,
Я потеряю покой.*

*Болезнь будет медленно меня пожирать,
Постепенно она победит,
И, в конце концов, украдет мою жизнь.*

*Мой разум не будет мне принадлежать,
Я не смогу узнать любимых людей.
Я не смогу даже тебя узнать.
Если ты будешь рядом,
Почему люблю тебя – не смогу и это сказать,
Я не смогу улыбнуться при встрече взглядами.*

*Чужая любовь не кажется милой,
Она непривычна, манипулирует,
Сидя у моей кровати, ты будешь плакать, жалея меня,*

А я буду одинок, твоих чувств не понимая.

*Я не могу позволить тебе меня таким видеть,
Это эгоистично и неправильно,
Несправедливо по отношению к тебе.
Сейчас я могу сказать, что люблю тебя,
Сейчас я это понимаю
И с гордостью заявляю,*

*Всего лишь один раз,
Уиллоу Рене Монро,
Говорю – Я люблю тебя,
И это правда.
Я люблю тебя больше жизни,
И буду любить тебя всем сердцем,
Даже когда потеряю рассудок.*

*Любовь к тебе как рак,
Но не такой опасный.
Ты завоевала меня целиком
И свела с ума.*

— Кеннеди Дэйнс, 16 августа 1997 года

П.С.: Когда в твоём сердце загорится пламя, позволь себе влюбиться в кого-то ещё. Говори любимым, что любишь их, чтобы они всегда об этом знали. Не позволяй нашей истории поставить точку в твоей личной жизни. Ты была моей вечностью. Я был твоим началом.

Конечно, я не считал себя поэтом, но знал, что ей понравятся мои слова, и что она последует моему совету. Она не сразу сможет прочесть это стихотворение, для начала ей придется научиться жить дальше. Я не хотел, чтобы она читала эти строки, будучи несчастной и нестерпимо тоскуя по мне. Если она любила меня так же сильно, как я ее, а я знал, что это так, она будет разбита и не скоро сможет оправиться. На это уйдут годы.

Я заставил себя встать, чтобы сообщить маме и Тамаре, что не собирался принимать таблетки. Я не считал это лучшим выходом. Мне хотелось жить своей жизнью и дальше. Не хотел приближать конец, даже если он будет менее болезненным.

Они отнеслись к моему решению с пониманием. Мама почувствовала облегчение, как я и предполагал. Она не хотела, чтобы я принимал эти таблетки. Мама хотела, чтобы я оставался сильным, и я пообещал ей, что буду стараться. Смерть естественна, какой бы мерзкой она ни была. Я не мог ускорить ее приход или изменить исход, да и не хотел.

— Я хочу смыть таблетки в унитаз, Тамара, — сказал я.

Она взяла меня за руку и сжала ее:

— Ты прав, лучше убрать их с глаз долой.

Я кивнул, добавив:

— И выкинуть из головы.

Тамара достала таблетки из тумбочки, и я последовал за ней в ванную.

— Хочешь сам сделать это, или лучше я? — мягко спросила она.

— Сам, — ответил я.

Взяв у нее пузырек, я снял крышку и выкинул все таблетки в унитаз, потянул за рычаг и смотрел, как они смываются водой.

— Я почему-то чувствую себя лучше, — вздохнул я, закрывая пустой пузырек и протягивая его Тамаре. — Мне все равно, куда ты положишь его.

Она засунула пузырек в задний карман брюк.

— Ты сильнее, чем был мой муж, — прошептала она.

Я крепко обнял ее за плечи.

— Я силен настолько, насколько выгляжу таким, — ответил я.

Я был худым, но не слишком, и высоким. Я никогда не стремился накачать мышцы и это было заметно.

— Ты удивительный парень, — просто сказала она. — Ты намного мудрее остальных, в том числе и меня.

Если бы она только знала, как тяжело далось мне решение выкинуть таблетки. Вчера я чуть не согласился принять их.

Я остановил себя, подумав, что это тяжело, но я не могу отказаться бороться.

Не каждому дается время сделать выбор. Я просто вовремя смог постичь смысл.

— Тамара, человек может перенести очень многое. Мы просто по-разному все переживаем. Кого-то смерть может свести с ума, заставив думать, что они ненавидят тех, кого на самом деле безгранично любят. У них нет на то причин, лишь их мысли и какие-то мотивы. Возможно, твой муж считал, что это правильно, для тебя и для него самого. Я бы не сказал, что он был слабым, потому что принял такое решение, — сказал я ей.

Она всхлипнула, вздыхая.

— Я рада, что ты решил побыть с нами еще какое-то время.

Мы отпустили друг друга.

— Я понял, что это необходимо, — пожал я плечами.

Мы спустились вниз, где мама ждала нас, сидя на диване. Она протянула мне полную чашку чая, и я тепло и благодарно улыбнулся ей. Как мог я ускорить свой уход из жизни, когда моя мама вот так улыбалась мне. Даже несмотря на мешки у нее под глазами, да и у всех нас. Мы были уставшими и изможденными. Ожидание смерти сказывалось на всех нас, было очевидно, что мне не уйти от нее.

— Я люблю тебя, мам, — сказал я.

— Я тоже люблю тебя, сынок, — ответила мама.

Я прильнул к ее плечу, пока она включала телевизор и укутывала нас в плед. Тамара села с другой стороны рядом с мамой, устраиваясь поудобнее.

Мне было настолько хорошо, насколько это было возможно без Уиллоу, и я думал о том, что однажды она будет счастлива. Когда-нибудь у нее все наладится, даже без меня.

— Мамочка, — окликнул я маму, ставя чашку с чаем на столик. Она посмотрела на меня с любопытством. Я достал сложенный втрое листок бумаги из кармана.

— Передай это Уиллоу, когда она снова полюбит, — попросил я, протягивая ей свое стихотворение.

Она пообещала, что обязательно передаст.

5 сентября 2006 года, 10:02

Уиллоу

Вскоре мы должны были приземлиться в аэропорту Чикаго, прибытие объявили на десять тридцать. Аннетт и Кейтлин спали, в то время как я размышляла над нашим с Трейс разговором. Я не переставала о нем думать. И дело было вовсе не в том, что она оказалась лесбиянкой, хоть это меня и удивило. Я размышляла над ее вопросом о том, люблю ли я Уайатта.

Сегодня мы с ним должны встретиться. Мы планировали увидеться после школьных занятий. Я собиралась прийти к нему в класс.

Мне хотелось обнять его, поцеловать, и чтобы он пригласил меня к себе. Я хотела сидеть на его диване и смотреть с ним телевизор, и чтобы он тоже хотел оказаться на моем диване и смотреть телевизор со мной. Хотелось смеяться с ним, разговаривать и вместе искать приключений. Я не была уверена, готов ли он к серьезным отношениям со мной, но я была готова идти дальше. Менее сорока восьми часов назад я поняла, что хотела большего.

Мы приземлились в десять тридцать два. Я разбудила дочь и подругу, последняя едва промямлила какое-то ругательство и, потянувшись, встала. Аннетт тоже потихоньку приходила в себя.

— Мы едем домой, мамочка? — сонно спросила она, слегка потянув меня за рукав рубашки. Все мы были в пижамах и чувствовали себя уставшими. Мы очень активно провели эти четыре дня.

— Да, милая, мы едем домой, — вздохнула я.

— Кто бы знал, как я хочу снова уснуть в своей постели, — прошептала Кейтлин мне на ухо так, чтобы Аннетт не слышала.

Я знала, что Кейти была готова вернуться домой. Меня удивило, что ей удалось сдерживаться и не ругаться при моих родителях. Она была потрясающим другом. Четыре дня она терпела и ждала, когда вернется в свою постель, завернется в кучу одеял и запасется фастфудом. Эта поездка разнообразила нашу рутину, но я знала, что теперь все будет иначе, более постоянным. Кейтлин верила, что они с Брайаном предназначены друг другу, и я тоже так считала в какой-то степени. Но он оказался подлым манипулятором, обманщиком, низким, жадным и жалким подобием человека, и я была уверена, что он не изменится.

Я надеялась, что Кейтлин сама предложит присмотреть за Аннетт, пока я съезжу к Уайатту. Конечно, я собиралась попросить ее об этом, просто из вежливости. И я переживала за нее. Мне было неизвестно, как сильно повлиял на нее разрыв отношений.

Оплатив парковку, мы вышли из аэропорта, затем загрузили багаж в мой Фольксваген Джетта. Неожиданно подруга подошла и крепко обняла меня.

— В чем дело? — тихо спросила я, обнимая ее в ответ. Она еще крепче обняла меня.

— Просто я так сильно тебя люблю. И малышку очень люблю, — сказала она, имея в виду Аннетт. — И мне не нужен Брайан или другой идиот, ведь у меня есть ты и малышка, — продолжила она.

— Мы тоже тебя любим. Не представляю, что бы мы делали без нашей Кейтлин, — тепло улыбнулась я. Аннетт уже дремала на заднем сиденье, не обращая внимания на наш с Кейтлин

разговор. — И конечно, тебе не нужен парень и, *черт возьми*, тебе точно не нужен этот Брайан. Он омерзительнее жвачки, прилипшей к подошве ботинка Аннетт.

К подошве ботинка Аннетт давно прилепилась жвачка, я заметила это, и это было мерзко, но Брайан был еще более мерзким.

Кейтлин весело рассмеялась, отпуская меня, и села в машину.

— Ты такая забавная, и это мне больше всего в тебе нравится, знаешь? — спросила она, ухмыляясь.

— У меня абсолютно отсутствует какое-либо чувство юмора, но я рада, что ты терпишь мой бестактный сарказм, — ответила я.

Она вздохнула.

— Ты всегда знаешь, как поддержать меня. Всегда.

— Могу то же самое сказать про тебя, — подтвердила я.

— Да уж, мы обе умеем дать хороший совет, не так ли? — задумчиво спросила она.

Я кивнула.

— Мы лучше любых друзей, — процитировала я, слегка улыбаясь.

Кейтлин обернулась, чтобы посмотреть на дремлющую Аннетт.

— Да, *черт подери*, именно так, — ответила она тихим голосом.

Мы посмеялись. Я завела машину, и мы поехали домой. Мне нужно было морально подготовиться к встрече с Уайаттом и найти нужные слова.

15:36

Я сидела на парковке во дворе школы. Приняв душ, я переоделась во что-то более приличное и даже попыталась сделать что-то с волосами. Кейтлин настаивала, чтобы я их закрутила. Ей это было в радость, как и присмотреть за Аннетт, так что я согласилась. Мне захотелось надеть сандалии, хоть и было несколько прохладно. Последний раз бросив взгляд на свой французский педикюр, я вышла из машины.

Когда я зашла в класс, он уже пустовал. Уайатт сидел, улыбаясь, в то время как я с *непроницаемым* лицом стояла в футе от него.

Какой же он красивый.

— Ты прочла мою записку, Уиллоу? — спросил он, подходя ближе и ближе ко мне.

Закрыв за собой дверь, я сделала большой шаг к нему, слегка улыбаясь.

— Да, каждое слово, — вздохнула я. — И, знаешь, я умею быть элегантной, Уайатт, тебе стоит сводить меня вечером в кино. Манеры мои не идеальны, но, думаю, я умею держаться в обществе.

— Ты красива, Уиллоу. Тебе не нужно стильно одеваться, чтобы быть собой. Что мне в тебе очень нравится, так это то, что ты не пользуешься блеском для губ или помадой. Ты любишь быть собой, и я не могу не восхищаться тобой каждую секунду каждого дня, даже когда тебя нет рядом, — продолжал он. Я закатила глаза, услышав его слова, но была счастлива и улыбалась.

Мы стояли под тусклым светом лампы в его классе, и я вдруг представила, что свет может исчезнуть в любую минуту, но вспомнила, что Уайатт имел странные предпочтения, когда дело доходило до электрических лампочек в такие дни, как этот.

Казалось, нас окружал свет свечей, но в классе были лишь мы с Уайаттом, все было так романтично, или мне просто хотелось так думать. Его аккуратный рабочий стол из красного дерева, упорядоченный календарь, одна информационная доска для плохих деток и одна для хороших, и мне все это очень нравилось.

Он улыбнулся.

— Я думаю о том, сколько вечеров мы проведем вместе, и, Уиллоу, думаю о времени и о

тебе. Думаю, что будет, если позвать тебя на свидание? Я о многом хочу узнать. Эти мысли не дают мне покоя по ночам, — выдохнул он, потирая большим пальцем свой подбородок и едва заметную щетину на нем.

Мы медленно приближались друг к другу, в наших глазах горел огонек надежды, а тела пылали страстью. Мы будто переживали драму в реальной жизни.

— Каждую ночь мне снятся сны, — сказала я, обвивая руками его талию. — О тебе, — прошептала я. Он аккуратно убрал прядь волос мне за ухо.

— Правда? — спросил он с любопытством, прижимаясь ко мне все ближе, так, что я могла почувствовать тепло его тела.

— Я просто хочу сходить с тобой куда-нибудь, неважно куда, — сказал он, целуя меня в висок, едва касаясь носом моих волос. — Хочу, чтобы твои сны обо мне стали явью, о чем бы они ни были.

Я слегка отстранилась, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Но они *могут* стать явью, Уайатт. Мы можем воплотить эти сны в реальность, если оба этого захотим. Никаких больше загадок, серьезно, надо это прекращать. Никаких больше сладких записок. Давай просто будем вместе, два безответственных взрослых человека, и, по возможности, каждый день, начиная с сегодняшнего. Давай воплотим наши мысли и сны в реальность, — объяснила я, пристально смотря ему в глаза и поглаживая руками его шею. — Если мы оба хотим одного и того же, то можем вместе этого добиться, — прошептала я.

Он широко улыбнулся, и его теплые губы накрыли мои в поцелуе.

— Я все это уже распланировал, Уиллоу. Раньше, чем ты успела об этом подумать. Но, должен сказать, твоя *настойчивость* заводит, это куда сексуальнее твоих кроссовок, — ухмыльнулся он той улыбкой, что сводила меня с ума от злости, но я собиралась искренне *полюбить* и его сарказм, и эту улыбку.

— Уайатт, — выдохнула я с трудом, нахмурившись, — обувь медсестры — это вовсе не тема для шуток.

Он фыркнул в ответ.

— Это немного забавно, но, может, ты и права, — пожал он плечами. Я почувствовала, как его рука поглаживает мое бедро. — В любом случае, ты всегда будешь моей любимой медсестрой.

— М-м-м, — кивнула я, улыбаясь. — Готова поспорить, тебе не терпится, чтобы гипс сняли поскорее.

— Десять дней, — выдохнул он. — Я уже давно готов от него избавиться.

Я провела рукой по белоснежному гипсу, сковавшему его левую руку, и вздохнула.

— Двумя руками ты сможешь делать куда больше вещей, — пробормотала я.

Его брови поползли вверх.

— Уиллоу, ты на что-то намекаешь? — спросил он, широко улыбаясь.

Я легонько засмеялась.

— Нет, не совсем.

— А вот и да, — настаивал мужчина. — Что было у тебя на уме, когда ты сказала это?

Я пожалала плечами.

— Будет проще принимать душ, — просто ответила я.

Он не смог на это возразить, я ведь видела, как тяжело приходилось в больнице ему и другим пациентам с переломами.

— Что ж, очевидно, — прошептал он. — Но не только это, например, мне больше не придется писать правой рукой.

— О! — улыбнулась я. — Написанное левой рукой отличается от написанного правой? —

спросила я с любопытством.

Он провел кончиками пальцев по моей спине.

— Радикально. Почерк более аккуратный.

Я кивнула.

— Могла бы и догадаться.

Он притянул меня к себе.

— Что это значит? — спросил он низким тоном.

— А то, что ты в целом аккуратный, — сказала я.

— Правда? Ты тоже весьма аккуратна, — ответил он, оглаживая взглядом мою фигуру и искоса улыбаясь.

От изумления мои глаза распахнулись, а губы свернулись в трубочку.

— Ух ты, Уайатт, ты, оказывается, куда глупее, чем кажешься.

— А ты не можешь просто принять комплимент, — парировал он, улыбаясь.

Я вздохнула.

— Ладно, попробуй еще.

— Уверена, что хочешь этого? — спросил он, касаясь губами моего уха.

Я кивнула:

— Да, Уайатт.

Он не стал терять времени.

— Мне не хватит пальцев сосчитать, сколько разных твоих улыбок я видел. Одной из первых была притворная улыбка, но она тоже замечательная. Ты всегда такая красивая. Но то, как ты улыбалась сегодня, Уиллоу... это восхитительно! Невероятно. Эта улыбка - самое красивое, что я когда-либо видел, и единственное, от чего мое сердце перестает биться по-прежнему, — сказал он, прикасаясь губами к моему уху, а я просто улыбалась.

— Я на седьмом небе, когда ты рядом. Не помню, что испытывал до твоего появления в моей жизни. Тебя так много, Уиллоу, ты занимаешь все мои мысли и даешь мне надежду на лучшее, на менее унылое будущее. Я хочу говорить тебе не только комплименты. Каждый день меня переполняют новые чувства и хочется делиться ими с тобой. Каждый день, Уиллоу, мне нравится в тебе что-то новое.

Я запустила руки ему в волосы, и мы страстно целовали друг друга. Его слова ввергали меня в абсолютно потрясающее, предобморочное состояние. Все, что мне хотелось - это целовать его и целовать, до потери чувств, до стертых губ.

Обняв его за талию, я глубоко вздохнула, осознавая, что слегка влюбилась в него.

В то время как его руки крепко обнимали меня, его подбородок покоился у меня на макушке, и мне это очень нравилось.

17:07

Я поехала домой, Уайатт ехал следом. Я впервые увидела, что он водит старый Джип Вранглер бледно-серого цвета. Припарковав свою машину и подойдя ближе, я поняла, что краска ничуть не облупилась, а сев к нему в машину, увидела красивый кожаный и весьма ухоженный салон. Это определенно была машина Уайатта.

Было очень комфортно сидеть рядом с ним, пока он вез нас по чикагским пробкам. Он был спокойным водителем, и мне было с ним спокойно. Обычно тишина меня раздражала, но в тот вечер я была на удивление расслаблена. Мы болтали о банальных мелочах, я спросила его, каково это, водить одной лишь правой рукой.

— Это нечто, к чему не хочется привыкать, — сказал он.

В начале шестого вечера мы подъехали к его дому, оказавшемуся небольшим, но уютным.

Покрашенный в темно-синий цвет, в сумерках он казался черным. Лужайка перед домом ярко зеленела, на окнах были ставни. Его дом казался даже меньше моей квартиры, но радовал глаз.

— Я не хочу вести тебя в кино или в ресторан. Сегодня я хочу научить тебя готовить, — сказал он, выйдя из машины, и мы оба в унисон захлопнули двери.

— Что? — рассмеялась я. — С чего ты взял, что я не умею готовить? — его слова звучали как вызов.

Он усмехнулся моей реакции и тут же продолжил:

— Ты даже не можешь как следует разогреть в микроволновке приготовленную еду. В больнице часть яичницы всегда была холодной, чтоб ты знала.

В ответ я хихикнула.

— Ладно, хорошо, я не часто готовлю обычную еду, так что, пожалуй, возьму у тебя пару уроков. Значит ли это, что ты хорошо готовишь, Уайатт? — спросила я, бросая на него взгляд искоса.

Он открыл передо мной дверь и сказал:

— Неплохо, но могу и лучше. Ну, понимаешь, если бы я мог использовать левую руку, — улыбнулся он, пожимая плечами.

Я обдумывала его ответ, проходя через небольшую гостиную, далее следуя по коридору и заходя в сияющую чистотой кухню. Бросив взгляд на белый кухонный гарнитур, серые столешницы из камня и блестящие деревянные полы под ногами, я вдруг поняла.

— Ох, точно... — замерла я в изумлении. — Ты давно не готовил нормальную еду из-за перелома локтя, да?

Он моргнул.

— А, да... — он замолчал. — Не хочу показаться самовлюбленным эгоистом, но ты и сама знаешь, что я такой. Боюсь, никогда не смогу от этого избавиться, — сказал он, подмигнув мне.

Уайатт обнял меня за плечи одной рукой, крепко прижимая к себе, и поцеловал в висок. Я, улыбаясь, прильнула к нему.

— Будет весело, — пожал он плечами.

— Да, определенно будет интересно, — согласилась я.

Мы оба оказались правы.

Он учил меня, как готовить пасту, не используя кетчуп. Его постигло разочарование, когда он узнал, что я всегда добавляю кетчуп в спагетти.

Он оказался отличным учителем и собеседником, и на секунду я представила, как он в своем классе учит детишек.

Я почистила помидоры и остальные овощи, а также впервые узнала о приправах. Уайатт предпочитал питаться правильно, хотя ему явно было тяжело справляться с ежедневной рутинной одной рукой. Его так радовала паста, что меня это даже позабавило. Он наклонился через мое плечо и задумчиво понюхал еду.

Когда я засмеялась над ним, он удивленно посмотрел на меня:

— Что смешного?

— Ты всегда такой, когда готовишь, или просто обожаешь пасту? — спросила я.

На что он, не выражая никаких эмоций, небрежно ответил:

— Да.

Мы посмеялись друг над другом, нарушая тишину.

Уайатт включил негромкую инструментальную музыку, пока я относила наши тарелки и бокалы в гостиную. Мы сидели на диване, и он уплетал пасту настолько быстро, насколько это возможно было сделать одной рукой.

— Как вкусно, — с наслаждением вздохнул он. — Спасибо тебе большое, Уиллоу. Ты не

представляешь, как много для меня это значит.

— Кажется, представляю, — улыбнулась я.

Он смотрел на меня, не переставая есть пасту. Я ела намного медленнее.

— Неужели? И что же ты представляешь? — последовал вопрос.

Я сделала глоток воды.

— Тебе это было нужно, — ответила я, слегка пожимая плечами. — И тебе нужна была моя помощь.

Он наклонил голову, широко улыбаясь, да так, что можно было увидеть соус от спагетти в уголках его рта.

— Ты права, даже не знаю, как бы справился без тебя. Учитывая все, что ты для меня сделала, мне неловко от того, что тебе приходится нянчиться со мной. Признаю, я полный отстой. Не понимаю, что тебе во мне нравится, Уиллоу, — сказал он, неожиданно улыбнувшись, прежде чем набить рот очередной порцией спагетти.

Я покачала головой, уставившись на него.

— Ты нравишься мне просто потому, что нравишься. Мне нравится, как ты воспринимаешь все вокруг. Нравятся твои слова и твое мировоззрение. Ты располагаешь к себе, и у меня просто-напросто нет выбора. Так уж получилось, и я этому рада.

Он улыбнулся, слегка покусывая губу.

— Мы случайные люди, совершающие случайные поступки, и случайно влюбившиеся друг в друга, и, полагаю, оба наслаждаемся каждой минутой. Согласна? — спросил он, наматывая последние спагетти на вилку.

Я ответила тихо:

— Все получилось случайно.

— Да, но, Уиллоу, я задал тебе вопрос, — поддразнил он меня.

Я закатила глаза.

— Да, Уайатт. Все вокруг, каждый человек, действия и слова, это все, несомненно, случайное стечение обстоятельств. И да, Уайатт, я наслаждаюсь каждой минутой рядом с тобой. Это занятие теперь стало одним из моих любимых.

— Уиллоу, — мягко произнес он мое имя, опуская вилку на пустую тарелку. — Я хочу сказать это лишь потому, что еще не сказал. Аннетт самая яркая личность из всех, кому мне доводилось преподавать. Своими чертами она напоминает мне тебя, но сама по себе она уникальна. Она необыкновенно умна, и я знаю, ты очень любишь проводить время со своей дочкой. И, знаешь, я всей душой понимаю тебя. Я никогда раньше не встречал настолько приятного человека.

Я широко улыбнулась. В эту секунду слова Уайатта проникали мне в самое сердце, заставляя меня влюбляться в него все сильнее.

— С самого ее рождения я уделяла ей все свое внимание. Но сегодня я решила провести вечер с тобой. Чтобы ты понимал, для меня это непросто. И сегодняшней вечер не последний, — сказала я, неловко подмигивая, о чем тут же пожалела.

Казалось, он оценил мое подмигивание и принял его как должное.

— Мне придется освободить для тебя полку в шкафу, — ухмыльнулся он, притягивая меня к себе. Я прижалась к нему грудью. Наши взгляды встретились.

— Мне правда нравится твой костюм, Уайатт, не пойми меня неправильно, но почему ты носишь такой строгий костюм на работу, — спросила я с любопытством, проводя рукой по пиджаку.

Правой рукой он обнял меня за талию. Прильнув к нему, я почувствовала его совсем не мальчишеский запах, и мне это понравилось.

— Ты будешь смеяться, но я все равно скажу. Я надел этот костюм специально для тебя, Уиллоу, — признал он. — Некоторые в школе не переставали пялиться на меня, но это не их дело.

Я фыркнула.

— Выглядишь хорошо, даже с соусом от спагетти на губах.

Он рассмеялся.

— Ну, поедание спагетти часто превращается в беспорядок, особенно на лице.

— На лице? — захихикала я.

— Ну да, — сказал он. — Если только ты не страдаешь от булимии.

— Или анорексии, — добавила я.

— Разница небольшая на самом деле, — пожал он плечами.

Я взяла со столика салфетку и вытерла уголки его губ.

— Как в старые времена, — поддразнил он.

— Не так уж давно это было, — парировала я.

— Это точно.

Бросив использованную салфетку на тарелку, я повернулась к нему лицом.

— У тебя хороший вкус в музыке, это редкость.

— О, тебе нравится? — улыбнулся он. — Да, я предпочитаю спокойную и выразительную музыку.

— В таком случае мы поладим.

— Вкус в музыке многое говорит о человеке, — заметил он.

— Если только ты не психопат-убийца, — добавила я невзначай.

Он замер.

— Не знаю, — его голос звучал сухо. — У моего отца был абсолютно незамысловатый вкус.

Я крепко зажмурилась.

— Я не имела в виду...

— Все в порядке, Уиллоу.

Я ляпнула что-то не то.

Мы молча отнесли посуду на кухню. Мы не обсуждали его прошлое с того дня в больнице, когда Уайатт все мне рассказал, и я чувствовала, что сегодня он не хотел обсуждать это снова.

Как только он положил последнюю тарелку на полку, я взяла его за плечо и повернула к себе.

— Я бываю слишком язвительной в разговорах с тобой, и выгляжу как полная сволочь, прости меня. Прости за мою невежественность и за то, что я еще могу ляпнуть.

Одной рукой он обнял меня за талию и притянул к себе, целуя меня в лоб.

— Я знаю, что ты не имела в виду кого-то конкретно. Ты не сделала ничего плохого, я не должен был так реагировать, — серьезно ответил он, пылко целуя меня. Я ответила на его поцелуй со всей страстью.

— Хорошо, — прошептала я.

Мы вернулись в гостиную, и он вел себя так, словно ничего и не было. Или, возможно, он смог легко отпустить ситуацию. Уайатт включил фильм, и мне удалось расслабиться. Затем он принес бутылку вина и два бокала. Мне нравилось чувствовать себя комфортно рядом с ним. Нам было очень хорошо, и мы вместе уснули на диване. Мы встретились случайно, но нам это нравилось. Его подбородок покоился на моей макушке, я обнимала его, закинув поверх него руку и ногу. Мы уснули, улыбаясь.

18 августа 1997 года, 08:01

Уиллоу

Я переехала в общежитие семнадцатого августа. Прощание с родителями было тяжелым. Мама плакала, а отец расчувствовался настолько, насколько был способен на это. Они грустили не потому, что я начинала учебу в колледже, или что я так быстро выросла. Они переживали, что я была в депрессии. *Я не хотела становиться взрослой.* Они знали, что Кеннеди умирал, Трейс позвонила им и рассказала все. Я не могла говорить с ними об этом. Я была сломлена. Оставаясь в тишине, я плакала и понимала, что это пройдет не скоро. Я снова заплакала, как только родители ушли.

Моя соседка по комнате казалась дружелюбной, но она была незнакомкой для меня, и у меня не было сил с ней общаться. Девушка приехала после обеда в первый же день. Когда она зашла в комнату, я притворилась, что сплю, повернувшись спиной.

Наступило утро, нужно было идти на занятия, хотелось мне того или нет. Соседка встала раньше меня, хотя явно не была жаворонком.

Она неуклюже подошла к моей кровати, когда я сидела, скрестив ноги в позе лотоса. Я встретила с ней взглядом, ее глаза оказались цвета лайма, и на фоне рыжих волос, длиной до плеч, смотрелись экзотически.

— Привет, — сказала она. — Меня зовут Кейтлин.

Я выдавила улыбку, но ничего не ответила. С тех пор, как мне исполнилось шестнадцать, я вообще мало говорила, мне редко удавалось не ляпнуть что-либо необдуманное и нелепое.

— Я понимаю, что трудно уезжать из дома, — она опустила голову. — Но мне почему-то кажется, — сказала она, неожиданно посмотрев на меня, — что тебя беспокоит что-то куда более сложное.

Я покусывала губы.

— Я всегда готова выслушать тебя, если захочешь, — сказала она мне тихим, но убедительным голосом. Она повернулась, одарив меня легкой улыбкой, взяла свои вещи и ушла.

Каким-то образом Кейтлин знала, что я раздавлена.

Неужели это было так очевидно?

Я заставила себя встать и подойти к шкафу. Родители разложили мои вещи. Я выбрала толстовку и пару старых джинсов.

Одевшись, направилась к выходу, открыла дверь и остановилась. Оглядевшись, я задалась вопросом, как смогу так дальше жить.

17:47

Посещение занятий отняло у меня еще больше сил. С четырех часов вечера я ждала, когда Кейтлин вернется со своих занятий. Я решила поговорить с ней немного, но не о Кеннеди или Ноленсвилле. Я просто подумала, что было бы благоразумно завязать приятную беседу с человеком, с которым мне предстояло здесь жить. Она была милой и располагающей, и мне хотелось ответить взаимностью.

Кейтлин зашла в комнату, тихо открыв дверь. Я сидела на кровати, скрестив ноги, как и

утром, когда она уходила. Положив свои вещи рядом с кроватью, она посмотрела на меня.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — ответила я.

— У тебя сопли на рукавах, — сказала она, подойдя ближе и нахмурившись. — У тебя все в порядке?

— Аллергия, — пробормотала я.

— О, — только и ответила она.

— Да.

Соседка слегка улыбнулась, делая еще шаг ближе ко мне.

— И все же, как тебя зовут?

— Уиллоу, — ответила я. — Извини за то, что было утром, — пожала я плечами.

Она села на кровать рядом со мной, тоже скрестив ноги, словно мы и не были едва знакомы.

— Все в порядке, — успокоила она, хлопая меня по коленке. — Со всеми бывает.

Я смотрела на нее.

— Да, наверное.

Мы просидели молча несколько минут.

— Можно тебя спросить кое о чем?

— Давай, — кивнула я, позволив себе говорить.

— Ты выбрала медицинскую школу просто так, или я одна такая?

Я наклонила голову.

— Я люблю людей. Меня всегда восхищали те, кто много работал во благо других. Это как бы моя мечта, стать медсестрой, — ответила я куда более сухо, чем принято говорить о мечтах. — Как можно выбрать медицинскую школу просто так? — спросила я с любопытством.

Она резко вздохнула.

— Я только что обручилась, совсем недавно, перед тем, как поступить сюда, — сказала она. — Родители не поняли бы меня, если бы я не получила хоть какое-то полезное образование. Они убеждены, что иметь мужчину, заботящегося о тебе, недостаточно.

Я кивнула.

— Как его зовут?

— Брайан, — улыбнулась девушка.

Я поняла, что она любила его, и при виде нее такой влюбленной мое настроение слегка поднялось.

— Уверена, тебе хотелось бы сделать какую-нибудь карьеру, в любом случае, — ответила я. — Родители все такие. По крайней мере, заботливые. Я называю это родительская натура.

Она фыркнула.

— Думаю, ты права. У меня есть хобби и занятия, которые приносят мне удовольствие, но вряд ли из этого можно сделать бизнес. Я много пишу. Раньше я работала в школьной газете. Мне всегда нравилось этим заниматься, — улыбнулась она мне.

— Никогда не бросай это дело, — посоветовала я.

— Не стану, — согласилась она.

— Клянешься на мизинцах? — я вытянула палец вперед.

С секунду она смотрела на мой мизинец, ей это казалось забавным, но, в конце концов, она протянула свой, и мы скрестили пальцы.

— Клянусь, — пообещала она.

Тогда я подумала, что могла бы позволить себе иметь одного друга. Точнее говоря, я знала, что у меня может быть друг, а Кейтлин знала, что мне *это* нужно.

Она вернулась к своей кровати и спросила меня:

— Хочешь посмотреть кино?

— Да, можно, — ответила я.

Она включила фильм, и мы досмотрели его до конца. Я заставила себя выучить все конспекты, прежде чем позволить себе заснуть, надеясь увидеть во сне что-то хорошее.

15 сентября 2006 года, 16:19

Уиллоу

Следующие пять дней мы встречались у Уайатта дома после работы. С того первого вечера я практически не спала по ночам. Каждый день он учил меня готовить что-то новое. Во время ужина мы слушали музыку или смотрели кино, после чего я возвращалась домой. У нас пока не было секса, но меня это не беспокоило. Мне было очень приятно проводить с ним время, и этого было достаточно.

Мой отпуск подошел к концу. В пятницу Уайатт должен был прийти на осмотр и снять гипс, а мне нужно было вернуться на работу, так что я смогла бы быть рядом. Тесса безумно завидовала, что мне дали отпуск. Дениз, как всегда, посоветовала не обращать на нее внимания, и сказала, что ей меня не хватало эти две недели. Я тоже скучала по ней, о чем не преминула с ней поделиться.

Меня ожидали двое пациентов. Весь день я вела себя весьма вежливо и сдержанно. Во время перерыва мы с Дениз присели вместе. Работа шла медленно, и я знала, что к пяти вечера буду свободна.

Она улыбнулась мне и спросила:

— Вы с Бланкеттом все еще вместе?

Я молчала, испытывая терпение Дениз.

— Ну давай же, я жду *деталей*, Уиллоу, — подталкивала она меня.

Глубоко вздохнув, ответила:

— Я люблю его, — я буквально выпалила эти слова.

Она удивленно посмотрела на меня. В тот момент я услышала *сигнал* лифта на нашем этаже.

— Как вовремя, — услышала я шепот, прежде чем она повернулась к выходящему из лифта Уайатту и улыбнулась ему.

Мы поймали взгляд друг друга, и я не смогла сдержать улыбку.

— Привет, Уиллоу, — произнес он, улыбаясь мне в ответ.

— Привет, — сказала я, затаив дыхание.

Он направился ко мне быстрым шагом, вторгаясь в мое личное пространство. Наклонился над столом, коснулся свободной рукой моей щеки, и поцеловал прямо в присутствии Дениз. Это был не простой, а *страстный*, полный чувств поцелуй, я дала ему название «*поцелуй Уайатта*». Это был лучший поцелуй в мире, как мне казалось, или лучший поцелуй в моей жизни. Я знала одно – только Уайатт мог так меня целовать.

— Ты пойдешь со мной? — спросил он, оторвавшись от моих губ.

— Конечно, — тут же ответила я.

Он заправил прядь моих волос за ухо.

— Тебе очень идут кудри.

— Рада, что ты так считаешь, — мне захотелось подразнить его. — У тебя *тоже* милая прическа, — сказала я, запустив руку в его волосы. — Но ты и сам это знаешь.

Он ухмыльнулся, убирая мою руку.

— Пойдем, — он взял меня за руку, и я встала. Уайатт наклонил голову в знак приветствия Дениз, которая смотрела на нас все это время, улыбаясь.

— Привет, Дениз, — поздоровался он.

— Бланкетт, — тепло ответила она.

— В какой кабинет мне сегодня идти? — спросил он медсестру, когда я подошла к нему.

Дениз слегка рассмеялась, позабавленная:

— Ты знаешь, в какой.

Итак, мы направились к кабинету двести девять.

Пока я закрывала за нами дверь, он сел на кровать.

— Гипс снимешь ты или доктор?

— Я. Тебе не стоит бояться. Я сделаю это специальным инструментом, ничего страшного.

Он не причинит боли.

Он хмыкнул, уверяя меня:

— Я не буду бояться.

— Обещаешь? — я подошла к нему и встала у него между ног.

Он положил руку мне на талию.

— Да, Уиллоу, обещаю.

Я хихикнула и протянула мизинец:

— Клянись на мизинцах?

— Ты забавная, — послышался его вздох, но рассмеявшись, он обвил мой мизинец своим и поклялся.

Я надела чистую пару перчаток, прежде чем взять все необходимые инструменты и инвентарь. Взяла в руки пилу для гипса и включила.

Уайатт вытянул руку вперед, и я провела пилой с обеих сторон гипса. Он не произнес ни звука. Затем я аккуратно нужным инструментом раскрыла стекловолоконную ленту, после чего ножницами разрезала слой хлопка, чтобы полностью снять гипс. Протянув ему чистую салфетку, я бросила остатки снятого гипса в урну.

Он улыбнулся, протирая руку салфеткой, и сказал:

— Как же хорошо.

— Но тебе еще нужно сделать рентгенограмму, — сказала я ему настоятельно.

Он покачал головой взад-вперед и встал, чтобы выбросить салфетку.

— Не думаю, — услышала я, и он быстро привлек меня к себе, крепко обнимая. — Кажется, мои руки меня слушаются, — упрямылся он.

Я посмотрела ему в глаза, широко улыбаясь и опуская руки ему на плечи.

— Ты прав, но это не имеет значения. Доктор Венис сказал...

Он прервал меня поцелуем.

— Уайатт, — вздохнула я. — Это не займет много времени.

Он понюхал мою шею, касаясь губами кожи под ухом.

— Если это необходимо, то думаю, у меня нет выбора.

Я фыркнула, легонько отталкивая его.

— Это нужно для того, чтобы убедиться, что все зажило как следует. Это займет менее пятнадцати минут, — пообещала я.

Он согласился, обнял меня за талию, и мы вышли из кабинета двести девять.

Доктор Венис уже ждал нас, чтобы провести рентгенограмму.

— Ты уедешь со мной после этого? — спросил Уайатт, посмотрев на меня.

— Буду ехать за тобой до самого дома, — незамедлительно ответила я.

Он улыбнулся:

— Увидимся менее, чем через пятнадцать минут.

17:21

Локоть Уайатта полностью зажил, если верить рентгенограмме, но мы и сами догадывались об этом. Я припарковалась перед его домом. Он поспешил выйти из своего «Джипа» и подойти ко мне, пока я парковалась. Одним поворотом ключа я заглушила машину.

Он открыл мне дверь, радостно улыбаясь.

— Я только что открыл тебе дверь левой рукой, — сказал он мне, пока я выходила из машины.

— Я видела, — улыбнулась я в ответ.

Закрыв дверь, он обнял меня.

— Ты не представляешь, как я счастлив, что моя рука снова цела.

Я предполагала, но не сказала об этом вслух.

Мы зашли в дом, и, конечно, он открыл для меня дверь левой рукой. Я сразу направилась на кухню, но он остановил меня, положив руку на плечо.

— Нет, ты посидишь на диване. Сегодня готовлю я, — сказал Бланкетт.

На секунду я задумалась, но затем согласилась.

— Хорошо.

Я не собиралась спорить с ним по этому поводу. Все эти десять дней, а может, и дольше, он хотел сам приготовить ужин.

— Мясо какой прожарки тебе нравится? — крикнул он с кухни.

— Эм-м, средней вполне подойдет! — крикнула я в ответ.

Я смотрела какое-то шоу по телевизору, когда он зашел, неся две тарелки. Он приготовил рибай, брокколи, и пюре на гарнир.

Я уже была слегка влюблена в него, но каким-то образом, сидя рядом с ним в его гостиной и поедая ужин, который он приготовил именно для меня, я поняла, что еще сильнее в него влюбилась.

— Очень вкусно, — похвалила я. — Спасибо, Уайатт.

— Это не все, — сказал он, медленно доедая свою порцию.

— Еще еда? — спросила я.

— Нет, — усмехнулся он. — То есть да, там еще осталась еда, но я имел в виду, что это не все, чем я хотел бы заняться с тобой сегодня. И я бы хотел, чтобы ты снова провела со мной ночь.

— Хорошо, — улыбнулась я. — Это можно устроить. Но у меня нет с собой вещей, — пожалала я плечами.

— Можешь надеть мои, — предложил он.

— Уайатт...

— Я серьезно, — пробормотал он. — И помнишь про полку в шкафу? Я говорил серьезно.

— Это слишком, — покраснела я.

— Слишком в *плохом* смысле? — спросил он шутливо.

— Нет, — быстро ответила я. — В необыкновенно хорошем смысле, конечно. Я не привыкла к такому хорошему отношению

— Что ж, — вздохнул он, — привыкнешь.

Я улыбнулась его словам.

Вскоре мы закончили ужин и вместе отнесли всю посуду на кухню.

— У тебя в машине есть пальто? Позже станет прохладнее, — сказал он, оттирая тарелки.

— У меня есть свитер.

— Это тоже подойдет, — улыбнулся он.

Покончив с посудой, он взял меня за руку и повел по коридору. Затем мы неожиданно остановились перед входной дверью.

— А куда мы идем? — тихо спросила я.

Он крепко обнял меня за талию, открывая дверь, поцеловал в висок и лишь после этого ответил:

— У меня есть план, ты скоро обо всем узнаешь.

— Как скажешь, — вздохнула я, улыбаясь.

Я достала свитер, мы оба сели в его джип и поехали.

— Вот, возьми мой телефон, — сказал он, протягивая мне самый красивый телефон, какой я когда-либо видела.

— Что это за телефон и что мне с ним делать? — спросила я, с любопытством рассматривая устройство.

— Это новый HTC Universal, но это неважно. Зайди в интернет и поищи «какие места стоит посетить в Чикаго». Сама выбери место, но сначала я отвезу тебя в свое любимое.

Одним движением разблокировав телефон, я была ошарашена, увидев большой экран со стандартной клавиатурой.

— Эм-м, это что, сенсорный экран?

— Да, — усмехнулся он. — *Что*, никогда не пользовалась мобильным телефоном или устройством с сенсорным экраном?

— Нет, Уайатт, — пробормотала я. — У меня раскладная «Моторола», которая, как мне казалось, вполне современна. Но она не карманный компьютер. Это же карманный ПК, так?

— Да, — вздохнул он, не смеясь надо мной. Он быстрым жестом достал тоненькую палочку из скрытого отверстия в устройстве и протянул мне. — Используй стилус, чтобы выбирать иконки и ссылки, и клавиатуру, чтобы печатать. Это очень просто, вот увидишь. Ты быстро научишься, — услышала я его слова.

— Ну если ты так считаешь, — прошептала я, нажимая палочкой на иконку браузера. — А это здорово, — отозвалась я, сделав то, о чем он просил.

Я полистала страницы пару минут, но вспомнила лишь одно место.

— Мне не нужно искать в интернете, я знаю, куда мы поедем. Как насчет кино под открытым небом? — медленно спросила я.

Я увидела, как он улыбнулся.

— У тебя есть номер, чтобы узнать время сеансов?

Я ухмыльнулась.

— Уже набираю, — и протянула ему телефон.

Я наблюдала за выражением его лица, пока он слушал время сеансов в кинотеатре. Убрав телефон, он повернул на грунтовую дорогу.

— Сегодня показывают два фильма, один в семь и другой в девять. Что думаешь, романтическая комедия прошлого года или новый документальный фильм про Джона Леннона? — сказал он, ловя мой взгляд.

— Хм-м, — я задумалась. — Наверное, документальный про Джона Леннона. Романтические комедии кажутся мне скучотищей. А ты что думаешь?

— Ха-ха, — он смотрел на меня в удивлении, остановившись в нескольких ярдах от железнодорожных путей, рядом со старым столом для пикников. — Думаю, ты моя вторая половинка.

Я обняла его за шею и поцеловала. Оторвавшись друг от друга, мы оба откинулись назад, улыбаясь.

— Что мы здесь будем делать? — неожиданно спросила я.

— Пойдем, — сказал он, открывая дверь. — Следуй за мной.

И я пошла за ним.

Я перепрыгнула через коробку передач и помешала ему закрыть свою дверь, просунув ногу в проем.

— Уиллоу, что ты делаешь? — он недоверчиво посмотрел на меня.

— Следую за тобой, — пожалала я плечами.

Уайатт засмеялся.

— Я не имел в виду до такой степени, — он указал жестом на мою вытянутую ногу.

Я прыснула со смеху.

— Я думала, это будет забавно.

— Так и есть, — улыбнулся он. — Но мы же *взрослые* люди, Уиллоу.

Честно говоря, мне нравилось, что он подтрунивал надо мной. Я была циником и, порой, даже слишком самокритичной. Я не могла иначе. У нас было похожее чувство юмора, а такое непросто было найти. Даже Кеннеди иногда уставал от моего сарказма. С Уайаттом же наоборот, мы оба были мастерами сарказма.

— Я и не отрицаю этого, — мои брови удивленно приподнялись. — Ты позволишь мне выйти или как? — спросила я, указывая подбородком на его левую руку, которой он крепко держал дверь.

— О, да, верно, — он поспешил открыть для меня дверь нараспашку. — Это место из моего детства вообще-то. Я приходил сюда после школы. Некий ежедневный ритуал, — сказал он, обнимая меня за талию. Мы направились пешком в сторону путей.

— Тебе нравились поезда?

— Нет, железнодорожные пути, — ответил он. — Сложно ходить по рельсам по прямой линии самому, и куда легче вдвоем. Иди сюда, я покажу тебе, — сказал он, беря меня за руку.

Мы подошли к путям. Он встал с одной стороны, а я с другой.

— Иди как я, — улыбнулся он, повернув голову в мою сторону.

Мы держались за руки, при этом вытянув в стороны свободные руки для равновесия.

— Обопрись на мой вес, чтобы не упасть. Я занимался этим довольно долго, так что умею держать равновесие, — подсказывал он. Я слушала его, и мы пошли по рельсам.

— Осень здесь красивая, правда? — спросил он спокойно.

— Деревья и листья спокойных цветов... — я вдруг замолчала, вздыхая. — Да, очень красиво.

— Ты напоминаешь мне осень, — улыбнулся Уайатт, смотря куда-то вдаль. — Естественная красота, — прошептал он.

— Ты напоминаешь мне кусок сыра...

— Уиллоу, черт подери, — пробормотал он, — почему ты не можешь просто...

— Принять комплимент? — спросила я, задорно улыбаясь. — Я могу принимать твои комплименты, Уайатт, и всегда делаю это. Даже когда тебе так не кажется, — вздохнула я. — Просто... ты напоминаешь мне кусок сыра.

— И чем я напоминаю тебе сыр, Уиллоу, а? — спросил он с любопытством и недоверием, тем самым рассмешив меня.

— Потому ты слишком хороший, чтобы быть правдой. Тебя слишком много, но я не могу отказаться от тебя. Твое неожиданное появление заставило меня подумать сначала, что ты причинишь мне вред, но с каждой минутой ты даешь мне все больше и больше. Понимаешь, о чем я? — продолжила я.

— Это очень странный комплимент, но я принимаю его, — выдохнул он. — Понятия не имел, что ты так относишься к сыру.

— Да, у нас с сыром давняя любовь, — не сдавалась я.

Он рассмеялся.

— Ты необыкновенно милая, когда пытаешься делать мне комплименты, знаешь?

— Понятия не имела. Мне кажется, я просто неуклюжая, честно, но рада, что ты принимаешь мои комплименты, — слегка улыбнулась я, бросив на него быстрый взгляд.

Мы шли по рельсам в полном молчании, затем прозвучал его вопрос:

— Хочешь попробовать пройти сама?

И, конечно, я кивнула, прежде чем сказать «да». Я хотела доказать себе, что могу, как, в общем, всегда. В любой ситуации, я всегда хотела добиться успеха. Так я попыталась сделать это и сейчас, с Уайаттом.

— Хорошо, на счет три я хочу, чтобы ты отпустила мою руку, но держи свои руки вытянутыми, — проинструктировал он.

— Хорошо, — на счет три я отпустила его руку. Пошатываясь и подаваясь вперед, я пыталась удержать равновесие.

— Выпрями спину, - осторожно сказал он. — Твое тело должно быть прямым, насколько это возможно. Дыши спокойно и расслабь мышцы, — его слова действовали успокаивающе.

Он оказался прав. Мне стало легче идти, когда я выпрямилась и выровняла дыхание.

— Вот так, — похвалил он, улыбаясь.

Мы еще какое-то время гуляли, пока я полностью не научилась сохранять равновесие и спокойно ходить по рельсу самостоятельно.

— Мы сюда еще вернемся? — спросила я, когда пришло время уезжать, чтобы успеть на фильм.

Он посмотрел на меня, пока мы шли, держась за руки.

— Надеюсь, что да, — последовал его ответ.

Мы сели в машину и поехали той же заброшенной дорогой. Вскоре мы добрались до придорожного местечка, где показывали кино для автомобилистов, купили попкорн в киоске и припарковались на траве, включив радио на нужной волне.

Мы запрыгнули на заднее сиденье его джипа и обняли друг друга, накрывшись куртками, словно пледом, и смотрели документальный фильм. Иногда целовались.

Когда пошли титры, мы были уже без сил. Передернув плечами, мы притиснулись еще ближе друг к другу.

— Спокойной ночи, Уиллоу, — сказал он, целуя меня.

— Спокойной ночи, Уайатт, — слегка улыбнулась я ему в ответ, засыпая.

Я не могла представить себя в чьих-либо других объятиях. Может, мы и не подходили друг другу идеально, но нам суждено было быть вместе. Ведь совершенство слишком хорошо, чтобы быть реальным. Это и была наша реальность, я начала это осознавать. Я больше не боялась. Мы любили друг друга. Мы были счастливы. И нам не нужно было говорить «Я люблю тебя» вслух или заниматься сексом, чтобы это доказать. *Мы и так это знали.*

16 августа 1985 года, 11:08

Уиллоу

Мне было шесть лет. Я была наивной как никогда, и ожидала только хорошего. Тот день был моим первым днем в школе, а до этого я ходила в детский сад. Мама обещала, что в школе все будет иначе и там я узнаю много интересного.

— Это начальная школа, Уиллоу, — сказала она мне, широко улыбаясь. — Твоя цель остается прежней — будь собой и не повторяй за другими детьми. Всегда внимательно слушай. После обеда больше не будет тихого часа, и ты уже не будешь рисовать так много.

Насчет рисования она ошибалась. Мы рисовали с начала урока и к его концу наполовину закончили. Рисование в школе отличалось от уроков в детском саду, но все же это было рисование. И оно было несложным, чем-то напоминало пазлы, но вместо того, чтобы собирать воедино детали или раскрашивать картинки, мы считали их по возрастанию. Моя учительница, мисс Роуз, называла их *умными* картинками.

Мама научила меня считать на пальцах, когда мне было почти три года. Вскоре после этого я выучила алфавит. Она научила меня писать числа от нуля до ста и буквы от А до Я еще до того, как я пошла в детский сад. Я опережала всех остальных в классе, поэтому, зачастую, на уроках мне было скучно. Почти все уроки были мне не в новинку. Моя мама всегда оставалась моим любимым учителем.

— Итак, класс, прежде чем мы с вами пойдем на обед, я хочу, чтобы каждый из вас выбрал себе пару для нашего следующего урока, — объявила мисс Роуз. Я предположила, что этот урок будет активным и веселым. Может, я узнаю что-то новое.

Я сидела во втором ряду и обернулась назад, чтобы найти себе пару, с кем можно будет сидеть за одной партой на следующем уроке. За мной сидел мальчик, тихий и молчаливый. Но он улыбался так, что я не могла отвести от него свой взгляд.

— Привет! Как тебя зовут? — с любопытством спросила я его, невольно улыбаясь.

— Кеннеди, — ответил мальчик, по-прежнему улыбаясь мне. У него были большие голубые глаза, в которых я терялась. Не в плохом смысле, конечно. Они будто говорили со мной, умоляя представиться. Поэтому я назвала ему свое имя.

— Я Уиллоу, — ответила я, а затем спросила, — хочешь быть со мной в паре?

Он энергично закивал головой, и мы рассмеялись.

— Да, — радостно ответил он.

Я села рядом с ним, прежде чем мисс Роуз попросила нас построиться в линейку, чтобы идти в столовую. По пути мы часто оглядывались, чтобы увидеть улыбку друг друга.

За обедом я села рядом с ним, и, хотя все одноклассники сидели рядом, казалось, никто из них нас не интересовал. Мы с Кеннеди были неразлучны.

Я узнала о нем так много за один день. Занимаясь с ним в паре на следующем уроке, я заметила, что он любил делиться идеями, но никогда не давил на меня. Ему было важно, что я думала об его идеях, и интересовался моими. Интересных мыслей у меня было немного, но он всегда охотно слушал. Мы заинтриговали друг друга.

Когда урок закончился, учительница стала называть номера автобусов, чтобы убедиться, что

все дети запомнили свои маршруты. Мой дом находился в пешей доступности от школы, поэтому я с нетерпением ждала, когда она объявит имена тех детей, которые пойдут пешком, и тех, за кем приедут на машинах.

И когда она это сделала, мы с Кеннеди одновременно вскочили со своих мест.

Я ухмыльнулась:

— Ты идешь домой пешком?

— Да, мой дом недалеко, вниз по улице, за той рощей, — ответил он, когда мы зашагали к выходу.

Я удивленно воскликнула.

— Правда? Мой дом тоже там, вниз по улице, но перед рощей, — пояснила я ему.

— Хочешь пойти со мной вместе? — предложил он.

Не раздумывая, я взяла его за руку и не отпускала до тех пор, пока мы не миновали коридор и не оказались на улице.

— Я не могла поступить по-другому, — ответила я, повернувшись к нему, чтобы он увидел мою улыбку.

— Тогда пойдём домой, — вздохнул он. Я почувствовала, как он крепко сжал мою руку, и подумала, что это было самое приятное чувство, что я когда-либо испытывала. Уже тогда я считала его своим лучшим другом и была счастлива, что он был рядом. Я знала, что нам всегда будет хорошо вместе. Уже тогда мы понимали, что навсегда останемся парой.

Мне хотелось внимания Кеннеди больше всего на свете, особенно когда мне было шесть лет. Он очаровал меня. До знакомства с Кеннеди мне всегда было любопытно, бывают ли у мальчиков вши. До встречи с Кеннеди я опасалась мальчиков. Однажды я пыталась подружиться с девочками, но мне никогда особо не нравилось с ними общаться. До Кеннеди у меня не было других друзей, кроме мамы и папы. Он всегда был моим лучшим другом, моим единственным другом. Мне хотелось, чтобы Кеннеди был со мной всегда, чтобы он всегда был рядом. И хотя мы в последний раз сказали друг другу «Привет» шестнадцатого августа, ровно двенадцать лет спустя после нашей первой встречи, я все еще надеялась, что каким-то образом он останется со мной. Я надеялась каждый день.

16 сентября 2006 года, 09:38

Уиллоу

Я почувствовала обнимающие меня руки, поцелуй в лоб и шепот «Проснись и поцелуй меня».

Улыбаясь, открыла глаза.

— Я проснулась, поцелуй меня, — сказала я, поворачиваясь к Уайатту лицом.

Мы встретились взглядами и вместе закрыли глаза. Он коснулся левой рукой моей щеки и поцеловал. *Утренний* поцелуй, нежный и ласковый.

— Новый день, — зевнула я, вспоминая, что мы уснули на заднем сиденье в его машине. Я опустила голову ему на грудь, обнимая. — Аннетт ждет меня.

Он, гладя меня по голове, ответил:

— Вообще-то она ждет нас *обоих*.

Я резко вскочила, в недоумении смотря на него.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что она ждет нас *обоих*?

— Твоя соседка дала мне как-то свой номер телефона, когда отвозила Аннетт в школу. Я позвонил ей, пока ты спала, и попросил предупредить Аннетт, что мы за ней заедем, — объяснил он. — Ты очень крепко спишь, просто чтобы ты знала, — заключил он.

— Конечно, порой это на руку. Минут двадцать назад я пукнул, и это было весьма *громко*, но ты даже не пошевелилась.

Я засмеялась.

— По крайней мере, мне не пришлось это нюхать, — сказала я, вздыхая. — Ох, Уайатт, тебе и правда нравится испытывать мою личную зону комфорта, *да*?

Уайатт фыркнул в ответ на мое замечание, пока я откинулась обратно на сиденье, положив голову ему на колени.

— Думаю, мне пора начинать проводить время с твоей дочерью за пределами школы. Тебе так не кажется? — спросил он, переводя на меня взгляд и ухмыляясь.

— Ты что-то замышляешь?

— Я уже кое-что придумал.

— Что ты надумал, Уайатт?

Он неспешно покачал головой.

— Тебе не обязательно все знать, — сказал он, ухмыльнувшись.

Я закрыла глаза, вздыхая.

— Хорошо, тогда удиви меня, Уайатт.

— Так и сделаю, — просто сказал он.

Мы вернулись на передние сиденья, и, съехав с травы на дорогу, направились в сторону его дома, чтобы он переоделся. По дороге ко мне домой мы играли в игру под названием «*Я никогда этого не делал*». Вместо того, чтобы попить алкоголь, мы лишь заявляли о том, делали это или нет.

— Я никогда ни с кем не спала в первый же час знакомства, — сказала я, решив начать первой.

— Нет, никогда, — подтвердил он. — Я никогда... не ходил на свидания с любительницами доминантов и ролевых игр, — сказал он.

Я подавилась смешком. Он бросил на меня взгляд, заставив нервно сглотнуть.

— Не знаю, считается ли это, но я была *однажды* на свидании с таким парнем пару лет назад. Он показался мне просто странным, пока не дал мне точно понять, что он один из этих. Я бросила его одного в ресторане и убежала, — заверила я.

Он покачал головой, ухмыляясь.

— Откуда ты знаешь, что я не люблю игры с доминированием?

— Уайатт, нет.

— Уиллоу, откуда мне знать, что и *ты* не любитель таких игр в постели?

Я прокашлялась, глянув на него.

— У меня никогда не было такого секса.

Он рассмеялся.

— У меня тоже.

— Что ж, мне полегчало, — улыбнулась я.

Мы продолжали играть всю дорогу до самого приезда, вдоволь насмеявшись друг над другом.

Припарковавшись рядом с домом, мы направились к парадной двери, держась за руки.

— Привет!

Мы подняли головы вверх и увидели Кейтлин, наблюдавшую за нами с балкона. В руках она держала сигарету, которую тут же отложила, поймав мой не одобряющий взгляд. Она самодовольно ухмыльнулась мне, и мы вошли в дом.

— А она с характером, — пробормотал Уайатт.

— Она просто чудила, — возразила я.

Когда мы зашли, я услышала, как Аннетт звала меня сверху.

— Мамочка!

Я быстро вбежала по лестнице, опустилась на колени в гостиной и обняла дочь. Она крепко обвила мою шею ручками и стала целовать меня в шею.

— Я скучала по тебе вчера, — прошептала я ей на ушко.

— Я так по тебе скучала, мамочка, — ласково сказала она. — Мы что, куда-то поедем с мистером Бланкеттом?

Я почувствовала, что Уайатт стоял за моей спиной.

— Спроси его сама, — ответила я.

— Мы собираемся куда-то, мистер Бланкетт? — вежливо спросила она его, не выпуская меня из объятий.

— Аннетт, можешь звать меня Уайатт, когда мы не в школе. Ты не против? — спросил он мою девочку.

Я почти почувствовала, как она улыбалась.

— Да, мне нравится это имя, — воскликнула она. — Уайатт — звучит *классно*.

— Спасибо. Твое имя тоже красивое, — сказал он. — Отвечая на твой вопрос, да, мы собираемся. Куда бы тебе хотелось поехать?

Он опустился на колени, чтобы иметь возможность говорить с Аннетт лицом к лицу. Я почувствовала нежное прикосновение его руки к своему плечу, и взглянула на Аннетт, ожидая, что она ответит.

— Эм-м, — заколебалась девочка. — О, знаю! Как насчет мороженого? *Все* любят мороженое, — уверенно заявила она.

— Звучит неплохо, — ответил ей Уайатт.

Мы встали.

— Идем, — тут же взбодрилась Аннетт, направляясь к лестнице. — Пока, тетя — Кейти! — прокричала она Кейтлин.

— Пока, малышка, — крикнула Кейтлин в ответ.

— Подожди нас у двери, Аннетт, — прокричала я ей вслед.

Мы с Уайаттом, обменявшись взглядами, повернулись к Кейтлин, стоявшей на кухне. Я подмигнула ей.

— Как прошел вчерашний вечер? — спросила я.

— Мрачновато, — пробормотала она, имея в виду алкоголь и сигареты. — Не беспокойся, — махнула она рукой в воздухе. — Детка крепко спала в своей постели, а я побыла на крыльце, потом пошла спать.

— Я верю тебе, — подтвердила я. — Но порой ты заставляешь меня переживать за тебя.

Она закатила глаза, хмыкнув в ответ.

Я в порядке, — настаивала подруга. — Уайатт, — она посмотрела на него, выдавив из себя улыбку, — вижу, гипс уже сняли. Как самочувствие?

— Чувствую облегчение, счастье, я чувствую себя комфортно и безопасно, — ответил он. — Гипс был кошмаром.

Она кивнула, размышляя.

— Мне нравится этот ответ, — она перевела взгляд на меня. — Он вроде *настоящий* мужчина. Большинство парней ляпнули бы что-то невнятное, типа «да гипс фигня, бывало и хуже» или «я не чувствую боли, сломанная рука не страшнее сломанного ногтя», — она драматично прикрыла рот рукой. — Уиллоу, думаю, ты должна беречь его.

— Мне тоже так кажется, — ответила я.

Уайатт усмехнулся, Кейтлин старалась показаться забавной.

— И не думаю, что когда-нибудь захочу уйти, — подчеркнул он, решив внести свое слово в нашу беседу.

От его слов мое сердце замерло.

— Мы сейчас уедем, ты не против, Кейтлин? — сказала я подруге, но смотрела на Уайатта, который тоже смотрел на меня.

— Хорошо, — сказала она и добавила: — Повеселитесь.

— Ты не хочешь переодеться? — неловко спросил меня Уайатт.

Я отрицательно покачала головой.

— Поеду так, — пожала я плечами.

Он согласился, и мы ушли. Аннетт держала нас обоих за руки, шагая между нами, пока мы не сели в машину Уайатта.

По дороге в магазин с мороженым все испытывали на себе вкус Аннетт в музыке. Она пела почти под каждую песню, вертясь на заднем сиденье. Дочка была счастлива и все время улыбалась. Мы все были счастливы и все время улыбались.

Уайатт нравился Кейтлин, Аннетт он нравился даже больше, чем подруге. Я любила Уайатта больше жизни.

Я представила жизнь без него, пустую и никчемную, и сердце сжалось, омрачая мое счастье. Мне этого не хотелось. Ни для меня, ни для него, ни для кого.

Мне хотелось, чтобы Уайатт остался со мной. В моей жизни еще оставалось неизведанное пустующее место, которое нужно было обязательно заполнить, и я хотела, чтобы именно Уайатт занял это место навсегда. Я хотела, чтобы он жил со мной, пока у нас еще было время. Я и знала, что он хотел того же.

17:29

Уайатт предпочел сорбет мороженому. Аннетт в обе щеки уплетала шоколадное мороженое из маленького стаканчика, посыпанное шоколадной крошкой. Я же выбрала себе шоколадное мороженое с орехами и мармеладом. Доев, мы отправились гулять в парк. Уайатт шепнул мне на ухо: «Помню тот день в больнице, когда ты рассказала мне, как вы с Аннетт любите гулять в парке. Поэтому я захотел пойти с вами именно в парк сегодня».

Я улыбнулась и посмотрела ему в глаза.

— Вот мы и здесь, — прошептала я в ответ.

Какое-то время Аннетт каталась на качелях. Она попробовала висеть на турнике, но не смогла на нем удержаться. Дочь сказала, что ее ладошки горели, на что я ответила ей, что такое бывает.

Уайатт улыбнулся мне и сказал Аннетт:

— В детстве у меня это неплохо получалось.

Аннетт попросила Уайатта показать ей, но он оказался слишком высоким для детской лесенки.

Надув губки, Аннетт повернулась ко мне.

— Можешь показать мне, мамочка? — умоляла она, невинно улыбаясь.

Я попыталась, и передвигаясь от одной трубы к другой, объясняла дочке:

— Нужно двигаться как можно быстрее, чтобы ручки не болели.

Аннетт кивнула, и когда я дошла до конца турника, она попыталась снова.

Попыткам не было конца, и каждый раз у нее получалось все лучше, пока, наконец, она не дошла до самого конца турника.

Мы с Уайаттом похвалили ее.

Позже мы вернулись домой. Мне хотелось снова провести вечер с Уайаттом, и он признал, что тоже хотел провести вечер со мной. Я отправила Аннетт в ванную чистить зубки, затем спросила Кейтлин, не против ли она, если я не останусь сегодня ночевать дома.

— Конечно, — ответила подруга, протягивая мне почту. — Желаю вам обоим приятного вечера, — она натянуто улыбнулась нам, но эта улыбка не была настоящей. Я понимала, что Кейтлин не сможет по-прежнему *улыбаться* после расставания с Брайаном.

Мы уложили Аннетт спать и вышли. Дочка радовалась, что у меня был парень. Она видела, что с ним я счастлива. И это было мне напоминанием, что мы с ним реальны. Одобрение дочери — это все, что мне было нужно.

Мы сели в его джип. Уайатт повернулся ко мне и сказал:

— День еще не окончен.

Он смотрел на меня интригующе и хитро улыбался, от чего я закатила глаза, опрокидывая голову назад. Я не собиралась задавать ему вопросы. Мне хотелось, чтобы он удивил меня.

— Я так и думала, — блаженно вздохнула я, повернувшись к нему.

Мы читали *любовь* в глазах друг друга. Чего еще мы ждали?

В тот момент я не понимала, почему мы еще не сказали друг другу этих слов. Мы оба чувствовали любовь, она была в наших глазах. Было ощущение, будто *одно* это *слово* окружало нас и витало в воздухе в миллионном количестве, и мы чувствовали и слышали его.

На меня *настоящие* слова не производили особого впечатления, в отличие от поступков. Слова любви, которых мы ждали, было бы приятно услышать. Я знала, что когда мы оба скажем вслух «*Я люблю тебя*», это будет правдой.

Когда человек влюблен, он признается в своих чувствах. Он говорит о своей любви, так как хочет, чтобы его слышали. Почему мы еще не признались друг другу в любви? Я не знала. Но наши глаза говорили за нас, и мы это чувствовали. *Мы видели* эти буквы витающими в воздухе.

В тот вечер Уайатт снова повез меня к тем железнодорожным путям. Мы гуляли и разговаривали. После этого мы заехали в придорожное кафе, взяли себе бургеров с жареной картошкой и сладкой газировки, и сели ужинать в машине, припарковавшись рядом с кафетерием, наблюдая и посмеиваясь над проходящими мимо людьми.

Спустя час или около того мы поехали к нему домой. Я сменила грязную рабочую форму на одну из футболок Уайатта. Штанов не было, и его это, казалось, не заботило.

Мы слушали музыку и танцевали. Мы смеялись. Мы еще *сильнее* влюблялись друг в друга, чувства были остры. Неожиданно мы замерли. Мы смотрели друг на друга в ожидании.

Он опустил мои руки со своих плеч, держа их перед собой, и крепко сжал.

— Уиллоу, я не хочу, чтобы все это заканчивалось, — прошептал он.

— Просто нужно поверить в то, что кажется нереальной фантазией.

Он колебался.

— Но я уже поверил, — признался Уайатт.

— Как так? — спросила я.

Он отпустил мои руки, чтобы взять мое лицо своими. Инстинктивно я схватилась за его локти.

— Потому что я, черт возьми, так сильно тебя люблю, и ты здесь со мной. Мне хочется жить дальше, потому что *сейчас* у меня есть ты. Я никогда не верил, что такая любовь существует. Но сейчас я верю в то, что все считают иллюзией, потому что мне ничего не стоило в одно мгновение влюбиться в тебя, — нежно сказал он, выдыхая. — В одно мгновение, — прошептал он.

Я смотрела на него широко открытыми глазами, вбирая каждое слово. *Уайатт* впервые говорил мне об этом.

— Ты сказал...

— Я люблю тебя, — прервал он меня. — Да, я сказал именно это. Я думал, что будет сложно произнести вслух эти три слова, но так получилось. Это неуклюжие и бессмысленные слова. Но в нашем с тобой случае они не обман, они реальны для нас. Я чувствую это всей душой, как покалывание в груди. Я знаю, что ты тоже это чувствуешь, Уиллоу. Любовь в твоей душе.

— Покалывание, — сказала я, затаив дыхание.

Он притянул меня к себе, и, крепко обняв, поцеловал. Я ответила на его поцелуй.

В тот вечер мы не сдерживались. Он отнес меня в спальню и опустил на свою кровать. В ту ночь он ласкал все мое тело, пока мои руки блуждали по его спине.

В наших глазах читалось все. В ту ночь мы впервые занялись любовью. Мы спали вместе. Лежа в его объятиях, я водила пальцами по его обнаженному телу, местами накрытому пледом. Он поцеловал меня в висок. Я медленно провела рукой по его груди и положила ладонь туда, где билось его сердце. Мы закрыли глаза и погрузились в сон. Я проспала всю ночь, держа руку на его сердце и защищая его.

17 сентября 2006 года, 06:04

Уиллоу

Я проснулась раньше Уайатта, вспомнив, что не прочитала вчерашнюю почту. Тихо встав с кровати, я натянула через голову его футболку и на цыпочках спустилась в холл. В гостиной я взяла с кофейного столика все письма, которые положила туда еще вчера вечером, и побежала в гостевую уборную. Я предполагала, что это какие-то квитанции и рассылка.

Сев на унитаз, я стала перебирать по очереди каждый конверт.

Реклама — бросила в мусорную корзину.

Снова реклама — туда же.

Квитанция за кабельное — отложила на полку.

Я дошла до последнего конверта, в котором оказалось письмо от Трейс. Внутри я нашла два сложенных листка бумаги. Один листок был сложен вдвое в форме прямоугольника, другой сложен несколько раз в форме небольшого квадрата.

Не спеша, я развернула первый листок.

Дорогая Уиллоу,

Хочу сказать, что ты сейчас на стадии отрицания. Ты любишь этого парня. Ты уже любила его, когда приезжала ко мне в гости, любишь и сейчас. Его зовут Уайатт Бланкетт, верно? Я отлично читаю по лицам, дорогая. Взгляни правде в глаза, Уиллоу. Я знаю, ты достаточно сильна для этого. Я подтолкну тебя вперед. (Это письмо именно для того). Помнишь, я сказала, что должна кое-что вручить тебе, когда ты снова полюбишь? Вот оно. Не эту записку, а второе, то маленькое письмо. Оно написано не мной. Я даже не знаю, что в нем. Твой любимый человек написал его специально для тебя, и он хотел, чтобы я отдала его тебе, когда ты полюбишь кого-то. Так что выброси эту записку и возьми то настоящее письмо, прочитай его целиком, и двигайся, наконец, дальше, люби Уайатта Бланкетта так, как должна.

С любовью,

Трейс

Я не стала выкидывать письмо от Трейс, а положила его на полку поверх квитанции за кабельное. Медленно, я достала другое письмо из конверта и раскрыла его. Дрожащий вздох сорвался с моих губ, когда я увидела почерк *Кеннеди* впервые за последние девять лет. В письме было стихотворение, *милое* стихотворение о нашей любви и о том, как его болезнь ворвалась в наши жизни. Он написал его в объяснение тому, почему уходил так рано, хотя я и так отлично это понимала, но, несмотря на это, не могла смириться с его отсутствием. Я была несчастна, но не по его вине.

Я заплакала и провела ладонью по щекам, вытирая слезы. Мой взгляд упал на последние строки, которые были написаны под стихотворением.

П.С.: Когда в твоём сердце загорится пламя, позволь себе влюбиться в кого-то еще. Говори любимым, что любишь их, чтобы они всегда об этом знали. Не позволяй нашей истории поставить точку в твоей личной жизни. Ты была моей вечностью. Я был твоим началом.

Я слабо улыбнулась, проводя пальцами по написанным словам. «Больше всего на свете,

Кеннеди. Я скучаю по тебе так сильно», — прошептала я, закрыв глаза.

Он не лгал. В глубине души я знала, что Кеннеди хотел бы, чтобы я снова кого-то полюбила и жила дальше. Его слова помогли мне осознать, что он не был моей вечностью — это я была его вечностью. Он был моим началом и навсегда им останется. Он был первым для меня во всем. Никто не смог бы отобрать это у него. Ни смерть, ни я, ни даже Уайатт.

Я сложила письмо и положила его в конверт вместе с письмом Трейс. Собрав в кучу все письма и крепко прижав к груди, я вышла из уборной.

Положив конверты на прикроватную тумбочку с моей стороны кровати, я прильнула к Уайатту. Мне уже не хотелось быть бесшумной, как раньше. Он проснулся от шороха, обнял меня за талию и притянул ближе к себе, пробормотав:

— Доброе утро.

Открыв глаза, он посмотрел на меня, и я снова ее увидела — ту *любовь*, что витала в воздухе и читалась в наших глазах.

— Я так чертовски сильно тебя люблю, — спокойно сказала я. Вслух эти слова прозвучали почти обыденно. Они словно сорвались у меня с языка, словно это естественно. Мне понравилось впервые признаваться ему в любви. Мои чувства были настоящими, они были всем.

Он поцеловал меня, заправляя прядь волос мне за ухо, и вот его губы уже коснулись мочки уха.

— Я так чертовски сильно тебя люблю, — прошептал он.

Любовь была с нами до конца нашей жизни.